ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 1 (58) 2020

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATIONAL-ANALYTICAL MAGAZINE

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:
120001, 120002, 120008, 120009, 120013, 080005

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
д.э.н., к.ф.н., доц. Делия В.П.
Заместитель главного редактора
к.ю.н. Милов П.О.
Компьютерная верстка
Савеличев М.Ю.
Корректор
Игнашина А.А.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» – Я6743
Подписку можно произвести на сайте агентства.
Минимальный период подписки – 3 месяца

В НОМЕРЕ:

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ,
ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Издатель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:
117105, Москва, Варшавское ш., д. 23, каб. 306
Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56
http://ideka.ru
e-mail: nauka@ideka.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведенных сведений, данных и дат.
При перепечатке ссылка на журнал «Вестник Академии права и управления» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии ООО «Типография Азалит», тел./факс (495) 973-82-96
Подписано в печать 01.05.2020. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 14,18.
Печать цифровая. Заказ № 243 от 02.06.2020 г. Тираж 2000 экз.

ISSN 2074-9201
9 772074 920102 58

12+

Редакционный совет

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Юлия Вячеславовна, *доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;*

Салихов Борис Варисович, *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);*

Солодуха Петр Викторович, *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;*

Шкодинский Сергей Всеволодович, *доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, заведующий кафедрой Экономической теории, Московский государственный областной университет.*

12.00.00 Юридические науки

Агапов Павел Валерьевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;*

Бажанов Станислав Васильевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;*

Гаврилов Борис Яковлевич, *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;*

Дорская Александра Андреевна, *доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;*

Кузнецов Петр Уварович, *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;*

Минбалеев Алексей Владимирович, *доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;*

Нарутто Светлана Васильевна, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;*

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, *доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;*

Полякова Татьяна Анатольевна, *доктор юридических наук, доцент, заведующая Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации третьего класса, почетный работник юстиции;*

Радько Тимофей Николаевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;*

Тарасов Анатолий Михайлович, *доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации.*

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, *доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандигарх, Индия);*

Дэвид Рейнольдс, *доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;*

Мкртумян Арман Юрьевич, *заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;*

Пол Смит, *доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);*

Уоррен Кимбол, *доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;*

Ю Синода, *доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).*

Эксперты:

Меськов Валерий Сергеевич, *доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;*

Тихонов Александр Васильевич, *доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук;*

Шеремет Игорь Анатольевич, *доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации, заместитель директора по науке, Российский фонд фундаментальных исследований, член-корреспондент Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации третьего класса.*

© Коллектив авторов, 2020
© АНО ВО «ИДК», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Бажанов Станислав Васильевич,
КУЛЬТУРА ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ КАК ФАКТОР БЛАГОТВОРНО СКАЗЫВАЮЩИЙСЯ НА КАЧЕСТВЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ

Stanislav V. Bazhanov,
LEGISLATOR'S WRITTEN LANGUAGE CULTURE AS A FACTOR THAT HAS A BENEFICIAL EFFECT ON THE QUALITY OF CRIMINAL PROCEDURE NORMS 8

Базылев Владимир Николаевич,
ПРОБЛЕМА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАКТИКЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (РЕФЕРАТИВНЫЙ ОБЗОР)

Vladimir N. Bazylev,
THE PROBLEM OF UNCERTAINTY IN THE PRACTICE OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE (ABSTRACT REVIEW) 16

Ветрова Ольга Алексеевна, Гостев Александр Николаевич, Демченко Татьяна Сергеевна, Петрова Ольга Владимировна,
НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК ПРИЧИНА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ, ПОДПАДАЮЩИМИ ПОД ДЕЙСТВИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

Olga A. Vetrova, Alexander N. Gostev, Tatyana S. Demchenko, Olga V. Petrova,
ILLEGAL MIGRATION AS A CAUSE OF CRIMES COMMITTED BY FOREIGN NATIONALS SUBJECT TO ADMINISTRATIVE SUPERVISION 25

Левандовская Мария Геннадьевна,
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ОПЬЯНЕНИЯ

Maria G. Levandovskaya,
CRIMINAL LAW VALUE OF THE STATE OF INTOXICATION 32

Малышева Татьяна Вячеславовна,
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Tatyana V. Malysheva,
THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF AGRICULTURAL COOPERATION IN MODERN RUSSIA 37

Никонов Павел Владимирович,
КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СВЯЗАННЫЕ С ДАЧЕЙ И ПОЛУЧЕНИЕМ ВЗЯТКИ И ИНЫМИ ВИДАМИ НЕЗАКОННОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Pavel V. Nikonov,
CORRUPTION OFFENCES RELATED TO THE GIVING AND RECEIVING OF BRIBES AND OTHER TYPES OF ILLEGAL REMUNERATION UNDER RUSSIAN CRIMINAL LAW 42

Сазин Сергей Тихонович,
ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ СВЕРХЛЕГКИХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Sergey T. Sazin,
THE ORGANIZATION OF STATE CONTROL AND OPERATION OF ULTRALIGHT AIRCRAFT AND THEIR SOLUTIONS IN ORDER TO PROTECT THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN 48

Сероштан Александр Викторович,
К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ НАХОЖДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ РФ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Alexander V. Seroshtan,
TO SOME QUESTIONS OF FINDING VARIOUS MILITARY FORMATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE TERRITORY OF FOREIGN STATES 54

Ткачёв Валентин Николаевич,
НЕКОТОРЫЕ КОНКУРСНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СДЕЛКИ ДОЛЖНИКА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Valentin N. Tkachev,
CONSEQUENCES OF INVALIDATING THE TRANSACTION OF THE DEBTOR IN RESPECT OF WHICH THE PROCEEDINGS IN THE INSOLVENCY (BANKRUPTCY) 59

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Богдановский Дмитрий Львович, Лисова Екатерина Валерьевна,
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Dmitry L. Bogdanovskiy, Ekaterina V. Lisova,
ON THE ISSUE OF THE REGION SOCIAL DEVELOPMENT 66

Горохова Полина Андреевна,
СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМНЫХ КАМПАНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Polina A. Gorokhova,
THE SPECIFICITY OF EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF ADVERTISING CAMPAIGNS ON THE INTERNET 72

Гостев Александр Николаевич, Демченко Татьяна Сергеевна, Демченко Максим Владимирович,
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ МАЛЫМИ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ВУЗОВ РОССИИ: ИСТОРИЯ, ОПЫТ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Alexander N. Gostev, Tatyana S. Demchenko, Maxim V. Demchenko,
STRATEGIC MANAGEMENT OF SMALL INNOVATIVE ENTERPRISES OF RUSSIAN UNIVERSITIES: HISTORY, EXPERIENCE, CONDITION, PROSPECTS 78

Миндлин Юрий Борисович,
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КЛАСТЕРОВ

Yurii B. Mindlin,
FOREIGN EXPERIENCE OF CLUSTER OPERATION

Пантелеева Татьяна Александровна, Бойков Александр Игоревич,
АНАЛИЗ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОНЛАЙН-КАСС

Tatyana A. Panteleeva, Alexander I. Boykov,
ANALYSIS OF THE INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF ENTERPRISES IN THE AGRO-INDUSTRIAL SECTOR OF THE ECONOMY ON THE EXAMPLE OF USING ONLINE CASH REGISTERS 94

Салихов Борис Варисович,
НЕОЛИБЕРАЛИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ СТАГНАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Boris V. Salikhov,
NEOLIBERALISM AS AN IDEOLOGY OF STAGNATION OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT 99

Шкодинский Сергей Всеволодович, Назаров Андрей Геннадьевич,
ПОДДЕРЖАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ КАК КЛЮЧЕВОЕ УСЛОВИЕ ЕГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Sergey V. Shkodinsky, Andrey G. Nazarov,
MAINTAINING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE AT A HIGH LEVEL AS A KEY CONDITION FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT 107

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Королев Дмитрий Валерьевич,
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ПРИРОДООХРАННЫХ ПРОКУРАТУР В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И БЕСПРЕПЯТСТВЕННЫЙ ДОСТУП К ВОДНЫМ ОБЪЕКТАМ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Dmitrii V. Korolev,
IMPROVEMENT OF ACTIVITY SPECIALIZED ENVIRONMENTAL PROSECUTORIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A WAY OF PROTECTING RIGHTS CITIZENS FOR A FAVORABLE ENVIRONMENT AND UNLIMITED ACCESS TO WATER FACILITIES COMMON USE 115

УДК 343.139.1

Бажанов Станислав Васильевич,
доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств,
полковник юстиции в отставке, г. Москва,
svb-1956@mail.ru

КУЛЬТУРА ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ КАК ФАКТОР БЛАГОТВОРНО СКАЗЫВАЮЩИЙСЯ НА КАЧЕСТВЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ

Аннотация. *В настоящей статье автор подвергает научному анализу крайне актуальную проблему, состоящую в необходимости более тщательной разработки уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, его внедрении в правоприменительную практику. Автор считает, что парламентарии обязаны вдумчивее относиться к культуре письменной речи, сохранению и дальнейшему развитию отраслевого понятийного аппарата. Дело в том, что неконтролируемое внедрение в сознание властных участников уголовного процесса заведомо ложных понятий и представлений впоследствии приводит к умножению непроизводительного, бесполезного труда следователей и судей. Механизмы негативного влияния подобного «опыта» на уголовно-процессуальную деятельность её субъектов наглядно иллюстрированы на примере таких понятий как «процессуальный документ», «процессуальный акт», «процессуальное решение», «процессуальное действие» и др.*

В статье утверждается также, что непродуманная смысловая нагрузка, предопределяемая разработчиками всевозможных законопроектов для отдельных понятий, представлений, норм и институтов, приводит, подчас, развитие российского уголовно-процессуального законодательства в тупик. Данный тезис с избытком доказывается анализом стадии исполнения приговора (определения, постановления), длительное время остававшейся в центре внимания отечественных ученых.

Автор статьи аргументировано доказывает, что данную стадию уголовного процесса следует именовать не стадией исполнения приговора, а стадией исполнения наказания, что принципиально значимо для целей дальнейшего полноценного совершенствования федерального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальное решение, процессуальное действие, процессуальный документ, процессуальный акт, определение, приговор, постановление, стадия исполнения приговора, процессуальная форма, уголовно-процессуальная деятельность, следователь, судья, федеральное законодательство

Stanislav V. Bazhanov,
Doctor of Law, Professor, Academician Peter's Academy of Arts and Sciences, retired colonel of justice, Moscow,
svb-1956@mail.ru

LEGISLATOR'S WRITTEN LANGUAGE CULTURE AS A FACTOR THAT HAS A BENEFICIAL EFFECT ON THE QUALITY OF CRIMINAL PROCEDURE NORMS

Abstract. *In this article, the author submits a highly relevant problem to scientific analysis, which consists in the need for a more thorough development of the criminal procedural legislation of the Russian Federation and its implementation in law enforcement practice. The author believes that parliamentarians are obliged to be more thoughtful in the culture of writing, preserving and justifying the further development of the sectoral conceptual apparatus. The fact is that the uncontrolled introduction into the minds of powerful participants in the criminal process of (knowingly) false concepts and ideas subsequently leads to an increase in the unproductive, useless work of investigators and judges. The mechanisms of the negative impact of such an "experience" on the criminal procedural activity of its subjects are clearly illustrated by such concepts as "procedural document", "procedural act", "procedural decision", "procedural action", etc.*

The article also claims that the ill-conceived semantic load predetermined by the developers of all kinds of bills for individual concepts, ideas, norms and institutions, sometimes leads to the development of Russian criminal procedure legislation to a standstill. This thesis is abundantly proved by the analysis of the stage of the execution of the sentence (determination, decision), which for a long time remained in the center of attention of domestic scientists.

The author of the article argues reasonably that this stage of the criminal process should not be called the stage of the execution of the sentence, but the stage of the execution of the sentence, which is fundamentally important for the purpose of further full-fledged improvement of federal legislation

Keywords: criminal process, procedural decision, procedural action, procedural document, procedural act, determination, sentence, decision, stage of execution of the sentence, procedural form, criminal procedural activity, investigator, judge, federal law

Досудебное производство по уголовным делам можно рассматривать как череду следственных ситуаций, алгоритм поступательной (последовательной) трансформации которых наглядно прослеживается в частных (конкретных) методиках расследования преступлений. В каждой из них правомочными должностными лицами принимаются промежуточные и итоговые решения, видовое разнообразие которых представлено тематическими криминалистическими классификациями. Среди них выделяют решения процессуальные, оформляемые постановлениями (определениями), и тактические, не требующие особой письменной формы.

Старания российского ученого сообщества в части поддержания культуры письменной речи парламентариев, проявляющейся в текстах принимаемых ими федеральных законов, должны окупаться сторицей, упреждая всевозможные нарушения, допускаемые, часто по недоразумению, участниками уголовного процесса в условиях психологических конфликтов между ними, что умаляет случаи их последующего обжалования в прокуратуру или в суд. Для этого, собственно, и предусмотрена письменная процессуальная форма, воочию фиксирующая обстоятельства, приведшие к противостоянию сторон, и, в равной мере, правомерность решений и действий представителей исполнительной (следственной) и судебной власти.

Вкупе с термином «процессуальный документ» в теории уголовно-процессуального права употребляются и другие словообразования: «процессуальное решение», «процессуальный акт» и «процессуальное действие».

Первый из перечисленных означает любой документ, приобщенный к материалам уголовного дела (подшитый в нём). К этой же категории относятся: заключение эксперта, обвинительное заключение и приговор. Наличествуют и акты: постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт. Отдельную группу составляют протоколы следственных и судебных действий, отражающие их ход и результаты; они носят удостоверительный характер.

Особняком от названных документов отстоит отдельное поручение следователя, направляемое им в оперативно-розыскные органы в порядке, предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ, несмотря на то, что предложения о необходимости его оформления, по общему правилу, постановлением, в юридической литературе конца 70-х годов прошлого века уже высказывались.

В настоящей статье исследуется юридическая природа, главным образом, процессуальных решений, за вычетом других, относящихся к сфере оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения предварительного расследования и судебного разбирательства.

Письменная форма решений, принимаемых следователями или судьями, служит надежной гарантией от злоупотреблений с их стороны, обусловливаемых вынужденным вторжением в сферу прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений. Цели, вынашиваемые властными участниками уголовного процесса при планировании и проведении следственных (судебных) действий, достигаются ими, как правило, в условиях повышенного риска тактико-правовых ошибок, заметно снижающегося в бесконфликтной обстановке судебного или досудебного производства.

Немалое значение имеет наличие у следователя (судьи) профессиональных знаний, достаточного опыта и устойчивых навыков в работе с доказательствами, особенно при осуществлении различного рода тактических комбинаций и их комплексов.

Риск воспринимается обычно как нежелательный, но неизбежный компонент расследования (судебного разбирательства). Он абстрактно форматирует правовое поле для подготовки и принятия следователями (судьями) альтернативных вариантов решений и действий, если, конечно, таковые в их распоряжении имеются.

Всякое решение ориентировано на достижение назначения уголовного процесса, очерченного в ст. 6 УПК РФ. «Материализующее» его постановление состоит из вводной, описательной и резолютивной частей. Оно должно отвечать требованиям законности, обоснованности, мотивированности и юридической точности формулировок, комментировать суть которых автор настоящей статьи в данном контексте не будет; вопрос этот не является оригинальным.

Согласно п. 33 ст. 5 УПК РФ, процессуальным признаётся решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке,

установленном настоящим Кодексом [1]. Скоропалительная подготовка, несвоевременное принятие и небрежное оформление решения порождают ненадлежащее его исполнение. Способствует этому не только несовершенство федерального законодательства [11, с.19-26], ведомственных нормативных правовых актов, но и махровый нигилизм, свойственный отдельным представителям следственной, прокурорской и судебной власти.

В числе отличительных черт, приписываемых процессуальным решениям, как правило, выделяют:

– принятие их правомочными должностными лицами, ответственными за производство по уголовному делу;

– отражение в них властного веления закона;

– порождение и прекращение ими уголовно-процессуальных правоотношений;

– обоснование в них ответов на ключевые вопросы предварительного или судебного следствия;

– вынесение их в установленном законом порядке, в определенной технико-юридической форме.

Процессуальные документы и решения, как правило, нередко отождествляются, что не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. Так, в преамбуле постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» отмечается, что *приговором* является постановленное именем Российской Федерации *решение* суда по уголовному делу о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении от наказания [21].

Вдумчивое осмысление приведенного тезиса свидетельствует о смешении в нём ключевых понятий «приговор» и «решение». Можно ли с этим согласиться? В принципе – нет, без принципа – конечно. Однако подобное уравнивание различных по юридической формуле терминов порождает далеко идущие последствия, особенно тогда, когда описываемая практика приобретает массовый характер.

Подтверждением сказанному являются положения ст. 1 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», где декларируется, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными *подразделениями* государственных *органов* (далее – *органы*, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность) [2]. Нетрудно убедиться в том, что в комментируемой норме понятия «орган» и «подразделение» трактуются как взаимозаменяемые. Это вызывает серьезные возражения с позиций теории управления.

Не менее противоречивую тенденцию обозначил профессор Б.Я. Гаврилов. В одной из своих публикаций он подверг предметному обсуждению практику возбуждения следователями в рамках текущих производств уголовных дел о дополнительно выявляемых преступлениях, совершенных тем же обвиняемым или другими лицами, не вовлеченным до поры в уголовный процесс в подобающем качестве (при условии, конечно, что вновь выявленные эпизоды находились в причинно-следственной связи с ранее установленными) [14, с. 150-165].

Среди ученых, к сожалению, поутихли дискуссии на предмет несоответствия процессуальной формы постановления о привлечении в качестве обвиняемого его содержанию. Современная модификация названного процессуального акта в лучшую сторону не изменилась. Права обвиняемому, как и прежде, разъясняются после предъявления обвинения, о чём делается отметка на оборотной стороне постановления, в конце страницы [22]. Реже данный факт отражается в отдельном протоколе, приобщаемом к уголовному делу после выполнения рассматриваемой процедуры. В то же время разъяснение обвиняемому его прав (знать, в чем он обвиняется, пользоваться услугами защитника, представлять доказательства, заявлять отводы, и т.д.) должно осуществляться до предъявления обвинения с тем, чтобы он мог своевременно ими воспользоваться. Отметку об этом логичнее было бы делать во вводной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Двусмысленные понятия и представления, внедряемые разработчиками законопроектов в «светлые головы» парламентариев, впоследствии образуют источники права, умножающие, в смысле сказанного, бесполезный труд властных участников уголовного процесса, и исподволь потворствуя сверхнормативной формализации следственно-судебного производства.

Работа в судебных архивах, проведенная автором настоящей статьи в начале нулевых годов, среди прочего, показала, что во многих следственно-судебных материалах встречались, так называемые, «отсекающие постановления», число которых колебалось от одного-двух до пяти-семи на одно уголовное дело. Доходило до смешного: следователи выносили указанные постановления по поводу того, что ножницы не являются, видите ли, холодным оружием. В других ситуациях оценка давалась действиям преступника, прибывавшего на место не запланированного (ситуационного) преступления с компанией, остававшейся в машине и никаких преступных действий не совершавшей. Иногда в таких процессуальных документах отвергался хулиганский мотив в развитие дела частного обвинения, умысел на убийство при причинении тяжкого вреда здоровью пострадавшего с применением ножа, и т.п. Аналогичные примеры с лихвой иллюстрированы в следующих уголовных делах: № 1-91/00, № 1-581/00; № 1-521/00, № 1-581/00 [19].

Механическое восприятие следователями «буквы закона», начертанной «Эзоповым языком», хорошо прослеживается в названиях процессуаль-

ных документов, составлявшихся ими самостоятельно, при отсутствие бланков. Исходя из установлений ст. 171-175 УПК РФ, ими выносились: постановление о прекращении уголовного дела «по эпизоду» (УД № 1-667/99), постановление «о квалификации действий обвиняемого» (УД № 256319; суд. № 2-391/99); УД № 254380; суд. № 2-388/399) [20].

Подобный «опыт» избыточен; он поощряет непроизводительный труд. Почему? Ответ на этот вопрос можно найти в названиях комментируемых процессуальных документов: просто постановление; постановление о прекращении уголовного дела (преследования); постановление о прекращении уголовного дела в части; частичное прекращение уголовного дела.

Незавершенность последней, наиболее приближенной к тексту закона, формулировки, произвольно интерпретирующей положения, точнее – название ст. 175 УПК РФ, и способствует широкому распространению данной традиции в следственно-судебной практике. Если ознакомиться с содержанием ч. 2 ст. 175 УПК РФ, то никаких оснований для инсинуаций по её свободному толкованию обнаружить не удастся; читаем: «Если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения, то следователь своим постановлением прекращает уголовное преследование в соответствующей части, о чем уведомляет обвиняемого, его защитника, а также прокурора».

Стало быть, законодатель прямо указывает на то, что *постановление о прекращении уголовного дела в части предъявленного обвинения* должно наличествовать в его материалах лишь в том случае, если ранее инкриминированный обвиняемому эпизод уже включался в описательную часть постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В противном случае, даже тогда, когда признаки преступления, предполагавшегося к последующему вменению, указывались в резолютивной части постановления о возбуждении уголовного дела, обязанности выносить постановление о прекращении уголовного дела (преследования) «в части», у следователя не возникает.

Следует исходить из того, что в описательной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого дается (должна даваться) исчерпывающая квалификация противоправных действий обвиняемого, основывающаяся на анализе всех формальных доказательств, полученных на первоначальном этапе предварительного следствия. В случае её неполноты или не качественности прокурор, а затем и суд первой инстанции, обязаны обратить внимание следователя на допущенные им нарушения. В дальнейшем не исключается их исправление в стадиях апелляционного, кассационного и судебно-надзорного производства, посредством чего реализуется многоступенчатая система надзора (контроля), предмет которого составляет обоснованность промежуточных и итоговых процессуальных решений, принимаемых должностными лицами органов уголовной юстиции [6, с. 52-54].

Безграничному разрастанию в следственно-судебной практике означенных разночтений потворствует и сам законодатель, не расставляющий должных акцентов в декларируемых им нормах. Подтверждением этому является некорректное название ст. 175 УПК РФ «Изменение и дополнение обвинения. *Частичное прекращение уголовного преследования*»; формулировка «частичное прекращение уголовного преследования» должна выглядеть иначе: «прекращение уголовного преследования в части предъявленного обвинения», на что, собственно, и обращает внимание сам законодатель в ч. 2 ст. 175 УПК РФ.

На важность соблюдения культуры письменной речи, приверженности устоявшимся языковым стандартам в части уголовно-процессуального понятийного аппарата автор настоящей статьи неоднократно указывал и ранее [7, с. 172-174].

Для подтверждения актуальности этого вопроса уместным будет привести критические замечания к разъяснениям отдельных понятий, упоминаемых в ст. 5 УПК РФ.

Так, в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ провозглашается, что результатами оперативно-розыскной деятельности являются сведения о *признаках* преступления. Возникает вопрос, как это результатами оперативно-розыскной деятельности могут являться сведения о *признаках* преступления, которые обычно выступают в качестве формального повода для её начала?

Аналогичная неверная интерпретация прослеживается и в ведомственном нормативном правовом регулировании (МВД), где результатами процессуальной проверки предписывается подчас признать *признаки* преступления, изначально являвшиеся поводами к ней [9, с. 11-15; 10, с. 47-51].

В п. 38 ст. 5 УПК РФ розыскные меры определяются как меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления. Подобные комментарии некорректны, ибо розыскные меры ориентируются на установление места нахождения скрывшегося подозреваемого, обвиняемого, то есть известного участника уголовного процесса.

В п. 38.1 ст. 5 УПК РФ руководитель следственного *органа* позиционируется как должностное лицо, возглавляющее следственное *подразделение*, хотя понятия «орган» и «подразделение», как уже отмечалось, взаимоисключающие.

В соответствии с п. 50 ст. 5 УПК РФ судебным заседанием признаётся процессуальная форма *осуществления правосудия* в *ходе досудебного* и судебного *производства*. В данном случае неясно, о чем

речь, поскольку правосудие в досудебных стадиях уголовного процесса не осуществляется.

В п. 56 ст. 5 УПК РФ словосочетание «уголовное судопроизводство» истолковывается как синоним досудебного и судебного производства, несмотря на то, что с точки зрения семантики изречение «уголовное судопроизводство» означает уголовно-процессуальную деятельность и правоотношения, складывающиеся исключительно в суде (П.С. Элькинд).

Апофеозом интеллектуальной мысли законодателя выступает содержание п. 58 ст. 5 УПК РФ, где *участники* уголовного судопроизводства подаются как лица, принимающие *участие* в уголовном процессе.

Вырванными из общего контекста выглядят положения ст. 53.1 – 53.-3 УПК РФ, которые автор настоящей статьи специально оставил напоследок. Так, согласно п. 53.1 ст. 5 УПК РФ, судебным *решением* признаётся *приговор*, *определение* и *постановление*, в то время как приговор следовало бы, строго говоря, декларировать как процессуальный документ или, по крайней мере, решение, облеченное в процессуальную форму.

Аналогичные замечания допустимы в отношении п. 53.2 УПК РФ, согласно которому итоговое судебное *решение* расценивается как *приговор*, иное решение, вынесенное в *ходе* судебного разбирательства. *(Итоговое)* р*ешение* содержится в резолютивной части *приговора*, что имеет принципиальное значение.

В п. 53.3 УПК РФ промежуточные судебные *решения*, *определения* суда, *постановления* судьи в понятийном аспекте уравниваются, хотя они разнятся (как форма и содержание). Привередливый читатель мог бы, наверное, упомянуть крылатое изречение известного философа о том, что форма – это уже содержание (Гегель). «Темна вода», – так характеризовал вождь мирового пролетариата подобные оригинальные заключения.

Качество нормативного правового регулирования оказывает прямое воздействие не только на эффективность правоприменительной практики, но и на выбор оптимального вектора совершенствования федерального законодательства. Применительно к теме разговора, вынесенной в заголовок настоящей статьи, суть проблемы сводится к утверждению очевидного, но мало кем замечаемого, факта: исполняется не приговор (процессуальный документ) и даже не содержащееся в его резолютивной части решение (интеллектуально-волевой акт), исполняется наказание, провозглашенное судом в приговоре. Именно поэтому стадию исполнения приговора логичнее было бы именовать стадией исполнения наказания [12, с. 32-34], которая к уголовно-процессуальному законодательству отношения не имеет и должна быть из него исключена.

Учеными юристами данная «нетрадиционная» стадия уголовного процесса (ст. 396–401 УПК РФ), обрамленная нетипичными процедурными сроками, давно подвергалась критическому осмыслению [15, с. 46-48]. Высказывались заслуживавшие одобрения и поддержки суждения об окончании уголовно-процессуальных правоотношений в момент вступления приговора суда в законную силу (В.В. Николюк).

Специфика неоднозначного нормативного правового регулирования стадии исполнения приговора в кодифицированных законодательных актах уголовно-правового блока, такова, что многие ученые, пытавшиеся проникнуть в юридическую природу соответствующих правоотношений, с различными оговорками, но признавали её относительную самостоятельность от традиционного уголовного процесса. Это позволяло им высказывать аргументированные соображения о необходимости наименования данной стадии «особым» (Т.Н. Добровольская) или «дополнительным» (Ю.К. Якимович) производством.

Тем не менее, по справедливому замечанию Л.Ф. Мартыняхина, дальнейшие попытки совершенствования законодательной регламентации судебного порядка разрешения отдельных вопросов в рамках стадии исполнения приговора представляются малоперспективными, как и реализация предложений о её разделении на две самостоятельные: приготовления судебного решения к его исполнению и решение вопросов, возникающих в процессе реализации решения или после такового (В.Д. Адаменко). Подобного «косметического ремонта», убежден процитированный автор, явно недостаточно в условиях реформирования судебной системы [16, с.54-57].

За целесообразность более четкого законодательного определения компетенции суда в стадии исполнения приговора выступал упоминавшийся выше В.В. Николюк [18, с.85]. Карательно-восстановительный аспект исправительного процесса выделял А.Л. Реминсон; об исправительно-трудовом процессе писали А.Е. Наташев и Н.А. Стручков [17, с.90]. На назревшую потребность разграничения смежных правовых институтов уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, касающихся обсуждаемых здесь вопросов, настаивает автор настоящей статьи [5, с.52-55], ратующий за разработку автономной отрасли Уголовно-исполнительного процессуального права [3, с.95-99; 4, с.51-52].

С формально-этической точки зрения, приведенные соображения должны распространяться и на порядок обращения приговора к исполнению, в силу чего ст. 393 УПК РФ было бы полезно переименовать. В качестве рабочей версии её обновленного названия можно было бы предложить следующее: «Порядок обращения к исполнению назначенного приговором суда наказания».

Таким образом, автор настоящей статьи присоединяется к мнению ученых об окончании уголовно-

процессуальных правоотношений в момент вступления приговора суда в законную силу. Круг процессуальных вопросов, обыкновенно рассматривавшихся в стадиях судебно-надзорного производства и возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, мог бы разрешаться в рамках уголовно-исполнительного судебного процесса (на эту тему надо подумать отдельно).

К слову заметим, что в названии главы 49 УПК РФ употребляются слова «новые» и «вновь», которые, несмотря на предполагаемые различия, понятные сами по себе, являются синонимами.

В последние годы некоторые ученые стали утверждать, что УПК РФ был принят без должных научных обсуждений (согласительных процедур), вследствие чего в него впоследствии и было внесено огромное количество поправок и дополнений, деформировавших структуру его Общей и Особенной частей. Исходя из указанных соображений, глашатаи очередного («неизбежного») «обновления» отраслевого законодательства начали инициировать скорейшую подготовку обновленного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Очень хотелось бы, чтобы разработчики указанного кодифицированного законодательного акта не забывали о культуре письменной речи, о понятийном аппарате, составляющем его корневую основу.

Думается, что указанное направление совершенствования государственно-правовой политики Российской Федерации в области борьбы с преступностью достойно считаться приоритетным для фундаментальных научных изысканий ближайшего обозримого будущего.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. 1). Ст. 60.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. *Бажанов С.В.* Уголовно-исполнительный процесс: право на самоопределение / Концепция исполнения наказаний и пенитенциарная система в период реформирования России: сборник научных докладов. Владимир, ВЮИ МВД РФ. 1998.
4. *Бажанов С.В.* К вопросу о субординации норм Уголовно-исполнительного и Уголовно-процессуального законодательства России // Пенитенциарная система: настоящее и будущее: сборник материалов научно-практической конференции 28.12.2000. М.: НИИ УИС Минюста России. 2001.
5. *Бажанов С.В.* Уголовно-процессуальная политика, экономика и право: монография. Владимир, ВЮИ Минюста России. 2003.
6. *Бажанов С.В.* Чрезмерная формализация следственного производства // Законность. 2004. № 11.
7. *Бажанов С.В.,* Морохова О.А. Юрислингвистика и проблемы юридической терминологии // Вестник Владимирского юридического института. 2006. №1.
8. *Бажанов С.В.* Семантическая несостоятельность термина «недопустимые доказательства» // Российский следователь. 2007. № 17.
9. *Бажанов С.В.* Несовершенство нормативного правового регулирования налоговых проверок организаций и физических лиц как фактор, способствующий их легальному противодействию расследованию преступлений в сфере экономической деятельности // Противодействие расследованию преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности: материалы межвузовской научно-практической конференции 22.12.2008 / отв. ред. С. В. Бажанов. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2009.
10. *Бажанов С.В.* Правовой режим проверок финансово-хозяйственной, торговой и предпринимательской деятельности экономических субъектов Российской Федерации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 11.
11. *Бажанов С.В.* Несовершенство уголовно-процессуальных норм как фактор, предопределяющий их свободное толкование в правоприменительной практике // Следственная практика. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Вып. 197.
12. *Бажанов С.В.* Целесообразность смыслового разграничения понятий «исполнение приговора» и «исполнение наказания» // Мировой судья. 2016. № 1.
13. *Володина Л.М.* Решения в уголовном судопроизводстве // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-тилетию кафедры управления органами расследования преступлений): межвузовская научно-практическая конференция 23,24.04.2015 г. М.: Академия управления МВД России, 2015. Ч. 1.
14. *Гаврилов Б.Я.* Возбуждение уголовного дела: реалии судебного правоприменения // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-илетию кафедры управления органами расследования преступлений): международная научно-практическая конференция 23, 24.04.2016 г. М.: Академия управления МВД России. 2015. Ч. 1.

15. *Коломиец В.К.* О надежности доказательств исправления // Проблемы надежности доказательств в советском уголовном процессе. М., 1984.
16. *Мартыняхин Л.Ф.* «Пенитенциарный» суд в системе уголовной юстиции // Применение нового законодательства в области борьбы с преступностью. Домодедово, 1994.
17. *Наташев А.Е., Стручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967.
18. *Николюк В.В.* Взаимосвязь и взаимозависимость уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного кодексов // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 1998.
19. Архив Ленинского районного суда г. Владимира.
20. Архив Московского городского суда.
21. Российская газета. Федеральный выпуск от 7.12.2016 г. № 277 (7145).
22. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34520/75efe637e4a03f285246dae34b45678102203 9e7/ (дата обращения – 16.12.2019).

References

1. Federal Law of December 30, 2015 No. 440-ФЗ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the clarification of the powers of the head of the body of inquiry and the inquirer" // SZ RF. 2016. No. 1 (Part 1). Art. 60.
2. Federal law of 08.08.1995 No. 144-FZ "On operational-search activity" // SZ RF. 1995. No. 33. Article 3349.
3. *Bazhanov S.V.* The criminal-executive process: the right to self-determination / The concept of the execution of sentences and the penal system during the reform of Russia: a collection of scientific reports. Vladimir, VUI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 1998.
4. *Bazhanov S.V.* To the question of the subordination of the norms of the Criminal Executive and the Criminal Procedure Law of Russia // The prison system: present and future: collection of materials of the scientific and practical conference 12/28/2000. M. 2001.
5. *Bazhanov S.V.* Criminal procedure policy, economics and law: monograph. Vladimir, VUI Ministry of Justice of Russia. 2003.
6. *Bazhanov S.V.* Excessive formalization of investigative proceedings // Legality. 2004. No. 11.
7. *Bazhanov S.V.,* Morokhova O.A. Jurislingistics and problems of legal terminology // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2006. No. 1.
8. *Bazhanov S.V.* Semantic insolvency of the term "unacceptable evidence" // Russian investigator. 2007. No. 17.
9. *Bazhanov S.V.* Imperfection of normative legal regulation of tax audits of organizations and individuals as a factor contributing to their legal opposition to the investigation of crimes in the field of economic activity // Counteraction to the investigation of crimes committed in the field of economic activity: materials of the inter-university scientific and practical conference 22.12.2008 / rev. ed. S.V. Bazhanov. M.: Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009.
10. *Bazhanov S.V.* The legal regime for audits of financial, economic, trade and business activities of economic entities of the Russian Federation // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 11.
11. *Bazhanov S.V.* The imperfection of criminal procedure norms as a factor that determines their free interpretation in law enforcement practice // Investigative Practice. M .: Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation. 2015. Issue. 197.
12. *Bazhanov S.V.* The expediency of the semantic distinction between the concepts of "execution of a sentence" and "execution of a sentence" // Justice of the peace. 2016. No. 1.
13. *Volodina L.M.* Decisions in criminal proceedings // Organization of the activities of crime investigation bodies: managerial, legal and forensic aspects (to the 60th anniversary of the department of management of crime investigation bodies): interuniversity scientific and practical conference April 23,24.2015, Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. Part 1.
14. *Gavrilov B.Ya.* The initiation of a criminal case: the realities of judicial enforcement // Organization of the activities of crime investigation bodies: managerial, legal and forensic aspects (on the occasion of the 60th anniversary of the Department of Management of Crime Investigation Authorities): international scientific and practical conference 23, 04.24.2016, Moscow: Academy of Management Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. Part 1.
15. *Kolomiets V.K.* On the reliability of evidence of correction // Problems of reliability of evidence in the Soviet criminal process. M., 1984.
16. *Martynyakhin L.F.* "Penitentiary" court in the criminal justice system // Application of new legislation in the field of crime control. Domodedovo, 1994.
17. *Natashev A.E., Struchkov N.A.* Fundamentals of the theory of corrective labor law. M., 1967.
18. *Nikolyuk VV* The interconnection and interdependence of the criminal procedure and criminal executive codes // Actual problems of the theory of the fight against crime and law enforcement practice: an inter-university collection of scientific papers. Krasnoyarsk, 1998.

19. Archive of the Leninsky district court of Vladimir.
20. Archive of the Moscow City Court.
21. Russian newspaper. Federal issue of December 7, 2016 No. 277 (7145).
22. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34520/75efe637e4a03f285246dae34b45678102203 9e7/ (accessed December 16, 2019).

УДК 343.13

Базылев Владимир Николаевич,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры Общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права, АНО ВО «Институт деловой карьеры», г. Москва, профессор Московского государственного лингвистического университета, г. Москва, главный эксперт Лаборатории экспертных исследований и ситуационного анализа «ЛЭКСАН», v-bazylev@inbox.ru

ПРОБЛЕМА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАКТИКЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (РЕФЕРАТИВНЫЙ ОБЗОР)

Аннотация. *Обзор посвящен вопросам неопределенности принятия решений при проведении судебной лингвистической экспертизы. Анализируются имеющиеся исследования в названной сфере экспертной деятельности, возможные варианты принятия решений, связанные с той или иной предлагаемой теоретической базой. Обсуждаются находки и имеющиеся лакуны. Реферативный обзор носит оценочный характер: в его рамках предпринята попытка критического осмысления общеизвестных и общепринятых понятий и категорий, которыми пользуется в своей работе эксперт-лингвист. Методом работы с представленным научным материалом выступает анализ актуальных публикаций последних десятилетий ведущих научных отечественных журналов по вопросам права и экспертной деятельности, а также ряд фундаментальных монографий по тематике обзора. Дается суммарный анализ результатов научных исследований проблемы неопределенности.*

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, неопределенность, конфликтогенные тексты, достоверность вывода, стандартизация вывода.

Vladimir N. Bazylev,
Doctor of Letters, Full Professor, Institute of business career, Moscow, Apl.Prof., Dr., Moscow State Linguistic University, Moscow, Apl. Prof., Dr., Laboratory of expert research and situational analysis «LEXAN» – chief expert, v-bazylev@inbox.ru

THE PROBLEM OF UNCERTAINTY IN THE PRACTICE OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE (ABSTRACT REVIEW)

Abstract. *The review is devoted to the issues of uncertainty in decision-making during forensic linguistic examination. The article analyzes the results of research in this area of expert activity, possible decision-making options related to a particular proposed theoretical base. The findings and available gaps are discussed. The abstract review is based of an evaluative nature: it attempts to understand critically well-known and generally accepted concepts and categories used by the expert linguist. The method of working with the material is the analysis of current publications of the last decades of leading Russian scientific journals on law and expert activity, as well as a number of fundamental monographs on the subject of the review. A summary analysis of the results of scientific research on the problem of uncertainty is given.*

Keywords: forensic linguistic expertise, uncertainty, conflictogenic texts, reliability of the conclusion, standardization of the conclusion

Одна из проблем, с которой до сегодняшнего дня сталкивается любой эксперт, которому поручено проведение судебной лингвистической экспертизы, безусловно, связана с самим языком, вне зависимости от того, считать его феноменом или системой и структурой. Речь идет о проблеме неопределенности. Если попытаться расшифровать данное общее понятие, в том числе применительно к практике судебной лингвистической экспертизы, то оно означает, что эксперты-лингвисты оказываются в ситуации неопределенности принятия решений, неопределенности последствий данных решений, а также в ситуации вариационной неопределенности, которая, по мнению А.И. Кравченко, связана с «правилами игры» [10, с. 15].

В последнем случае речь идет о неопределенности формирования новых квазиусловий, а именно, об изменениях институциональных нормоимперативов, где известная неопределенность среды, принятия решений и их последствий принимает заранее не достоверно просчитываемую экспертом вариативность. Эта ситуация, впрочем, может рассматриваться

как закономерная, что продемонстрировано в книге В.Ю. Сокола «Кризис отечественной криминалистики», где речь, помимо прочего, идет о соотношении естественнонаучной и гуманитарной парадигм в теории и практике деятельности экспертов [21, с. 85]. В 9 главе своей книги, специально отведенной проблемам экспертной стратегии и политики, автор подчеркивает, что экспертная стратегия «не может относиться только лишь к криминалистике, а рассматривается как слияние (итог) криминалистического, криминологического, организационного и тактического эмпирического (опытного) знания <…> стратегия представляет собой некое «место соединения» уголовной политики и криминалистики/криминологии <…> поэтому считается проблематичным рассмотрение криминалистической стратегии только лишь как подобласти криминалистики, поскольку долгосрочные общие концепции без криминологической составляющей, поддержки исследовательской сферы и (или) других смежных наук представляются едва ли реалистичными» [21, с. 244-245]. Признавая, что любая стратегия охватывает собой существенную область экспертной деятельности, В.Ю. Сокол отмечает, что она может выходить за пределы конкретной области, представляя собой сверх- или наддисциплинарную область [21, с. 246].

Помимо такого взгляда на названную проблему в настоящее время продолжает оставаться актуальным подход с позиции сравнения отечественной и международной экспертной практики в надежде освоить полезные фрагменты зарубежного опыта. В первую очередь здесь следует назвать книгу Ш.Н. Хазиева «Международное право и судебная экспертиза» [24], в которой анализируются международно-правовые аспекты судебно-экспертной деятельности, а также международное сотрудничество в области судебной экспертизы. Обсуждая в Главе 1 указанного издания соотносительные принципы международного права и судебной экспертизы, автор акцентирует внимание читателя на следующих важных с его точки зрения моментах: «…актуальной сегодня является разработка вопросов соблюдения прав человека при производстве судебной экспертизы вызваной выявившимися в последнее время многочисленными нарушениями прав человека во всем мире и соответственно ответной реакцией правозащитных организаций, международных организаций <…> кроме того, большое значение приобрело европейское сотрудничество в этой области и деятельность Европейского суда по правам человека. Большое внимание роли судебной экспертизы в деятельности по защите прав человека уделяет Организация Объединенных Наций <…> Повышение интереса к общей теории судебной экспертизы также является характерным для последних двух десятилетий. Международное судебно-экспертное сообщество пришло к осознанию того, что отставание в области общей теории судебной экспертизы приводит к росту числа ошибок в практической деятельности. Кроме того, существенно повысились требования, предъявляемые к научной обоснованности выводов экспертов.» [24, с. 11-13].

Реферативные исследования зарубежного опыта, подобные приведенным выше, обладают значимостью для правильного понимания и оценки некоторых явлений в отечественной судебной практике. Речь идет в данном случае о достаточно проблематичной, с нашей точки зрения, ситуации: предложения А.И. Бастрыкина вернуть в судебный процесс ***поиск объективной истины*** (см. https://rg.ru/2012/03/15/bastrykin-site.html), а также серию откликов и комментариев юристов на это (см.: https://www.proza.ru/2017/02/11/494; http://www.ng.ru/politics/ 2015-03-24/1_bastrykin.html; https://www.gazeta.ru/politics/2012/03/16_a_4094769.shtml; http://advokat-ko.ru/2012/05/obiektivnaja-istina/).

Если перейти с метаязыка права на метаязык лингвистики, то вслед за Е.С. Кара-Мурзой следует говорить о том, что судебный дискурс вокруг конфликтогенных текстов имеет конкурентный характер. В свою очередь, он сам также конфликтогенен. Подобная амбиваленность обусловлена тем, что судебная лингвистическая экспертиза как род речеведческих криминалистических экспертиз имеет двойную природу и двоякую регуляцию. Она инициируется и применяется с сфере судопроизводства, в юридической логике, а выполняется по методикам лингвистической экспертологии, в которой существуют разные традиции и школы [9, с. 112-113]. Действительно, производство судебной лингвистической экспертизы, с одной стороны, регламентируется конвенциональным, но пока все еще некодифицированным научным методом. Эксперт, вроде бы, обязан следовать научным критериям работы с объектом, используя соответствующий нормированный в правовом поле концептуальный и методический аппарат, но отраслевого законодательного регулирования в этом случае пока нет [5].

Иллюстрацией тому могут служить многочисленные критические публикации аналитиков лингвистических судебных экспертиз (см. напр. публикации в «Новой газете» – «Экспертная уценка» (17.06.2016), «Эксперты специального назначения» (15.09.2019), и из последних напр., статья Б. Грозовского «Как устроен рынок экспертов на службе у СК» (см. https://theins.ru/politika/156222).

Сужая проблематику до судебно-лингвистической субпарадигмы, следует обратить внимание на следующее. С точки зрения научной парадигматики, в нашем случае лингвистической, следует обратить внимание, сформулировать и отрефлеткировать проблему. Речь идет о том, что метаязык права в русской

лингвокультуре сегодня использует термин «смысл». В качестве языковой иллюстрации приведем несколько выдержек из текста определения Конституционного суда РФ по жалобе гражданина Котова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 27 января 2020 года[1] .

Первый языковой пример: «Судебные решения по делу Котова Константина Александровича, принятые на основании статьи 212.1 УК Российской Федерации ***в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом,*** выявленным в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П, подлежат пересмотру в установленном порядке».

Второй языковой пример: «Согласно части второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» *основанием для рассмотрения дела Конституционным Судом Российской Федерации является* ***обнаружившаяся неопределенность*** *в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое законоположение.* Разрешая вопрос о принятии обращения к рассмотрению, Конституционный Суд Российской Федерации с учетом требований данного Федерального конституционного закона должен проверить, имеется ли такая неопределенность в действительности».

Третий языковой пример: «Как следует из судебных решений по делу К.А. Котова, суд общей юрисдикции, назначив ему наказание в виде лишения свободы на срок, приближающийся к верхней границе санкции за соответствующее преступление, исходил из того, что его действия представляют реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности. При этом суд не касался вопросов о том, был ли причиненный или реально угрожающий вред существенным и утратило ли проводимое публичное мероприятие мирный характер вследствие нарушения заявителем порядка его организации либо проведения. ***Однако именно наличие какого-либо из указанных обстоятельств и связанная с ними надлежащая оценка соответствующих доказательств – как это вытекает из статьи 212.1 УК Российской Федерации по ее конституционно-правовому смыслу,*** выявленному в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П, – являются необходимым условием применения лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного данной статьей».

[1] Цитируется по тексту, размещенному на «Официальном интернет-портале правовой информации» – www.pravo.gov.ru. Выделение фрагментов принадлежит автору статьи.

Как видим, судебный дискурс оперирует термином «смысл», принудительно переводя интерпретативную практику из сферы лингвистики (если речь пойдет о судебной лингвистической экспертизе) в сферу герменевтики или междисциплинарности (напр. психолингвистики) или полидисциплинарности (напр. семиосоциопсихологии). Однако законодательно осуществление судебной лингвистической экспертизы в названных парадигмах вряд ли кому-либо придет сегодня в голову. Но именно смысловая неопределенность теста привела к тому, что в принципе появилась реальная возможность апелляции как одного из вида дискурсивной практики современного судопроизводства.

Смысл, однако, не является фундаментальным термином лингвистической парадигмы в узком профессиональном ее понимании как одной из научных парадигм в науке о языке XX-XXI вв. Ключевым термином выступает «значение». Смешение вплоть до подмены элементов терминосистем в научной парадигматике не может не вести к парадигмальной подмене всей дискурсивной практики (правовой практики), что, в свою очередь, открывает безграничный потенциал языковой игры (по Л. Витгенштейну). Следовательно, одна из актуальных научных лингвистических задач в плане разработки адекватного алгоритма судебной лингвистической экспертизы – это адаптация термина смысл в лингвистической парадигме при производстве судебной лингвистической экспертизы.

В настоящее время этот процесс относительно хорошо изучен и даже описан математически. Назовем в этой связи фундаментальную книгу Р. Солсо «Когнитивная психология». Его исследования продемонстрировали, что, как и можно было ожидать, присяжные – это вовсе не «ученые в миниатюре», которые скрупулезно взвешивают представленные им доказательства и затем с помощью некой формулы с точностью до процента вычисляют вероятность виновности ответчика. В действительности деятельность присяжных по обработке массива представленных им данных носит в значительной степени бессознательный и интуитивный характер. Эту деятельность некоторые исследователи описывают в терминах так называемой гештальт-психологии, то есть психологии целостностных образов. Деятельность присяжных может быть охарактеризована как «конструирование историй» на основании имеющихся доказательств. Конкурирующие варианты историй (соответствующие версиям обвинения и защиты) оцениваются на предмет непротиворечивости и правдоподобности с учетом всего жизненного опыта присяжного. В конце концов присяжный принимает ту историю, которая кажется ему наиболее убедительной [22, с. 403-404].

Эта же проблема была одной из центральных в обсуждении доклада Института Алана Тьюринга

[9]. Как свидетельствуют данные, представленные в докладе, реальное судопроизводство на практике сталкивается с непониманием смысла судебной статистики, влиянием новых экспертных технологий на легитимность системы правосудия и узкого подхода к экспертизе, наблюдаемого в суде.

В том же документе приводится мнение Н. Фентона, который считает, что «уровень понимания судебной экспертизы среди юристов, судей и присяжных невелик. Ошибки могут возникать и возникают на каждом уровне оценки доказательств, в том числе, на уровне интерпретации и предъявления результатов. Судебные эксперты должны четко сформулировать и попытаться количественно оценить все такие возможные источники ошибок. И юристы должны понимать и ожидать эту информацию, а также исследовать возможные источники неопределенности, когда она не представлена экспертами». Повышение эффективности, по его мнению, включает в себя не только «совершенствование конкретных видов криминалистических методов», но и методов «таких как байесовские сети, которые позволяют нам объединять многочисленные (возможно, противоречивые) части доказательств, которые возникают в любом случае, чтобы определить общую доказательственную ценность доказательств».

Однако предложения, которыми сопровождается анализ ситуации, далеки от реальности. Так, статистические анализы и результаты трудно донести до аудитории, которая не имеет предварительных знаний, например в области статистики. Поэтому предложения Н. Фентона сводятся к тому, что до начала судебного разбирательства крайне важно, чтобы все участники процесса анализа доказательств признавали необходимость моделирования зависимостей между частями доказательств и знали о существовании методов и инструментов, которые делают это возможным. Существуют, например, интерактивные программные средства, выполняющие вычисления на вероятностных графических моделях (байесовских сетях). Эти инструменты могут позволить следователям по уголовным делам изучить последствия различных предположений[2][3, с. 9].

Оценивая приведенное выше мнение, выскажем предположение: компетентность участников процесса в этом случае практически равняется компетенции эксперта. Тогда закономерно возникает вопрос об уместности выделения эксперта как отдельного субъекта данного процесса.

Сходные мысли неоднократно высказывались в отечественных исследованиях последних лет. Речь пойдет в нашем реферативном обзоре, в первую очередь, о серии публикаций С.Н. Нефедова. Во-первых, как справедливо констатирует исследователь, на практике судьи и следователи в основном работают с вербальной информацией, для них предпочтительны словесные выводы эксперта [14, с. 247]. Во-вторых, в настоящее время научные и другие специальные знания, которыми владеют эксперты, стали настолько сложными и многогранными, что судьи, следователи и другие субъекты процесса находятся в очень сложном положении при принятии окончательного решения о достоверности тех или иных доказательств, прежде всего заключений экспертов. Поэтому, по мнению С.Н. Нефедова, внедрение в криминалистическую практику вероятностных методов позволит более эффективно использовать всю совокупность доказательств, которые имеются в распоряжении суда и следствия, и в конечном итоге позволит уменьшить количество судебных ошибок. Однако это потребует внесения изменения в судебный процесс и следствие, и, в первую очередь, соответствующего изменения мышления субъектов этих процессов [16, с. 124]. В-третьих, внося конкретные предложения в организацию экспертной деятельности, автор предлагает в ходе следствия или судебного процесса рассматривать несколько доказательств, в том числе несколько результатов экспертиз. Окончательное решение при этом принимается по их совокупности. В этом случае некоторые (а, возможно, многие или даже все) доказательств (не только результаты экспертиз), являются вероятностными. При оценке совокупности доказательств могут использоваться такие же методы, как при оценке совокупности признаков в экспертизе [14 с. 249]. Наконец, актуальными признаются автором подходы с опорой на модель доказывания Тулмина и количественные показатели достоверности вывода. Они сегодня известны как варианты решения проблемы стандарта доказывания, в т.ч. вербального – стандартизации вербальных формулировок выводов эксперта. Этому посвящены работы, которые могут рассматриваться сегодня как методические рекомендации для лингвистов-экспертов. Прежде всего, это коллективный труд О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой и Т.Н. Секераж о методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. А также монография М.А. Осадчего о функционировании современного русского языка в условиях правовой регламентации речи [12; 19].

Возвращаясь к работам С.Н. Нефедова, с мнением которого можно во многом согласиться, общая схема доказывания по конкретному делу представляет собой достаточно сложную структуру. Эту структуру обычно разбивают на более простые элементы, для которых применяют модели формирования промежуточных выводов. Модель доказывания Тулмина применима для ситуаций, когда нет четких и досто-

[2] Реферативный перевод мой – *В.Б.*

верных данных. Однако поскольку в данной модели не используются количественные показатели достоверности, а также нет формальных правил построения вывода, то С.Н. Нефедов предлагает дополнять ее количественными моделями формирования вывода на основе байесовского подхода и теории Демпстера-Шефера [15; 17].

В этой связи, представляет интерес возможность применения логики версионного мышления в свете идей вероятностной теории индукции, как она представлена в работах И.В. Овсянникова [18]. Правда, в данном случае возникает закономерный вопрос с точки зрения эпистемологии: не приводит ли механический перенос моделей из одной области знания в другую к простому переописанию объекта без получения качественно нового знания о нем или его понимания.

Все приведенные выше теоретические экспликации проблемного поля современной судебной (в нашем случае с акцентом на лингвистическую) экспертизу обусловлены, в первую очередь, практикой. Дело в том, что, как считает М.Н. Марченко, в большинстве стран романо-германского права прецедент как источник права формально не признается, но фактически используется [13, с. 105].

Об этом свидетельствуют, в том числе, актуальные исследования С.Л. Будылина. Исходя из тезиса о том, что одной из важнейших задач, решаемых судом, является установление фактов дела, и именно на основании этих фактов затем выносится судебное решение, получаемое путем применения норм закона к фактам дела, для установления фактов суд оценивает представленные ему доказательства. При этом в англосаксонском праве весьма важную роль играет понятие стандарта доказывания, то есть критерия для установления фактов на основе оценки представленных доказательств (например, стандарт «за пределами разумных сомнений» или стандарт «баланс вероятностей»). Напротив, для континентально-европейского законодательства, а равно и правоведения, термин «стандарт доказывания» нехарактерен. С точки зрения континентально-европейского права, решение должно приниматься на основании свободной оценки доказательств и внутреннего убеждения судьи. Однако, по мнению С.Л. Будылина, вместе с тем стандарт доказывания оказывает доминирующее влияние на весь процесс в целом [7, с. 35]. Анализ С. Будылиным серии прецедентных процессов (в т.ч. постановление Пленума ВАС об ответственности директоров (2013 год); дело Кировского завода (2012 год); дело «Системы» (2012 год); дело СМАРТС (2011 год)) продемонстрировал, с его точки зрения, тот факт, что в континентально-европейских юрисдикциях, включая Россию, используются не объективные стандарты доказывания, а субъективный критерий «внутреннего убеждения» судьи. Этот критерий оставляет открытым вопрос, как суд должен разрешить вопрос факта в случае, когда каждая из сторон представила доказательства, не являющиеся абсолютно убедительными. По его мнению, отсутствие в России официально признанного объективного стандарта доказывания привело к тому, что в арбитражных судах стихийно сложился «подпольный стандарт», предусматривающий неоптимально высокие требования к доказыванию, сопоставимые с аналогичными требованиями в уголовном процессе. В результате во многих случаях суды рутинным образом отказывают истцам (на которых лежит бремя доказывания) в удовлетворении их объективно обоснованных требований. С другой стороны, отсутствие объективного стандарта доказывания нередко ведет и к тому, что в условиях неабсолютной убедительности доказательств судьи разрешают спор о фактах на основании личных симпатий к одной из сторон или иных соображений, не имеющих отношения к праву [7, с. 64-65].

Разумеется, ситуация не является чем-то абсолютно новым и уникальным. Проблема перехода от вероятного знания к достоверному является одной из самых дискуссионных в теории идентификации. Исследуя диапазон применимости вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебно-экспертной практике, А.И. Усов, О.Б. Градусова и С.А. Кузьмин, напоминают о том, что еще в 1964 году, выступая на совместном научно-практическом семинаре юристов и математиков в Институте математики им. В.А. Стеклова АН СССР, известный советский ученый-процессуалист А.А. Эйсман отметил, что «к числу наиболее общих и трудных вопросов относится вопрос, связанный с описанием механизма перехода от вероятных выводов, получаемых на отдельных этапах доказывания, к достоверным выводам, появляющимся в результате взаимодействия системы различных улик». Современное отношение к проблеме (по крайней мере, значительной части ученых) выразил И.В. Овсянников: «В современной отечественной экспертной деятельности ответ на вопрос о достижении практической достоверности ставится в зависимость от решаемых практических задач, причем в конечном итоге оценка достоверности и достаточности доказательств не формализуется и основывается на внутреннем убеждении субъекта этой оценки» (цит. по [23, с. 10-11]. Как видно из приведенного пояснения, дискуссия на данную тему еще весьма далека от своего завершения, хотя бы потому, что в уголовном процессе России проверка допустимости доказательств на предварительном слушании касается соблюдения предусмотренной законом процедуры производства непосредственно самого следственного или процессуального действия. В теории российского уголовного процесса считается, что вопрос о допустимости дока-

зательства не обсуждается, если доказательство не является соотносимым. А в соответствии со ст. 73 УПК РФ обстоятельства, связанные с личностью обвиняемого, входят в предмет доказывания.

На это экспертами – теоретиками и практиками – в последнее время обращается особое внимание, если речь заходит о судебной лингвистической экспертизе. Ведь на практике во многих случаях складывается ситуация, подобная судебному процессу над участницами «Pussy Riot», имевшая недавно не очень благоприятные последствия для отечественного следствия и судебной практики. По сообщению пресс-службы Министерства юстиции РФ, Россия выплатит по решению Европейского суда по правам человека (далее ЕСПЧ) компенсацию трем участницам панк-группы Pussy Riot за нарушение их прав по делу об акции в храме Христа Спасителя. ЕСПЧ оценил нарушение в отношении участниц Pussy Riot права статьи 10 Конвенции по защите прав человека и основных свобод (право на свободу выражения мнения) и статьи 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство). Судьи единогласно признали, что уголовное преследование, а также объявление видеоматериалов (группы) экстремистскими и их запрет нарушают права заявительниц (цит. по (https://news.mail.ru/incident/35602904/). Этот пример актуален для автора статьи, так как он, будучи в 2011 – 2014 годах главным экспертом ГУП города Москвы «Центр информационно-аналитических технологий» Департамента региональной безопасности Аппарата мэра и Правительства Москвы, входил в состав экспертной группы по названному делу и подписал исследование, в котором делался вывод о том, что поведение группы не содержит признаков экстремисткой деятельности.

Попутно отметим, что понятие «признак» и понимание признака в судебной лингвистической экспертизе до сегодняшнего дня не получило однозначной интерпретации с методологических позиций. Публикаций на эту тему, как показывает обзор В.О. Кузнецова, практически нет [11].

Сегодня, однако, активно продолжается изучение вопросов использования байесовских методов, включая применение концепции правдоподобия, для интерпретации и оценки результатов судебно-экспертного исследования. Например, делаются попытки применить неклассические логики в логико-математическом моделировании доказывания по уголовным делам [4]. Подобные исследования проводятся на фоне заявлений ведущих зарубежных ученых в области судебной экспертизы о том, что концепция отношения правдоподобия является логически наиболее подходящей основой для оценки результатов судебно-экспертного исследования. Подобный подход получил, в том числе, одобрение на уровне Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI), а также был рекомендован к распространено в ряде статей в рецензируемых научных изданиях по судебной экспертизе, общим наукам и юридических журналах, включая ряд базовых западных научных трудов, известных за счет частичного перевода на русский язык в нашей стране [1; 2; 20; 25].

Если говорить не об освоении западного опыта, а возвратиться к конкретной отечественной практике, то укажем на серию публикаций ФБУ РФЦСЭ при Министерстве юстиции России, в которых регулярно поднимался вопрос о применении байесовской концепции отношения правдоподобия в судебно-экспертной деятельности и вероятностно-статистической интерпретации результатов экспертиз [8]. Главное преимущество применения теоремы Байеса, полагают исследователи, в том, что она дает возможность перехода от априорных (первоначальных или субъективных) вероятностей к апостериорным вероятностям на основании вновь полученных данных. При этом связь между вероятностью одного события и вероятностью другого события, обусловленного дополнительной информацией, включает вероятность информации при совершении события и общую вероятность информации.

Так, группа экспертов под руководством Г.И. Бебешко в своих публикациях утверждает, что байесовская методология позволяет вводить субъективную информацию о решении экспертной задачи в ходе экспертного исследования. В науке, если имеется заслуживающая внимания гипотеза, которая вызывает сомнения у некоторых ученых, для ее подтверждения проводятся эксперименты, которые при необходимости повторяются. Так же и в судопроизводстве представляются первоначальные доказательства и производится поиск дополнительных доказательств, пока не будет достигнуто единство мнений участников процесса. В своих работах Г.И. Бебешко предлагает ввести следующую качественную шкалу для оценки совокупности значимых признаков: ограниченная аргументированность, умеренная аргументированность, умеренно сильная аргументированность, сильная аргументированность, очень сильная аргументированность [6, с. 152-153].

Заключая предлагаемый вниманию читателя реферативный обзор, следует указать на следующее: лингвист-эксперт всегда может, конечно, предложить, такой вариант экспертного заключения, в котором результат измерений включает измеренное значение и связанную с ним расширенную неопределенность. Однако при этом все-таки наличное в российском уголовном процессе правило об исключении доказательств нуждается в определенной трансформации, состоящей в том, что признание доказательств недопустимыми призвано восстановить нарушенную незаконным ограничением прав граждан сбалансированность процессуальных возможностей сторон обвинения и защиты по отстаиванию своих процессуальных интересов.

Список литературы

1. *Aitken C., Roberts P., Jackson G.* Fundamentals of Probability and Statistical Evidence in Criminal Proceedings. Guidance for Judges, Lawyers, Forensic Scientists and Expert Witnesses. London: Royal Statistical Society, 2010. 121 p.
2. Forensic Science in Criminal Courts: Ensuring Scientific Validity of Feature-Comparison Methods: Report to the President. Washington: [б.и.], 2016. 174 p.
3. Response of The Alan Turing Institute to the House of Lords Select Committee on Science and Technology's Inquiry into Forensic Science in Criminal Justice. London: Alan Turing Institute, 2018. 10 p.
4. *Аршинский Л.В., Жигалов Н.Ю., Мункожаргалов Ц.Б.* Неклассические логики в логико-математическом моделировании доказывания по уголовным делам// Современные технологии. Системный анализ. Моделирование: сб. научн. ст. Иркутск: Иркутский ГУ, 2011. С. 232-241.
5. *Баранов А.Н.* Лингвистика в лингвистической экспертизе: метод и истина// Вестник Волгоградского ГУ. Серия Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18-27.
6. *Бебешко Г.И., Войтов С.А., Омельянюк Г.Г., Усов А.И.* К вопросу об использовании байесовских методов для метрологической оценки и интерпретации результатов судебно-экспертного исследования// Теория и практика судебной экспертизы. 2014. №1 (33). С. 148-158.
7. *Будылин С.Л.* Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом// Вестник ВАС РФ. 2014. № 4. С. 34-67.
8. *Градусова О.Б., Кузьмин С.А.* К вопросу о вероятностно-статистической интерпретации результатов судебно-экспертных исследований // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 4. С. 27–33.
9. *Кара-Мурза Е.С.* Этические проблемы науки и лингвистическая экспертиза// Филология в XXI веке. 2019. Спецвыпуск. С. 112-116.
10. *Кравченко А.* И. Тезисы о неопределенности// Universitates. 2014. № 4. С. 14 – 19.
11. *Кузнецов В.О.* Понятие «признак» в судебной лингвистической экспертизе// Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 71-75.
12. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 340 с.
13. *Марченко М.Н.* Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления// Журнал российского права. 2006. № 6. С. 96-107.
14. *Нефедов С.Н.* Количественная мера для вероятного вывода эксперта: формы выражения, нахождения и использование// Вопросы экспертной практики. 2017. Специальный выпуск (октябрь). С. 245-250.
15. *Нефедов С.Н.* Модель доказывания Тулмина и количественные показатели достоверности вывода// Криминалистика. 2017. № 1 (41). С. 87-93.
16. *Нефедов С.Н., Кадышев А.В.* Показатели достоверности методик судебной экспертизы и их использование в судебно-экспертной деятельности// Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2013. № 1 (33). С. 121-129.
17. *Нефедов, С.Н.* Байесовский подход к оценке доказательств и стандартизация вербальных формулировок выводов эксперта// Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. Вып. 8. Минск: РИПО, 2015. С. 187–195.
18. *Овсянников И.В.* Категория вероятности в судебной экспертизе и в доказывании по уголовным делам. Дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М.: Академия управления МВД России, 2001. 511 с.
19. *Осадчий М.А.* Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом. «ЛИБРОКОМ», 2012. 256 с.
20. *Самойлова О.В.* Руководство ENFSI по оценке совокупности выявленных признаков объектов судебной экспертизы статистическими методами: комментированный перевод. М.: ФБУ РФЦСЭ, 2018. 180 с.
21. *Сокол В.Ю.* Кризис отечественной криминалистики: монография. Краснодар: [б.и.], 2017. 332 с.
22. *Солсо Р.* Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2006. 589 с.
23. *Усов А.И., Градусова О.Б., Кузьмин С.А.* Использование вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебно-экспертной практике (сравнительный анализ)// Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 4. С. 6-15.
24. *Хазиев Ш.Н.* Международное право и судебная экспертиза. М.: Институт государства и права РАН, Издательство «Спутник+», 2014. 308 с.
25. *Эйткен К.Г.Г., Тарони Ф.* Статистика и оценка доказательств в судебной науке. Лондон: Джон Уайли и сыновья, Лтд., 2004. 510 с.

References

1. *Aitken C., Roberts P., Jackson G.* Fundamentals of Probability and Statistical Evidence in Criminal Proceedings. Guidance for Judges, Lawyers, Forensic Scientists and Expert Witnesses. London: Royal Statistical Society, 2010. 121 p.

2. Forensic Science in Criminal Courts: Ensuring Scientific Validity of Feature-Comparison Methods: Report to the President. Washington: [б.и.], 2016. 174 p.
3. Response of The Alan Turing Institute to the House of Lords Select Committee on Science and Technology's Inquiry into Forensic Science in Criminal Justice. London: Alan Turing Institute, 2018. 10 p.
4. *Arshinskij L.V., Zhigalov N.Yu., Munkozhargalov C.B.* Neklassicheskie logiki v logiko-matematicheskom modelirovanii dokazyvaniya po ugolovnym delam// Sovremennye tekhnologii. Sistemnyj analiz. Modelirovanie: sb. nauchn. st. Irkutsk: Irkutskij GU, 2011. S. 232-241.
5. *Baranov A.N.* Lingvistika v lingvisticheskoj ekspertize: metod i istina// Vestnik Volgogradskogo GU. Seriya Yazykoznanie. 2017. T. 16. № 2. S. 18-27.
6. *Bebeshko G.I., Vojtov S.A., Omel'yanyuk G.G., Usov A.I.* K voprosu ob ispol'zovanii bajesovskih metodov dlya metrologicheskoj ocenki i interpretacii rezul'tatov sudebno-ekspertnogo issledovaniya// Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. 2014. №1 (33). S. 148-158.
7. *Budylin S.L.* Vnutrennee ubezhdenie ili balans veroyatnostej? Standarty dokazyvaniya v Rossii i za rubezhom// Vestnik VAS RF. 2014. № 4. S. 34-67.
8. *Gradusova O.B.,* Kuz'min S.A. K voprosu o veroyatnostno-statisticheskoj interpretacii rezul'tatov sudebno-ekspertnyh issledovanij // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. 2017. T. 12. № 4. S. 27–33.
9. *Kara-Murza E.S.* Eticheskie problemy nauki i lingvisticheskaya ekspertiza// Filologiya v XXI veke. 2019. Specvypusk. S. 112-116.
10. *Kravchenko A.* I. Tezisy o neopredelennosti// Universitates. 2014. № 4. S. 14 – 19.
11. *Kuznecov V.O.* Ponyatie «priznak» v sudebnoj lingvisticheskoj ekspertize// Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. 2016. № 1 (41). S. 71-75.
12. *Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N.* Metodika provedeniya sudebnoj psihologo-lingvisticheskoj ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodejstviem ekstremizmu i terrorizmu. M.: FBU RFCSE pri Minyuste Rossii, 2014. 340 s.
13. *Marchenko M.N.* Sudebnyj precedent: raznoobrazie ponyatij i mnogoobrazie form proyavleniya// Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 6. S. 96-107.
14. *Nefedov S.N.* Kolichestvennaya mera dlya veroyatnogo vyvoda eksperta: formy vyrazheniya, nahozhdeniya i ispol'zovanie// Voprosy ekspertnoj praktiki. 2017. Special'nyj vypusk (oktyabr'). S. 245-250.
15. *Nefedov S.N.* Model' dokazyvaniya Tulmina i kolichestvennye pokazateli dostovernosti vyvoda// Kriminalistika. 2017. № 1 (41). S. 87-93.
16. *Nefedov S.N., Kadyshev A.V.* Pokazateli dostovernosti metodik sudebnoj ekspertizy i ih ispol'zovanie v sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti// Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. 2013. № 1 (33). S. 121-129.
17. *Nefedov, S.N.* Bajesovskij podhod k ocenke dokazatel'stv i standartizaciya verbal'nyh formulirovok vyvodov eksperta// Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii: sb. nauch. tr. Vyp. 8. Minsk: RIPO, 2015. S. 187–195.
18. *Ovsyannikov I.V.* Kategoriya veroyatnosti v sudebnoj ekspertize i v dokazyvanii po ugolovnym delam. Diss. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2001. 511 s.
19. *Osadchij M.A.* Russkij yazyk na grani prava: Funkcionirovanie sovremennogo russkogo yazyka v usloviyah pravovoj reglamentacii rechi. M.: Knizhnyj dom. «LIBROKOM», 2012. 256 s.
20. *Samojlova O.V.* Rukovodstvo ENFSI po ocenke sovokupnosti vyyavlennyh priznakov ob"ektov sudebnoj ekspertizy statisticheskimi metodami: kommentirovannyj perevod. M.: FBU RFCSE, 2018. 180 s.
21. *Sokol V.Yu.* Krizis otechestvennoj kriminalistiki: monografiya. Krasnodar: [b.i.], 2017. 332 s.
22. *Solso R.* Kognitivnaya psihologiya. SPb.: Piter, 2006. 589 s.
23. *Usov A.I., Gradusova O.B., Kuz'min S.A.* Ispol'zovanie veroyatnostno-statisticheskih metodov pri ocenke znachimosti rezul'tatov ekspertnogo issledovaniya v otechestvennoj i zarubezhnoj sudebno-ekspertnoj praktike (sravnitel'nyj analiz)// Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. 2018. Tom 13. № 4. S. 6-15.
24. *Haziev Sh.N.* Mezhdunarodnoe pravo i sudebnaya ekspertiza. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, Izdatel'stvo «Sputnik+», 2014. 308 s.
25. *Ejtken K.G.G., Taroni F.* Statistika i ocenka dokazatel'stv v sudebnoj nauke. London: Dzhon Uajli i synov'ya, Ltd., 2004. 510 s.

УДК 343.973

Ветрова Ольга Алексеевна,
соискатель Академии управления МВД РФ,
инспектор отдела полиции МВД России по району Марьино, г. Москва,
vetrova.olga.alekseevna@yandex.ru

Гостев Александр Николаевич,
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры Теории и методологии
государственного управления, Академия управления МВД РФ, г. Москва,
gostevan@yandex.ru

Демченко Татьяна Сергеевна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Управления персоналом и кадровой политики,
Российский государственный социальный университет, г.Москва,
tstarshinova@mail.ru

Петрова Ольга Викторовна,
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры Теории и методологии
государственного управления, Академия управления МВД РФ, г. Москва,
5elfxf@mail.ru

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК ПРИЧИНА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ, ПОДПАДАЮЩИМИ ПОД ДЕЙСТВИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

Аннотация. *В статье показаны угрозы и опасности миграции иностранных граждан на российскую территорию, связанные с политической, экономической, демографической, наркотической, террористической, криминогенной и иными ситуациями в стране. Акцентируется внимание на трудностях работы правоохранительных органов по выявлению преступлений, способствующих незаконной легализации иностранных граждан на территории России, в том числе и коррупционной направленности. Определяются внешние и внутренние причины незаконной миграции иностранных граждан, условий, способствующих совершению преступлений этой категорией лиц. Они обосновываются результатами конкретного социологического исследования на репрезентативной базе. Показана методология исследования феномена «преступления в сфере миграции». Выявляются угрозы, опасности миграции людей на российскую территорию, связанные с политической, экономической, демографической, наркотической, террористической, криминогенной и иными ситуациями в стране. Обосновывается проблема осуществления административного надзора за мигрантами, освобожденными из мест лишения свободы, ранее совершившие преступления при опасном или особо опасном рецидиве. Обращается внимание на такие сферы противоправных деяний мигрантов как преступления, связанные с ненасильственными действиями в семье, быту, остающихся вне регистрации в правоохранительных органах, не отражающихся в статистике. Представляется обоснование актуальности проблемы наличия значительного количества лиц без гражданства с неурегулированным правовым статусом, особенно лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и в отношении которых уполномоченными федеральными органами исполнительной власти принимаются решения о нежелательности пребывания на территории нашей страны. Формулируются теоретические выводы и представляются практические рекомендации по совершенствованию работы правоохранительных органов в сфере незаконной миграции с целью профилактики и раскрытия преступлений иностранными гражданами, подпадающими под действие административного надзора.*

Ключевые слова: незаконная миграция, миграционные процессы, иностранные граждане, преступления, правонарушения, причины преступлений, принудительное выдворение, государственный орган, административный надзор, судимость, рецидив

Olga A. Vetrova,
applicant of Departments of MIA Academy of the Russian Federation, Inspector of the Police Department
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Maryino district, Moscow,
vetrova.olga.alekseevna@yandex.ru

Alexander N. Gostev,
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of State Management, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, gostevan@yandex.ru.

Tatyana S. Demchenko,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Human Resources and Human Resources Policy, Russian State Social University, Moscow, tstarshinova@mail.ru

Olga V. Petrova,
Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, 5elfxf@mail.ru

ILLEGAL MIGRATION AS A CAUSE OF CRIMES COMMITTED BY FOREIGN NATIONALS SUBJECT TO ADMINISTRATIVE SUPERVISION

Abstract. *The article shows the threats, dangers of migration of foreign citizens to Russian territory related to political, economic, demographic, drug, terrorist, criminal and other situations in the country. Emphasis is placed on the difficulties of law enforcement agencies in identifying crimes that contribute to the illegal legalization of foreign citizens on the territory of Russia, including corruption. The external and internal causes of illegal migration of foreign nationals and the conditions conducive to the commission of crimes by this category of persons are determined. They are justified by the results of a specific sociological study on a representative basis. The methodology of the study of the phenomenon of "crimes in the field of migration" is shown. Threats, dangers of migration of people to Russian territory related to political, economic, demographic, narcotic, terrorist, criminal and other situations in the country are identified. The problem of administrative supervision of migrants released from places of deprivation of liberty who have previously committed crimes in case of dangerous or particularly dangerous recidivism is justified. Attention is drawn to such areas of illegal acts of migrants as crimes related to non-violent acts in the family, the home, which remain outside the registration with law enforcement agencies, which are not reflected in statistics. There is a justification for the relevance of the problem of the presence of a significant number of stateless persons with an irregular legal status, especially persons released from places of deprivation of liberty, and against whom decisions are made by authorized federal executive bodies on the undesirable stay in the territory of our country. Theoretical conclusions are formulated and practical recommendations are made to improve the work of law enforcement agencies in the field of illegal migration in order to prevent and solve crimes by foreign citizens subject to administrative supervision.*

Keywords: illegal migration, migration processes, foreign citizens, crimes, offenses, reasons of crimes, exclusion, public authority, administrative supervision, criminal record, recurrence

Цель исследования заключается в выявлении причин незаконной миграции иностранных граждан, условий, способствующих совершению преступлений этой категорий лиц, освободившихся из мест лишения свободы; вносятся предложения разработать научно-методические пособия для применения в образовательных учреждениях правоохранительных органов и для улучшения качества работы оперативных подразделений полиции в сфере миграции.

Методология исследования. Теоретико-методологические основы – научные источники незаконной миграции, теории управления, мотивации и др. В исследовании применен комплекс теоретических (анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование) и эмпирических методов (опрос, экспертная оценка, анализ документов, наблюдение и др.). В работе использован комплексный подход с технологиями системного, структурно-функционального анализа. Полученные результаты анализировались для установления связей, зависимостей между показателями норм российского законодательства и правоприменительной практики.

Эмпирическая база конкретного исследования заявленной проблемы – ОМВД Москвы (Кластеры: отделы МВД России по районам Марьино, Люблино, Печатники, Капотня, Люблино, Лианозово, Бибирево, Дегунино, Текстильщики). Генеральная совокупность около 10 000 человек. Выборка – 398 чел. Ошибка выборки – 5%. Выборка репрезентативная, формировалась по показателям: пол, возраст, вид и уровень образования, регион проживания. Эксперты – 216 чел.

(Начальники ОМВД, работодатели, сотрудники муниципальных органов управления).

Миграция в современном мире становится массовой, ее причины системные, последствия до конца неопределенны. Рост социальной напряженности, религиозные и межэтнические конфликты в ряде стран и районов мира, спровоцированные кризисными явлениями в мировой экономике, безработицей, общим снижением уровня жизни, способствуют консолидации и политической мобилизации экстремистских и террористических сил. Военная инфраструктура вероятных противников находится у границ Российской Федерации, ряд постсоветских республик вступили или стремятся вступить в НАТО.

Беженцы из стран Северной Африки, Ближнего Востока, Центральной Азии оказывают дестабилизирующее влияние на ситуацию в Европе, в том числе на ухудшение криминогенной обстановки и усиление социальной напряженности. Дестабилизирующее влияние на ситуацию в европейских странах оказывают беженцы из стран Северной Африки, Ближнего Востока, Центральной Азии (например, в Германии, Греции, Сербии, Хорватии, Италии, Чехии). Так, в Германии мигранты усиливают социальную напряженность, совершая различного рода преступления. В настоящее время Евросоюз не знает, что делать с потоком мигрантов, идущим через Турцию. «По оценкам офиса ЕС Международной организации по миграции ООН (IOM), сейчас более 13 тысяч человек находятся на греко-турецкой границе протяженностью 212 километров, пытаясь прорваться в Евросоюз. Среди них значительная часть –молодые мужчины. Они выкладывают в сеть снятые на телефоны видео. Судя по съемкам, действия мигрантов похожи на штурм греческой границы».Как указало МВД Турции, в Грецию уже проникло незаконно более 117 тысяч беженцев [8].

Миграционные процессы влияют на факты незаконного использования труда людей (мигрантов), особенно на объектах строительства и транспортной инфраструктуры, что способствует росту уровня совершенных ими преступлений [10, с.45]. Местное население опасается совместного проживания с мигрантами (см. рисунок 1).

Миграционные процессы продолжают оставаться одним из факторов, оказывающим существенное влияние на демографическую и экономическую ситуацию и в нашей стране. Усиление миграционных потоков из стран Северной Африки и Ближнего Востока в Западную Европу увеличивает масштабы неконтролируемой торговли наркотиками и оружием, транснациональной организованной преступности и террористической деятельности.

Все это вызывает тревогу законопослушного населения страны, активизирует протестную деятельность институтов гражданского общества (см. рисунок 2).

Усугубляются конфликты интересов в бывших союзных республиках: такие как неравномерность размещения природных ресурсов (энергоресурсов, запасов воды), неурегулированность вопроса границ, проблемы национальных меньшинств и территориальных притязаний, соперничество политических сил за власть. Указанные факты способствуют дезинтеграционным процессам и разрушению некоторых политических, экономических и социальных связей России с Казахстаном, Киргизией, Туркменией, Таджикистаном, Узбекистаном.

В этой сложной политической ситуации Российская Федерация направляет основные усилия на сохранение суверенитета и территориальной целостности государства, стабилизацию внутриполитической обстановки, пресечение деятельности националистических, сепаратистских, международных экстремистских и террористических организаций.

В настоящее время международные террористические организации (Исламское государство Ирака и Леванта – ИГИЛ, «Аль-Каида», «Исламское дви-

Испытываете ли Вы беспокойство от присутствия мигрантов в местах проживания и трудовой деятельности?

1. Скорее да - 20,4 %
2. Да - 59,8%
3. Нет - 8,0 %
4. Затрудняюсь с ответом – 11,8%

	Частота	Проценты
1	81	20,4
2	238	59,8
3	32	8,0
4	47	11,8
Всего	398	100,0

Рисунок 1. Отношение населения к мигрантам

Готовы ли Вы участвовать в протестных мероприятиях против мигрантов?

1. Скорее да – 36,9%
2. Да – 25,4%
3. Нет – 33,2%
4. Затрудняюсь с ответом – 4,5%

	Частота	Проценты
1	147	36,9
2	101	25,4
3	132	33,2
4	18	4,5
Всего	398	100,0

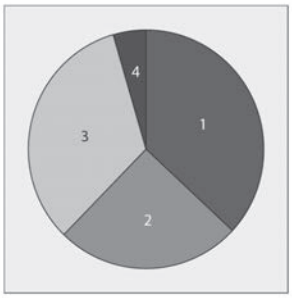

Рисунок 2. Готовность респондентов к протестным мероприятиям против мигрантов

жение талибов», «Джебхат Фатах аш-Шам») проводят курс на укрепление террористического «интернационала» в ряде ведущих субъектов мировой политики. На стороне ИГИЛ в боевых действиях в Сирии и Ираке принимают участие несколько тысяч выходцев из России и других стран СНГ. Как указывает руководитель Антитеррористического центра государств-участников СНГ А.П. Новиков, за совершение преступлений террористического и экстремистского характера в розыске находятся более 9 тысяч граждан из государств СНГ, принимавших участие в боевых действиях в составе незаконных вооруженных формирований на территории третьих стран [13]. Получившие военный опыт наемники, в силу своей ограниченной востребованности, пытаются вернуться в места своего постоянного проживания, что создает дополнительные проблемы обеспечения безопасности для граждан России.

Эти и другие категории лиц, участвующие в незаконной миграции, осложняют криминогенную обстановку на территории нашей страны.

Следует отметить, что действия правоохранительных органов, направленные на выявление преступлений, способствующих незаконной легализации иностранных граждан на территории России, в том числе и коррупционной направленности, затруднено [7, с.37]. Очевидно, причиной данной дисфункции является то, что преступления в сфере миграции не относятся к категории тяжких, и поэтому сотрудники оперативных подразделений территориальных органов полиции не могут использовать весь перечень оперативных мероприятий, направленных на выявление организаторов незаконной миграции.

Одним из направлений деятельности органов прокуратуры в соответствии с п. 1.1 Приказа «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере миграции» от 1 июля 2015 г. № 343 [3] является обеспечение законности в сфере миграции во взаимодействии с органами государственной власти и местного самоуправления. Люблинской межрайонной прокуратурой была проанализирована практика направления следователями и дознавателями представлений в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, вынесенных ими в связи с выявленными в ходе расследования обстоятельствами, способствовавшими совершению преступлений по уголовным делам в сфере незаконной миграции. «Информационное письмо о состоянии законности в сфере незаконной миграции» [6], направленное Люблинской межрайонной прокуратурой Юго-Восточного административного округа г. Москвы начальникам Отделов МВД России по районам Марьино, Люблино, Печатники, Капотня, содержит сведения, представленные ЗИЦ ГУ МВД России по г. Москве за 11 месяцев 2019 года в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. Анализ показал, что в целом происходит снижение количественного уровня преступлений, предусмотренных ст. 322.3 УК РФ, с 71 до 63 (минус 11,1 %), по статье 322.1 УК РФ – 0 (2018 год – 1), статье 322.2 УК РФ – 1 (2018 год – 0). Рост количества преступлений, предусмотренных ст. 322.3 УК РФ, с 24 до 40, (плюс 66,7 %) произошел в ОМВД России по району Люблино г. Москвы. А в ОМВД России по районам Капотня, Марьино, Печатники, г. Москвы произошло снижение регистрации сообщений о подобных преступлениях: в ОМВД России по району Капотня г. Москвы – с 13 до 4 (минус 69,2 %), в ОМВД России по району Марьино г. Москвы – с 9 до 3, то есть на 6 преступлений меньше (минус 66,7 %), в ОМВД России по району Печатники г. Москвы – с 17 до 10 (минус 41,2 %), в ОП Марьинский ОМВД России по району Марьино г. Москвы – с 9 до 7 (минус 22,2 %) [5].

Таким образом, можно констатировать, что правоохранительные структуры в настоящих услови-

ях выполняют задачу по декриминализации миграционной проблемы. Однако прогнозы увеличения потоков миграции остаются тревожными и, соответственно, имеющихся правоохранительных сил (средств), как представляется экспертам, может не хватить.

Есть и другая проблема. Так, в соответствии с п. 13 Приказа МВД России от 08 июля 2011 года № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [4] (зарегистрирован в Минюсте России 19 августа 2011 года, № 21672), под действие административного надзора подпадают совершеннолетние граждане, в том числе за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений. Однако же административный надзор не оказывает достаточно эффективного влияния на профилактику преступлений, совершаемых иностранными гражданами, отбывшими наказание в виде лишения свободы на территории нашей страны. Несомненно, повторяемость преступлений с участием иностранцев свидетельствует о недостаточной эффективности российской уголовной политики. Правоохранительная практика показывает, что с участием иностранных граждан-рецидивистов создаются организованные преступные группировки, которые способствует терроризму, распространению наркотиков и оружия, проституции и т.д. Все это вызывает озабоченность как сотрудников правоохранительных структур, так и общественности (см. рисунок 3)

Как указано в Методических рекомендациях «Профилактическая деятельность, осуществляемая участковым уполномоченным полиции», разработанных ФГКУ «ВНИИ МВД России» в 2013 году, лица, совершающие бытовые преступления и правонарушения, находятся в том числе и среди освобожденных из мест лишения свободы граждан, судимых за совершение преступлений на бытовой почве и хулиганство [12].

Очевидно, что противоправные деяния мигрантов затруднены для учета и в других сферах жизни. Например, преступления в семье (побои, угрозы, оскорбления) остаются за рамками регистрации в правоохранительных органах. «Кроме того, в статистике учитываются только бытовые преступления насильственного характера, тогда как корыстные, имущественные преступления зачастую так же имеют в своем основании именно бытовой конфликт. Например, уничтожение либо повреждение имущества, хищение, угоны автотранспорта» [12, с. 27]. По мнению А.В. Краюшкина, одной из актуальных проблем России является наличие значительногоколичества лиц без гражданства с неурегулированным правовым статусом, и особенно таких людей, освобожденных из мест лишения свободы, в отношении которых уполномоченными федеральными органами исполнительной власти принимаются решения о нежелательности пребывания на территории нашей страны [11, с.22]. Отчасти солидарны с ним и эксперты, опрошенные в ходе настоящего исследования (см. рисунок 4).

Одной из особенностей правового положения иностранного гражданина, совершившего новое преступление после отбытия уголовного наказания в виде лишения свободы на территории России, является возможность депортации его из страны. В отношении же российских граждан за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при рецидиве преступлений устанавливается административный надзор, их ставят на профилактический учет в территориальных органах полиции. В соответствии с положениями статьи 6 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1], профилактика правонарушений должна осущест-

	Частота	Проценты
1	99	45,8
2	85	39,4
3	15	6,9
4	17	7,9
Всего	216	100,0

Рисунок 3. Мнение экспертов о перспективах противодействия преступности среди мигрантов

вляться также путем противодействия незаконной миграции. Однако, по мнению экспертов, значительное количество преступлений, совершаемых иностранными гражданами, остается не раскрытыми правоохранительными органами (см. рисунок 5).

В данной связи следует отметить, что в России существует институт принудительного выдворения иностранных граждан, что отражено в законодательстве. Иностранный гражданин должен покинуть пределы нашей страны, если он получил на руки судебное решение о выдворении, после чего он обязан пересечь границу Российской Федерации в течение пяти суток. При этом факт его перемещения за пределы России фиксируют представители миграционной службы УВМ ГУ МВД. В случае, если иностранный гражданин не может уехать из нашей страны в связи с финансовыми трудностями или по другим причинам, затраты на его принудительное выдворение берет на себя миграционный орган или посольство того государства, откуда иностранец приехал в Россию. А отделение по вопросам миграции только закрывает въезд таким гражданам.

Таким образом, на практике получается, что иностранный гражданин-рецидивист может избежать принудительного выдворения, просто скрывшись от органов полиции.

Согласно положению статьи 27 Федерального закона РФ от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке

Рисунок 4. Мнение экспертов о правоохранительной проблеме, связанной с лицами без гражданства

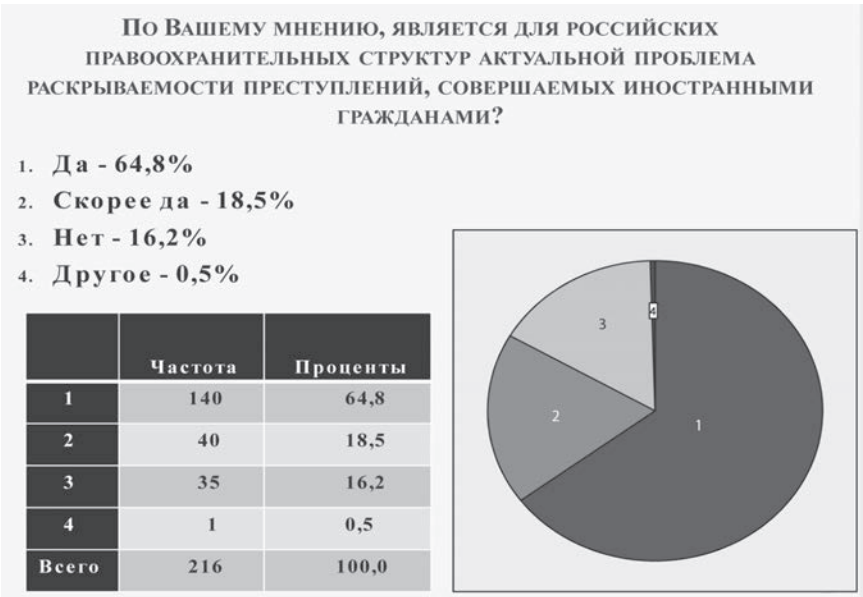

Рисунок 5. Мнение экспертов о раскрываемости преступлений, совершаемых мигрантами

выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [2], иностранным гражданам, совершившим два и более правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность на территории Российской Федерации, закрывается въезд в страну в течение пяти лет. Информация об иностранных гражданах, совершивших преступления и правонарушения, различными правоохранительными органами направляется в отделы по вопросам миграции МВД России (из органов ФСИН, ГИБДД, отделений розыска и т.д.), в районных отделах полиции периодически проводится мероприятие «Мигрант», направленное на выявление и пресечение административных правонарушений в сфере миграции.

Следует отметить, что в ОП Марьинский ОМВД России по району Марьино г. Москвы в 2019 году, так же, как и в 2018 году, в отношении иностранных граждан, являющихся подозреваемыми и обвиняемыми по уголовным делам, ограничение выезда из Российской Федерации в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 28 указанного закона, не применялось. По данным ЗИЦ ГУ МВД России по г. Москве за 2019 год уголовные дела в сфере миграции на основании п. 1 ч. 1 УПК РФ (в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и в связи с тем, что подозреваемый или обвиняемый скрылся от дознания либо место его нахождения не установлено) не приостанавливались, то есть все уголовные дела указанной категории доходили до судебных органов. Однако отделы по вопросам миграции МВД России не всегда акцентируют внимание именно на принудительном выдворении иностранных граждан, совершающих преступления и правонарушения на территории нашей страны.

Таким образом, как показывает правоохранительная практика, необходимо создать специализированный государственный орган, занимающийся непосредственно принудительным выдворением иностранных граждан, совершающих преступления, так как ставить их на профилактический учет в территориальные органы полиции, во-первых, не всегда представляется возможным; во-вторых, остается неэффективным; в-третьих, перегружает и снижает уровень работы полицейских структур.

Кроме того, есть необходимость в разработке научно-методических учебных пособийпо регулированию правоохранительных отношений для обучения кадров в образовательных учреждениях системыМВД РФ и для улучшения качества работы оперативных подразделений полиции в сфере миграции.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета, № 139 (7007), 28.06.2016.
2. Федеральный закон РФ от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (в ред. от 11.10.2018 г.) // Российская газета, № 159, 22.08.1996.
3. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 01.07.2015 г. № 343 (ред. от 21.06.2016) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере миграции».
4. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 8 июля 2011 года № 818 г. Москва «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (в ред. от 23.03.2018 г.) // Российская газета, № 189 (5565), 26.08.2011.
5. «Постановление координационного совещания руководителей правоохранительных органов, поднадзорных Люблинской межрайоной прокуратуре города Москвы по вопросу состояния законности в сфере незаконной миграции за 2018 год и первое полугодие 2019 года» от 24 декабря 2019 года / Люблинская межрайонная прокуратура г. Москвы/ №Исх. 1403/13943-2019.
6. Информационное письмо о состоянии законности в сфере незаконной миграции / Люблинская межрайонная прокуратура г. Москвы / № Исх. 1403/13947-2019.
7. *Алтухова О.А.* Общественный контроль деятельности мировых судей: образовательный аспект / О.А. Алтухова, А.Н. Гостев // Социология образования. – 2015. № 9. С. 34-42.
8. *Волков К.* «Мигранты наступают» // Российская газета – Федеральный выпуск, № 45(8099), 02.03.2020.
9. *Гостев А.Н.* Войны XXI века: проблема подготовки населения // Социология образования. 2012. № 12а. С. 30–43.
10. *Демченко Т.С.* Гражданское общество: контроль над деятельностью государства: монография / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко – М.:Изд-во СГУ, 2011, 193 с.
11. *Краюшкин А.В.* Актуальные проблемы административно-правового регулирования в сфере миграции // Научно-практический альманах МВД России «Профессионал», № 2 (148), 2019 г. С. 22.
12. Методические рекомендации «Профилактическая деятельность, осуществляемая участковым уполномоченным полиции» // ФГКУ «ВНИИ МВД России», М., 2013. – С. 27.
13. URL: https:// eadaily.com/ru/news/2018/09/26/v-sng-bolee-9-tys-chelovek-razyskivayutsya-za-terrorizm (дата обращения: 01.03.2020).

References

1. Federal law of the Russian Federation of 23.06.2016 No. 182-FZ "About bases of prevention of offenses in the Russian Federation"//Russian newspaper, No. 139 (7007), 28.06.2016.
2. The federal law of the Russian Federation of 15.08.1996 No. 114-FZ "About an order of departure from the Russian Federation and entry into the Russian Federation" (in an edition of 11.10.2018)//the Russian newspaper, No. 159, 22.08.1996.
3. The order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of 01.07.2015 No. 343 (an edition of 21.06.2016) "About the organization of public prosecutor's supervision of performance of the legislation in the sphere of migration".
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 818 of 8 July 2011 "On the Procedure for Exercising Administrative Supervision of Persons Released from Places of Deprivation of Liberty" (ed. 23.03.2018)// Russian Newspaper, No. 189 (5565), 26.08.2011.
5. Resolution of the Coordination Meeting of Heads of Law Enforcement Agencies Supervised by the Moscow City Inter-District Prosecutor's Office on the State of Legality in the Field of Illegal Migration for the 2018 Year and the First Half of 2019, dated 24 December 2019/The Moscow City Inter-District Prosecutor's Office/No. Ish. 1403/13943-2019.
6. Information Letter on the State of Legality in the Field of Illegal Migration/Lublinskaya Inter-District Prosecutor's Office of Moscow/No Ish. 1403/13947-2019.
7. *Altukhova O.A.* Public Control of the Activities of Magistrates: Educational Aspect/O.A. Altukhova, A.N. Gostev// Sociology of Education. – 2015. № 9. Page 34-42.
8. *Volkov K.* "Migrants Come"//Russian Newspaper – Federal Issue, № 45 (8099), 02.03.2020.
9. *Gostev A.N.* Wars of the XXI century: the problem of population training//Sociology of education. 2012. No. 12a. Page 30-43.
10. *Demchenko T.S.* Civil Society: Control over State Activities: Monograph/A.N. Gostev, T.S. Demchenko – M.: Russian State University, 2011, 193 p.
11. *Krayushkin A.V.* Current problems of administrative and legal regulation in the field of migration.//Scientific and practical almanac of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation "Professional," № 2 (148), 2019. P. 22.
12. Methodological Recommendations "Preventive Activities Carried Out by the District Commissioner of Police"// FSCU "VNII of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation," M., 2013. – P 27.
13. URL: https:// eadaily.com/ru/news/2018/09/26/v-sng-bolee-9-tys-chelovek-razyskivayutsya-za-terrorizm (date of appeal: 01.03.2020).

УДК 343.22

Левандовская Мария Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права,
Московский государственный юридический университет имени О.Е Кутафина (МГЮА), г. Москва,
marusenka0610@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ОПЬЯНЕНИЯ

Аннотация. *Критерии степени и вида состояния опьянения, подлежащие учету при назначении наказания в качестве смягчающих и отягчающих обстоятельств не раскрываются в уголовном законодательстве Российской Федерации. Также законодатель обходит уточнение вопроса о том, что следует понимать под термином «состояние опьянения» и возможно ли отнесение лица в подобном состоянии к специальному субъекту преступления. Все эти постановочные вопросы отражают проблематику правоприменительной деятельности при квалификации деяний лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.*

Автором статьи исследованы теоретические взгляды на поставленную проблему, практику правоприменения действующих норм; подвергнута анализу законодательная конструкция ряда составов преступлений, регламентирующих повышенную ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Сделан вывод о необходимости уточнения законодательной терминологии и дифференциации уголовной ответственности в зависимости от «тяжести» состояния опьянения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, специальный субъект преступления, алкогольное опьянение, наркотическое опьянение, обстоятельства отягчающие ответственность, ужесточение наказания

Maria G. Levandovskaya,
candidate of Legal Sciences, Moscow State Law University named after O. Kutafin,
marusenka0610@yandex.ru

CRIMINAL LAW VALUE OF THE STATE OF INTOXICATION

Abstract. *Criteria for the degree and type of state of intoxication to be taken into account in sentencing as mitigating and aggravating circumstances are not disclosed in the criminal legislation of the Russian Federation. The legislator also bypasses the question of what should be understood by the term "state of intoxication" and whether it is possible to assign a person in such a state to a special subject of the crime. All these staged questions reflect the issue of law enforcement when characterizing the acts of persons who have committed a crime in a state of intoxication.*

The author of the article examined theoretical views on the problem posed, the practice of enforcement of existing norms; The legislative design of a number of offences regulating the increased liability of persons who have committed a crime in a state of intoxication has been analysed. It was concluded that it was necessary to clarify legislative terminology and differentiate criminal responsibility depending on the "severity" of the state of intoxication.

Keywords: criminal liability, special subject of crime, alcohol intoxication, drug intoxication, aggravating circumstances, increased punishment

Изучение субъекта преступной деятельности – сложная, многогранная и противоречивая на сегодняшний день задача. Множественность пояснений высших судебных инстанций в регионах и федеральном центре свидетельствуют о правоприменительных ошибках в толковании норм о привлечении лица к уголовной ответственности, обладающего особой спецификой (или специальными профессиональными, социальными, нравственно-ориентированными, физико-биологическими и иными характерными признаками).

Конструирование статей Особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации может натолкнуть на мысль о вторичности знаний о субъекте. Законодатель использует вводящие в заблуждение обороты: «такое-то деяние наказывается...». Но методологически это не совсем так. Деяние само по себе в отрыве от лица, его совершившего, не образует с юридической точки зрения полноценного состава преступления.

Для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в законе имеются слова и словосочета-

ния: «виновный», «осужденный», «лицо», «лицо, совершившее преступление», «лицо, подлежащее уголовной ответственности». Нет в законодательстве при этом понятия субъекта преступления или специального субъекта, хотя УК РФ насчитывает свыше 40% составов со специальным субъектом.

Проблемные аспекты в понимании специального субъекта связаны с единообразным пониманием черт, характеризующими это лицо. Такие черты должны иметь тесную взаимосвязь и взаимообусловленность с чертами общего субъекта преступления, – это: данные о личности, вменяемости, возрасте лица. Сложности толкования специфики особого субъекта связана с его правовой природой, она не обусловлена исключительно уголовно-правовыми истоками, а в равной мере имеет отраслевую правовую принадлежность. Подобное усложнение затрудняет единообразное применение норм уголовного права в части толкования признаков специального субъекта.

Ежегодная статистика неумолимо отмечает, что около трети преступлений совершаются лицами в состоянии опьянения. При чем, в состоянии наркотического опьянения доля таких преступлений составляет около 2%. В целом среди криминального контингента по данным МВД России на конец 2018 года зафиксировано 67400 человек страдающих алкогольной зависимостью и 52400 человек – наркотической. Все эти лица уже состоят на учете, при этом, как отмечается в отчете МВД России о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2018 год, – они представляют опасность для окружающих [3].

Состоянием опьянения в юридических справочниках и энциклопедиях называют: «психическое состояние, вызванное употреблением алкогольных напитков и выражающееся в снижении способности человека отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими» [9,с.214]. Опасность опьянения кроется в деградации личности, ее ценностно-нравственных установок и крайне низком уровне правосознания. Поэтому отечественный законодатель устанавливает уголовную ответственность лица, совершившего преступление в состоянии опьянения, вызванном любым из одурманивающих веществ (спиртные напитки, наркотические, психотропные и иные средства), наравне с другими лицами, совершившими деяния (ст. 23 УК РФ). Суд при назначении наказания может с учетом совокупности имеющихся по делу обстоятельств признать состояние опьянения в качестве отягчающего (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ). Наряду с назначением наказания судом могут быть назначены меры медицинского и социально-реабилитационного характера к больному наркоманией (ст. 72.1 УК РФ). Также при установлении паталогического опьянения как фактора психического отклонения, может быть поставлен вопрос о вменяемости лица, совершившего преступление и назначения ему принудительных мер медицинского характера.

В чем же актуальность обозначенной темы? Казалось бы, законодатель предусмотрел всю специфику привлечения лица в состоянии опьянения к уголовной ответственности и правил назначения ему наказания, но не отнес его к категории специального субъекта преступления.

Выявление признаков специального субъекта носит характер определения своеобразных маркеров уголовной ответственности: есть они – будет и ответственность. Рассматривать признаки специального субъекта можно с позиции завершенности конкретного состава преступления – когда признак субъекта совпадает с конструкцией состава. Для правоприменителя признак специального субъекта может служить еще и маркером того, где искать доказательства (по месту службы, в семье, окружающей среде и т.д.). Так что значение признаков специального субъекта многогранно и нет единого подхода ни в теории, ни в законодательстве, ни в практике. Отправной точкой для правильного решения этой проблемы могло бы стать установление того, что деяние считается уголовным преступлением, только если в социально опасном деянии обнаружены все признаки преступления.

Признаки субъекта преступления, в том числе лица в состоянии опьянения, имеют три юридически значимых проявления:

1) Они являются обязательными для определения преступления, когда речь идет об условии уголовной ответственности;

2) Расцениваются как факультативные обстоятельства, влияющие на дифференциацию подлежащей применению нормы;

3) Индивидуализируют ответственность.

Не снижается острота полемики между учеными об обоснованности отнесения всех форм и стадий опьянения к обстоятельствам, могущим быть расцененными исключительно как отягчающие [6].

Проиллюстрируем сказанное на наглядном примере: в ходе пересмотра приговор и постановление Нижегородского областного суда оставлены без изменений в связи с правильной квалификацией деяния как соисполнительство женщины в изнасиловании. Осужденная считала, что участие женщины в преступлении, которое может совершить по своим физиологическим возможностям лишь мужчина, не может квалифицироваться как изнасилование. Суд же опроверг этот довод и указал на активную роль женщины в отношении приискания жертвы, удержания силой во время полового акта, затыкания рта и лишения таким образом возможности обратиться за помо-

щью. Кроме того, после насилия в отношении жертвы мужчиной, осужденная в состоянии алкогольного опьянения и пользуясь беспомощным связанным положением потерпевшей, сама совершила действия сексуального характера в отношении потерпевший, что свидетельствует о направленности умысла. Все это позволило суду признать правильность квалификации в групповом изнасиловании [2].

При этом автором исследуются вопросы влияния степени опьянения от соответствующих видов одурманивающих напитков и веществ на способность лица осознавать характер своего поведения и его юридические последствия. Социально-правовые и психофизиологические свойства личности агрессора (пол; возрастные биологические показатели – венерические заболевания и ВИЧ-инфекция) особенно проявляются под воздействием длительного приема одурманивающих веществ. Например, по Делу № 76082/2019 от 20.11.2019 года Бутырским районным судом города Москвы было установлено: Алексеев Д.П. виновен в том, что совершил преступные действия по заражению другого человека вирусом иммунодефицита человека (далее ВИЧ). При этом осужденный знал о своем заболевании, но намеренно не сообщил об этом сожительнице, вступал с ней в незащищенные половые контакты в состоянии наркотического опьянения, после чего та была заражена и поставлена на учет. Таким образом совершено заражение другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни [1]. В этом деле примечательно то, что оценке в суде подлежал только факт умышленного заражения инфекцией, а состояние опьянения, степень и длительность употребления наркотических препаратов подсудимым и возможность влияния наркотического состояния опьянения на осознание последствий своих поступков, не подлежало выяснению. Думается, что в ситуации из примера возможность толкования состояния опьянения можно было бы толковать двояко: с одной стороны, суд мог бы воспользоваться положениями части 1.1 ст. 63 УК РФ и расценить факт наркотического опьянения как обстоятельство, отягчающее ответственность. С другой стороны, по мнению автора, в приведенной ситуации необходимо было бы назначить комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу с целью выяснения не повлияло ли состояние наркотического опьянения и длительность приема «тяжелых» наркотиков на возможность подсудимого осознавать характер совершаемых действий. Также необходимо уточнить и показания потерпевшей, утверждавшей о неосведомленности наличия у подсудимого ВИЧ-инфекции, долгое время сожительствуя с Алексеевым Д.П., принимавшей совместно с последним наркотические препараты, – не подвергнуты критическому анализу и не назначена в связи с этим ни одна экспертиза. В этом деле больше вопросов с позиции рассматриваемой темы, нежели ответов во всех принятых судебных решениях.

Учеными предпринимаются попытки проведения сравнительного анализа с законодательством и правоприменительной практикой зарубежных государств, где не все так однозначно в подходе об усилении ответственности лиц в состоянии опьянения [7]. Также исследователей не устраивает законодательная правоустанавливающая формулировка положения части 1.1 ст. 63 УК РФ, позволяющей суду по своему усмотрению решать вопрос об учете состояния опьянения в качестве отягчающего обстоятельства [4].

Оценивая результаты приведенных мнений, следует свести их к двум направлениям: 1) Состояние опьянения следует рассматривать в некоторых случаях как обстоятельство, смягчающее ответственность, и 2) Необходимость ужесточения ответственности ввиду допущения лицом состояния опьянения как провоцирующего, агрессирующего фактора. В целом теория и практика созвучны в потребности дифференциации юридической оценки состояния опьянения, что уже отражено законодателем, как конструктивные признаки некоторых составов преступлений. К примеру, ст. 263 в частях 1.2, 2.1, 4, ст. 264 в частях 2, 4, 6, ст. 263 и ст. 264.1 УК РФ состояние опьянения рассматривается в качестве основного или дополнительного квалифицирующего признака. При этом под состоянием опьянения часть 2 ст. 264 УК РФ называет такое состояние лица, управляющего транспортным средством, которое вызывается употреблением алкогольной продукции на основе и в эквиваленте этилового спирта, наркотических, психотропных и других психоактивных веществ. В случае квалификации указанных деяний, отсутствие специального признака – состояние опьянения, зафиксированного на основании результатов медицинского освидетельствования, не образует качественных признаков субъекта преступления и, соответственно, не образует уголовной ответственности.

В последние годы происходит неизменный рост преступлений, совершаемых специальным субъектом. Исследователи называют цифры прироста от 9% до 13% ежегодно на протяжении 2015-2019 годов. Связано это со многими причинами, в числе которых социальное и экономическое неравенство между различными слоями населения. Идет и своеобразный законодательный процесс. Так называемое «очеловечивание» уголовного права предполагает индивидуальный подход в назначении наказаний, а это прямой путь к поиску специальных маркеров и установок для наказания. Что мы и наблюдаем в последние несколько лет. Происходит декриминализация преступлений, появляются уголовные проступки. Этот путь порочен хотя бы тем, что в науке появляются термины «специальный потерпевший», «спарринг в субъекте» и т.д. [5, 8].

Состоянию опьянения, как конструктивному признаку субъекта преступления или дополнительному квалифицирующему признаку, нет объяснения в других статьях уголовного закона, в том числе в общей его части, что ведет к неправильному толкованию этого субъективного фактора в правоприменительной деятельности.

Достаточно распространенными ошибками при квалификации указанных преступлений можно считать: неопределенность в понятиях «употребление алкогольных напитков» и «состояние опьянения»; применение положений административного законодательства об отказе в прохождении медицинского освидетельствования водителем и автоматического признания его находящимся в состоянии опьянения.

Итак, значение субъекта преступления в состоянии опьянения, на наш взгляд, в следующем. Во-первых, сущность своеобразных маркеров уголовно-правового характера в статусе такого субъекта заключается в связи состояния опьянения с составом преступления, что позволяет нам проводить дифференциацию и отграничиться от смежных составов преступлений. Во-вторых, признаки специального субъекта в состоянии опьянения могут являться частью отягчающих обстоятельств, служить базовой предпосылкой для ужесточения уголовной ответственности. И, в-третьих, на основе индивидуальных личных характеристик лица (специального субъекта в состоянии опьянения) формируются определенные правовые свойства, позволяющие максимально повысить индивидуальность ответственности за преступление и выбрать наиболее подходящее наказание.

Таким образом, субъектом преступления в состоянии опьянения является, по мнению автора, лицо, совершившее социально опасное уголовно-наказуемое деяние под воздействием одурманивающих сознание средств и психоактивных веществ, имеющих различную органико-токсилогическую природу, но не исключающих состояние вменяемости и способности нести юридическую ответственность.

Под специальным субъектом преступления, в самом общем теоретическом смысле, по нашему мнению, следовало бы считать лицо, обладающее наряду с общими признаками субъекта преступления, другими характеризующими его особый правовой статус и повышенную степень ответственности свойствами, подлежащими установлению в каждом конкретном случае субъектом доказывания индивидуально. Полагаем возможным к таким признакам отнести: должностное положение; круг служебных обязанностей и выполняемых функций; военнообязанность и принадлежность к воинской службе; выполнение функции управления транспортным средством (иным средством передвижения повышенной опасности); выполнение функции сопровождения и оказания содействия в отправлении правосудия, состояние опьянения и другие.

Круг этих признаков не может носить исчерпывающий характер ввиду многообразности криминальных ситуаций. На практике возможно будет складываться ситуация сочетания специального и общего субъекта и их признаков, что неизменно должно отражаться в правилах квалификации преступлений. Эти правила должны носить специальный характер, должны быть сформулированы на основе обобщения и анализа судебной и следственной практики и адресованы практическим работникам, принявшим дело к своему производству или материалы проверки о совершенном или готовящемся преступлении в порядке ст. ст. 140-146 УПК РФ. Именно на этом этапе возникает острая необходимость правильного применения знаний о специальном субъекте для выяснения вопроса о наличии или отсутствии признаков конкретного состава преступления, а значит наличия основания к возбуждению уголовного дела и его последующего производства.

Также автором предлагается на теоретическом и методическом уровнях разработать признаки рассматриваемого специального субъекта, а в УК РФ закрепить следующее: «Часть 2 ст. 19 УК РФ: Уголовной ответственности подлежит физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения общественно опасного деяния указанного законом возраста и обладающего специальными признаками».

Правовая оценка субъекта как специального, нередко сопряжена с разграничением действий двух и более лиц, тогда возникает вопрос соучастия и необходимости квалификации действий и признаков, характеризующих особого субъекта в отдельности от других соучастников, при этом важно выявить направленность умысла. В ходе исследования было установлено при этом, что все признаки субъективной стороны тесным образом переплетены между собой и оказывают равнозначное влияние на квалификацию деяния с участием специального субъекта. Но специальные признаки должны сопрягаться и с объективной стороной преступления, а точнее способом его совершения, о чем был приведен классический пример соучастия женщины в изнасиловании.

Разнообразие комбинаций признаков специального субъекта – выступают своеобразным «рельефом» определения и индивидуализации уголовной ответственности. В целом уголовно-правовой анализ специального субъекта, в том числе лица в состоянии опьянения, по детерминирующим признакам позволяет сделать вывод о формировании у такой личности совокупности социально-психологических, ценностно-ориентированных, мотивационных и профессионально-деформирующих свойств. Это требует учета не только при квалификации, но и при предупреждении и профилактики преступлений.

Список литературы

1. Дело № 76082/2019 от 20.11.2019 г., рассмотренное Бутырским районным судом г. Москвы: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Бутырского районного суда г. Москвы: раздел «Новости». – Режим доступа: https://www.mos-gorsud.ru/rs/butyrskij. – Дата обращения: 04.02.2020.
2. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 04.09.2007 г. № 9-О07-61 по делу Ф. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 5.
3. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2018 год [Электронный ресурс] / Официальный сайт МВД РФ. – Режим доступа: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/Godovoy_otchet_za_2018.
4. *Дзиконская, С.Г.* Криминологическая экспертиза новелл УК РФ 2013 г. (на примере ч. 1.1 ст. 63 УК РФ) / С.Г. Дзиконская // Законность и правопорядок в современном обществе.- 2013. – № 16. – С. 120-123.
5. *Карабанова, Е.Н.* Квалификация многообъектных преступлений по признаку специального социального статуса потерпевшего / Е.Н. Карабанова // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 38-42.
6. *Кругликов, Л.Л.* Учет состояния опьянения при назначении наказания. // Уголовный процесс. – 2006. – № 9. – С. 50-53.
7. *Унтевская, В.Д.* Уголовно-правовое значение совершения преступления в состоянии опьянения по зарубежному законодательству / В.Д. Унтевская // Результаты современных научных исследований и разработок: сб. статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза: Изд-во: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 127-129.
8. *Шемякин, Л.Л.* Проблемы теории специального субекта преступления / Л.Л. Шемякин // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 99-102.
9. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. – М., 1984. – С. 214. – 415 с.

References

1. Case № 76082/2019 dated 20.11.2019, considered by Butyrsky District Court of Moscow: [Electronic resource]// Official website of Butyrsky District Court of Moscow: section "News." – Access mode: https://www.mos-gorsud.ru/rs/butyrskij. – Date of appeal: 04.02.2020.
2. Definition of Judicial board of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.09.2007 No. 9-O07-61 on case F.// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2008. – No. 5.
3. Annual Report on the Implementation and Evaluation of the Effectiveness of the State Program "Ensuring Public Order and Combating Crime" for 2018 [Electronic Resource]/Official Website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Access Regime: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/Godovoy_otchet_za_2018.
4. *Dzikonskaya, S.G.* Criminological Examination of Innovations of the Criminal Code of the Russian Federation 2013 (on the example of Part 1.1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation)/S.G. Dzikonskaya//Legality and Law and Order in Modern Society. – 2013. – № 16. – S. 120-123.
5. *Karabakh, E.N.* Qualification of multi-object crimes on the basis of special social status of the victim/E.N. Karabakh// Russian investigator. – 2018. – № 9. – P.38-42.
6. *Kruglikov, L.L.* Taking into account the state of intoxication in sentencing.//Criminal procedure. – 2006. – № 9. – P 50-53.
7. *Untevskaya, V.D.* Criminal-legal significance of commission of a crime in a state of intoxication under foreign legislation/V.D. Untevskaya//Results of modern scientific research and development: Articles IV of the International Scientific and Practical Conference. – Penza: Publication: ICNA "Science and Enlightenment," 2018. – P 127-129.
8. *Shemyakin, L.L.* Problems of Theory of Special Subject of Crime/L.L. Shemyakin//Gaps in Russian Legislation. – 2009. – № 3. – S. 99-102.
9. Legal Encyclopedia Dictionary/ed. A. J. Sukharev. – M., 1984. – p. 214. – 415 p.

УДК 340.1

Малышева Татьяна Вячеславовна,
аспирант кафедры Теории и истории государства и права, АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», г. Белгород,
paklinowa@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Целью статьи является теоретико-правовое исследование особенностей механизма правового регулирования сельскохозяйственной кооперации в современной России. Выделяя в качестве предмета исследования механизм правового регулирования сельскохозяйственной кооперации, автор приходит к выводу об отсутствии в юридической литературе определения и комплексного исследования данной категории. В статье дается характеристика основным элементам механизма и обосновывается их значимость и результативность. Автором анализируются основные подходы к рассмотрению категории «механизм правового регулирования», сформулировано собственное определение категории «механизм правового регулирования сельскохозяйственной кооперации», рассмотрены существующие проблемы, а также разработаны пути развития и совершенствования механизма правового регулирования сельскохозяйственной кооперации в России. Обосновывая важность сельскохозяйственной кооперации как одной из главных направлений стабилизации и совершенствования аграрного производства, стимулирования предпринимательской активности населения и повышения уровня социально-экономического развития России, автор приходит к выводу о необходимости создания оптимального механизма правового регулирования сельскохозяйственной кооперации, соответствующего современному уровню развития рыночных отношений.*

Ключевые слова: сельскохозяйственная кооперация, сельскохозяйственный кооператив, механизм правового регулирования, правовое регулирование

Tatyana V. Malysheva,
Graduate student of the Department of Theory and History of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
paklinowa@yandex.ru

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF AGRICULTURAL COOPERATION IN MODERN RUSSIA

Abstract. *The purpose of the article is a theoretical and legal study of the features of the mechanism of legal regulation of agricultural cooperation in modern Russia. Highlighting the mechanism of legal regulation of agricultural cooperation as the subject of research, the author comes to the conclusion that there is no definition and comprehensive study of this category in the legal literature. The article describes the main elements of the mechanism and justifies their significance and effectiveness. The author analyzes the main approaches to the consideration of the category "mechanism of legal regulation", formulated its own definition of the category "mechanism of legal regulation of agricultural cooperation", considered the existing problems, and developed ways to develop and improve the mechanism of legal regulation of agricultural cooperation in Russia. Justifying the importance of agricultural cooperation as one of the main directions of stabilization and improvement of agricultural production , stimulating entrepreneurial activity of the population and increasing the level of socio-economic development of Russia, the author comes to the conclusion that it is necessary to create an optimal mechanism for legal regulation of agricultural cooperation that corresponds to the current level of development of market relations.*

Keywords: agricultural cooperation, agricultural cooperative, mechanism of legal regulation, legal regulation

За время своего существования сельскохозяйственная кооперация в России прошла несколько сложных этапов становления и развития, и смело может считаться феноменом отечественного опыта хозяйствования. В самые тяжелые для страны годы сельскохозяйственная кооперация являлась достаточно мощным инструментом, при помощи которого осуществлялся подъем сельскохозяйственного производства. Опыт предшествующих лет доказал, что кооперативная форма хозяйствования способна экономически и социально защитить большинство населения в период модернизации. В современной России принципы сельскохозяйственной кооперации не утратили своей актуальности, напротив, в последние годы в России наблюдается активизация кооперативной деятельности, которая наделяется важной ролью в экономическом и социальном аспектах.

На сельскохозяйственную кооперацию возлагаются надежды, в первую очередь, в области улучшения качества жизни населения, подъема производительности сельского хозяйства, и в целом создания устойчивой современной экономической основы государства. 1 марта 2018 года в ежегодном Послании к Федеральному Собранию Владимир Владимирович Путин указал на необходимость поддержки сельхозкооперации: «Развитие АПК, безусловно, во многом связано с крупным товарным производством, но это не должно идти в ущерб интересам малых хозяйств, людей, которые в них работают. Мы должны поддержать семейные предприятия, фермеров» [11].

Очевиден тот факт, что важнейшим инструментом поддержки мелких сельхозтоваропроизводителей является сельхозкооперация, которая благодаря «эффекту масштаба» позволяет им снижать издержки производства, иметь постоянные рынки сбыта, повышать конкурентоспособность и, главное, увеличивать свое благосостояние.

Таким образом, сельскохозяйственная кооперация обладает значительным экономическим и социальным потенциалом. В этой связи теоретико-правовое исследование механизма правового регулирования сельскохозяйственной кооперации приобретает особое значение.

В юридической литературе отсутствует комплексное исследование понятия «механизм правового регулирования сельскохозяйственной кооперации». Для обоснования авторского определения данного понятия обратимся к категории «механизм правового регулирования», которое является производным от понятия «правовое регулирование». Сущность правового регулирования состоит в его поэтапном и целенаправленном воздействии на общественные отношения правовыми средствами, для достижения упорядоченности в той или иной сфере общественных отношений.

Анализ научной юридической литературы позволяет сделать вывод о наличии нескольких подходов к пониманию категории механизма правового регулирования. При этом традиционным справедливо признавать «инструментальный» подход С.С. Алексеева, согласно которому механизм правового регулирования представляет собой взятую в единстве систему всех правовых средств, организованных последовательным образом, посредством которой происходит воздействие права на общественные отношения»[5, с. 52].

По мнению Червонюк В.И., механизм правового регулирования представляет собой совокупность юридических средств: нормы права, субъективные права и юридические обязанности, юридические факты, властные акты правоприменительных органов, организационная деятельность государства и его органов, с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений [10, с. 205].

Схожим является взгляд на категорию Д.А. Никитина, Б.П. Козаченко, А.В. Агаджаняна, по мнению которых «механизм правового регулирования – это нормативно закрепленный, системно организованный комплекс правовых средств, направленный на достижение в соответствии с определенной юридической процедурой целей правового регулирования» [9, с. 74].

В целом, теоретики формулируют аналогичные определения категории «механизм правового регулирования», которые разнятся лишь в наборе базовых элементов механизма. Анализ существующих точек зрения позволяет сделать вывод о наличии в структуре механизма правового регулирования трех основных элементов: правовая регламентация общественных отношений; субъективация объективного права и реализация права [7, с. 57].

На основании вышеизложенного сформулируем собственное понятие термина «механизм правового регулирования сельскохозяйственной кооперации» – это нормативно закрепленный, системно организованный комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих юридических средств (нормы права, субъективные права и юридические обязанности, юридические факты, властные акты правоприменительных органов, организационная деятельность государства и его органов), посредством которых осуществляется результативное правовое воздействие на общественные отношения в сфере сельскохозяйственной кооперации.

Сущность сельскохозяйственной кооперации обуславливается особенностями сельскохозяйственной деятельности. Отношения, возникающие в сфере сельскохозяйственной кооперации, являются специфичными по отношению к иным общественным отношениям. В этой связи возникает необходимость

обозначить особенности механизма правового регулирования сельскохозяйственной кооперации, выделив из всей совокупности правовых средств, входящих в механизм правового регулирования, специфику работы основных его элементов.

Наиболее эффективным средством регулирования во многих сферах общественных отношений являются нормы права, посредством которых осуществляется основной объем регулятивной работы в обществе. Отношения в сфере сельскохозяйственной кооперации не являются исключением. Основное место в механизме правового регулирования сельскохозяйственной кооперации занимают нормативно-правовые акты.

Нормативно-правовую базу сельскохозяйственной кооперации России, отражающую экономическую и социальную роль кооперативов, составляют Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон Российской Федерации «О сельскохозяйственной кооперации» и иные федеральные законы, законы и иные акты субъектов Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации провозглашает право каждого на объединение (ст. 30), а также право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34) [1]. Из этих конституционных прав вытекает право граждан и юридических лиц на создание сельскохозяйственных кооперативов.

Сельскохозяйственный кооператив обладает статусом юридического лица, а его правовой статус позволяет индивидуализировать его в гражданском обороте, то есть отличить от других юридических лиц, выделить его особенности. Правовое положение сельскохозяйственных кооперативов закреплено, прежде всего, в Гражданском кодексе Российской Федерации, в котором содержатся отдельные нормы, касающиеся правового положения производственного и потребительского кооператива [2]. В системе юридических лиц сельскохозяйственные кооперативы занимают место в числе как коммерческих, так и некоммерческих организаций. К первым относятся сельскохозяйственные производственные, а ко вторым – сельскохозяйственные потребительские кооперативы.

Особое место в механизме правового регулирования сельскохозяйственной кооперации в России занимает Федеральный закон Российской Федерации «О сельскохозяйственной кооперации», который закрепляет основу деятельности сельскохозяйственных кооперативов, как потребительских, так и производственных, перечисляет субъективные права и юридические обязанности участников кооперативных отношений [3].

Говоря о правовом регулировании сельскохозяйственной кооперации, важно наряду с государственным регулированием (установлением норм права) упоминать и о саморегулировании. Исторические корни сельскохозяйственной кооперации говорят о самобытности последней. Сельскохозяйственная кооперация изначально развивалась снизу и строилась на принципах выборности, добровольности и демократичности.

Современные сельскохозяйственные кооперативы создаются исключительно по инициативе одного или группы товаропроизводителей, а их члены обладают автономностью и независимостью. Так, Указом Президента РФ от 23 июля 2003 года № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003-2004 годах» определено, что необходимо ограничить вмешательство государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе путем прекращения избыточного государственного регулирования и развития системы саморегулируемых организаций в области экономики [4].

Таким образом, в современном государстве важным средством правового регулирования сельскохозяйственной кооперации признается самостоятельное формирование субъективных прав и юридических обязанностей. Кроме того, регламентировать все стороны экономической жизни сельскохозяйственного кооператива государство объективно не может. Напротив, для эффективного правового регулирования создания и деятельности сельскохозяйственного кооператива, важно, чтобы законодательство выражало нижний предел регламентации [6, с. 25].

Необходимым элементом механизма правового регулирования сельскохозяйственной кооперации выступает субъективация права, которая выступает звеном перехода от объективного права в субъективные права и юридические обязанности субъектов кооперативных отношений. Субъективация права связывает нормы права, регламентирующие общественные отношения, с реализацией норм права. Возникновению, изменению и прекращению правовых отношений в субъективации права предшествуют конкретные жизненные обстоятельства – юридические факты, предусмотренные нормами права [8, с. 18].

Третьим и заключительным элементом механизма правового регулирования сельскохозяйственной кооперации является реализация права, который проявляется в фактическом поведении участников общественных отношений в сфере сельскохозяйственной кооперации.

Проведенный автором краткий анализ основных наиболее значимых элементов механизма правового регулирования сельскохозяйственной кооперации позволяет выделить некоторые его особенности:

1. Сельскохозяйственная кооперация в России имеет долгую историю, на некоторых этапах развития кооперации существовали периоды, когда отдельные положения законов не соответствовали экономическим реалиям. Зачастую нормы принимались уже после того, как они стали фактически применяться на практике. Поскольку деятельность современного государства направлена на преодоление кризисных социально-экономических явлений, имеющих место в аграрном секторе страны, то для механизма правового регулирования сельскохозяйственной кооперации в современной России характерна изменчивость – законодатель пытается привести его в соответствие с современным уровнем развития рыночных отношений.

2. Особое место в механизме правового регулирования сельскохозяйственной кооперации занимают правовые акты, что выражается в их тесном переплетении с каждым элементом механизма правового регулирования – нормами права, юридическими правами и обязанностями, правовыми отношениями. При этом следует отметить, что отношения в сфере сельскохозяйственной кооперации возникают, изменяются и прекращаются на основании норм различных отраслей права.

3. Немаловажную роль в механизме правового регулирования сельскохозяйственной кооперации играет государство, которое создает благоприятные условия для создания и функционирования сельскохозяйственных кооперативов путем:

- выделения средств из федерального бюджета и бюджета субъектов РФ для оказания им грантовой поддержки;
- установления специальных налоговых режимов для участников кооперативной деятельности;
- предоставления сельскохозяйственным кооперативам льготных условий пользования землей сельскохозяйственного назначения и иными природными ресурсами;
- создания выгодных условий кредитования сельхозтоваропроизводителей;
- осуществления научного, кадрового и информационного обеспечения сельскохозяйственных кооперативов, а также оказания всесторонней помощи в сбыте сельхозпродукции на внутренних рынках страны и на территории других государств.

4. Несмотря на обширность организационных, экономических и социальных функций государства в механизме правового регулирования сельскохозяйственной кооперации, важно соблюдение принципа невмешательства государства в финансовую, хозяйственную и иную деятельность кооперативов. Задачей государства является лишь оказание содействия сельскохозяйственным кооперативам и создание благоприятных условий для успешного производства сельскохозяйственной продукции в агропромышленном комплексе.

5. На современном этапе правового регулирования сельскохозяйственной кооперации наряду с государственно-правовыми средствами, широко применяются индивидуальные правовые средства. Сельскохозяйственный кооператив является коллективным предприятием, члены которого создали его по собственной инициативе на основе своего частного имущества. Поэтому самостоятельное формирование субъективных прав и юридических обязанностей путем заключения договоров приобретает особое значение в механизме правового регулирования.

Таким образом, механизм правового регулирования сельскохозяйственной кооперации характеризует понятие структуры правового регулирования, которое схематично состоит из трех звеньев: правотворчества, субъективации объективного права, характеризующего воздействие правовых средств на субъектов общественных отношений в целях их упорядочения, и реализации права.

Важную роль в эффективном развитии сельскохозяйственных кооперативов играет определение существенных признаков и характеристик правового регулирования их деятельности, поэтому автором было сформулировано определение «механизм правового регулирования сельскохозяйственной кооперации».

В целом, проведенный краткий анализ механизма правового регулирования сельскохозяйственной кооперации и его звеньев позволяет сделать вывод о недостаточности теоретических разработок в этой области. На современном этапе развития государства важно создать оптимальный механизм правового регулирования сельскохозяйственной кооперации, который будет способен обеспечить правовыми средствами достижение конкретных социальных целей. Поэтому данный вопрос требует пристального внимания к себе со стороны научного сообщества. Давно назрела необходимость совершенствования действующего законодательства, недостатки которого препятствуют кооперативам раскрыть в полной мере свой потенциал и делают данную организационно-правовую форму непонятной для большинства сельских товаропроизводителей. В современных условиях система сельскохозяйственной кооперации должна динамично развиваться и обладать стабильностью, поскольку является именно тем перспективным направлением, которое позволит обеспечить прогресс в развитии агропромышленного комплекса страны.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 21 июля 2014 года // Российская газета. 2009. № 7 (4831). 21 января.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. О сельскохозяйственной кооперации: федеральный закон от 08.12.1995 года № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.
4. Указ Президента Российской Федерации от 23.07.2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003-2004 годах» // Российская газета. 2003. № 148.
5. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.
6. *Воронина Н.П.* К вопросу о понятии и содержании модели правового регулирования создания и деятельности сельскохозяйственных кооперативов // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 25-28.
7. *Гавриков В.П.* Механизм правового регулирования: новое прочтение // Электронный научный журнал «Современное общество и власть». 2015. № 1. С. 57-61.
8. *Горбуль Ю.А.* О соотношении понятий «структура правового регулирования» и «механизм правового регулирования» // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2010. С. 17-19.
9. *Никитин Д.А. Козаченко Б.П., Агаджанян А.В.* К вопросу о соотношении механизма правового регулирования и механизма процессуально-правового регулирования // Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Концепция». 2019. С. 74-78.
10. *Червонюк В.И.* Элементарные начала общей теории права. М.: Колос, 2003. 544 с.
11. Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. [Электронный источник] // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (дата обращения: 25.02.2020).

References

1. The Constitution of the Russian Federation of December 25, 1993, as amended on July 21, 2014 / / Rossiyskaya Gazeta. 2009. No. 7 (4831). January 21.
2. Civil code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ / / Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.
3. On agricultural cooperation: Federal law No. 193-FZ of 08.12.1995 / / Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 50. Article 4870.
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 824 of 23.07.2003 «on measures for administrative reform in 2003-2004» / / Rossiyskaya Gazeta. 2003. No. 148.
5. *Alekseev S.S.* Mechanism of legal regulation in the socialist state. M.: Legal lit., 1966. 187 PP.
6. *Voronina N.P.* On the concept and content of the model of legal regulation of the creation and operation of agricultural cooperatives. Gaps in Russian legislation. 2015. No. 6. Pp. 25-28.
7. *Gavrikov, V.P.* the legal regulation Mechanism: a new interpretation // Electronic scientific journal «Contemporary society and government». 2015. No. 1. Pp. 57-61.
8. *Gorbul Yu.A.* on the relationship between the concepts «structure of legal regulation» and «mechanism of legal regulation» / / Legal problems of strengthening the Russian state. 2010. Pp. 17-19.
9. *Nikitin D.A., Kozachenko B.P., Aghajanyan A.V.* On the question of the relationship between the mechanism of legal regulation and the mechanism of procedural and legal regulation / / limited liability Company «publishing house «Concept». 2019. From 74-78.
10. *Chervonyuk V.I.* Elementary principles of the General theory of law. Moscow: Kolos, 2003. 544 PP.
11. Message from the President to the Federal Assembly on March 1, 2018 [Electronic source] // Administration of the President of Russia. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (accessed: 02.25.2020).

УДК 343.3/.7

Никонов Павел Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовно-правовых дисциплин, ФГКОУ ВО «Иркутский юридический институт» (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск,
nikonov_pv@mail.ru

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СВЯЗАННЫЕ С ДАЧЕЙ И ПОЛУЧЕНИЕМ ВЗЯТКИ И ИНЫМИ ВИДАМИ НЕЗАКОННОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Аннотация. *В настоящее время, принимая во внимание положения международных документов и стандартов в области борьбы с преступностью, одним из ключевых направлений российской уголовной политики является противодействие коррупционным преступлениям, ядро которых составляют противоправные деяния, связанные с незаконным вознаграждением. Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов системности уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за коррупционные преступления, связанные с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения. Автором подчеркивается важность и практическая значимость исследования взаимосвязи норм уголовного закона, в которых закреплена ответственность за данные преступления. Борьба уголовно-правовыми средствами с коррупционными преступлениями, связанными с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, имеет принципиальное значение в деятельности правоприменительных органов.*

Целью исследования является анализ уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за коррупционные преступления, связанные с дачей и получением взятки, а также иными видами незаконного вознаграждения. Сами указанные нормы выступили в качестве предмета исследования.

Нормативную основу исследования образуют международные правовые акты, нормы национального уголовного законодательства, закрепляющие уголовную ответственность за коррупционные преступления, связанные с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения.

Методологической основой исследования стал диалектический метод познания социальных явлений и процессов, позволяющий рассматривать их в постоянном изменении, развитии, а также во взаимосвязи. В ходе исследования использованы общенаучные и частнонаучные методы познания социальной действительности, среди которых – сравнительный, формально-логический, системно-структурный, статистический и другие методы.

Результатами проведенного исследования норм уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за коррупционные преступления, связанные с дачей и получением взятки, а также иными видами незаконного вознаграждения, стали полученные обоснованные выводы относительно бессистемности уголовно-правового регулирования в указанной сфере общественных отношений. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании российского уголовного законодательства, а также в правоприменительной практике при квалификации рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: коррупционные преступления, дача взятки, получение взятки, посредничество во взяточничестве, подкуп, незаконное вознаграждение, уголовная ответственность

Pavel V. Nikonov,
candidate of law, associate Professor, associate Professor of the Department of criminal law disciplines, Federal state educational institution of higher education Irkutsk law Institute (branch) University of Prosecutor's office of the Russian Federation,
nikonov_pv@mail.ru

CORRUPTION OFFENCES RELATED TO THE GIVING AND RECEIVING OF BRIBES AND OTHER TYPES OF ILLEGAL REMUNERATION UNDER RUSSIAN CRIMINAL LAW

Abstract. *Currently, taking into account the provisions of international documents and standards in the field of combating crime, one of the key areas of Russian criminal policy is to counter corruption crimes, the core of which is illegal acts related to illegal remuneration. The article is devoted to the consideration of topical issues of the system of criminal law norms that establish responsibility for corruption crimes related to the giving and receiving of bribes and other types of illegal remuneration. The author emphasizes the importance and practical significance of the study of the relationship between the norms of the criminal law, which establishes responsibility for these crimes. The fight against corruption crimes related to the giving and receiving of bribes and other types of illegal remuneration by criminal law means is of fundamental importance in the activities of law enforcement agencies.*

The purpose of the study is to analyze criminal law norms that establish responsibility for corruption crimes related to the giving and receiving of bribes, as well as other types of illegal remuneration. These norms themselves were the subject of research.

The normative basis of the study is formed by international legal acts and norms of national criminal legislation that establish criminal liability for corruption crimes related to the giving and receiving of bribes and other types of illegal remuneration.

The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition of social phenomena and processes, which allows us to consider them in constant change, development, and in relationship. The research uses General scientific and private scientific methods of cognition of social reality, including comparative, formal-logical, system-structural, statistical, and other methods.

The results of the study of the criminal law norms that establish responsibility for corruption crimes related to the giving and receiving of bribes, as well as other types of illegal remuneration, were reasonable conclusions about the unsystematic nature of criminal law regulation in this area of public relations. The results obtained can be used in improving the Russian criminal law, as well as in law enforcement practice in the qualification of the considered crimes.

Keyword: corruption crimes, bribery, receiving a bribe, mediation in bribery, bribery, illegal remuneration, criminal liability

Российское уголовное законодательство в области противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, постоянно совершенствуется. Под влиянием динамического развития общественных отношений в этой сфере и норм международного законодательства, появляются новые составы преступлений, так или иначе связанные с незаконным вознаграждением. Коррупционные преступления, связанные с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, представляют повышенную общественную опасность, особенно если данные противоправные деяния совершаются должностными лицами органов государственной власти и управления.

Противодействие, осуществляемое уголовно-правовыми средствами коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, имеет важное государственно-правовое значение. Это объясняется тем, что такая незаконная деятельность создает условия для совершения других преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, нарушает принципы равноправия, беспристрастности, влечет необоснованное предоставление привилегий для одних участников общественных отношений в ущерб интересам других, что обусловливает избирательность в применении закона, и в конечном счете это порождает нигилизм, а также связанную с этим утрату эффективности средств правового регулирования, снижение роли государства в защите законных прав и интересов, и обеспечении их реализации. Следствием этого становиться утрата контроля над социальными и связанными с ними процессами, что приводит к вырождению роли государства, как общественно-политического института.

В этой связи, абсолютно объяснимо значение уголовно-правовой охраны общественных отношений, являющихся объектом коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения. К указанной группе преступлений действующий Уголовный кодекс РФ относит подкуп участников избирательного процесса (п. а ч. 2 ст. 141 УК РФ), подкуп участников официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ), подкуп работников контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5 УК РФ), коммерческий подкуп (ст.ст. 204-204.2 УК РФ), взяточничество (ст. ст.290-291.2 УК РФ), провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 304 УК РФ), подкуп участников уголовного процесса (ч. 1 ст. 309).

Отмечая особую роль указанных составов преступлений в обеспечении охраны и защиты законных прав и интересов, обращает на себя внимание их бессистемность, которая необоснованно ограничивает потенциал их применения в практической деятельности.

Следует отметить, что в настоящее время коррупционные преступления привлекают внимание не только со стороны органов государственной власти, правоохранительных органов, но и со стороны научного сообщества [1, с. 80-84; 2, с. 531-543; 4, с. 179-181; 5, с. 139-145; 6, с. 61-70].

Несмотря на то, что рассматриваемые коррупционные преступления объединяет сходство в механизме их совершения, в основе которого находятся действия, связанные с дачей, получением незаконного вознаграждения и посредничеством в их совершении, структура таких преступлений, способ их законодательного описания, не являются однотипными, отсутствуют унифицированные начала в их криминализации.

Непоследовательность законодателя в установлении оснований ответственности за коррупционные преступления, связанные с незаконным вознаграждением, приводит к тому, что одни и те же признаки в одном составе преступления имеют дифференцирующее, криминообразующее или правостимулирующее значение, а в другом не предусмотрены вообще или учтены частично, что, безусловно, влияет на эффективность применения уголовно-правового запрета и связанной с ним охранительной функции уголовного права. При этом отсутствует логическое и правовое обоснование таких внутренне противоречивых законодательных решений, особенно в условиях, когда принципиальное различие между изучаемыми преступлениями обусловлено исключительно сферой общественных отношений, в которой допускается нарушение закона, при том, что способ преступного посягательства предусмотрен один и тот же.

Анализ законодательных положений, содержащихся в Уголовном кодексе РФ, позволяет заключить, что наиболее разработанными из преступлений указанной категории являются деяния, связанные со взяточничеством [3, с. 46-56]. Так, составы получения и дачи взятки, посредничества во взяточничестве, мелкого взяточничества не только формально определяют, но и достаточно подробно описывают юридически значимые признаки, характеризующие их объективную и субъективную стороны, содержат указание на конкретные обстоятельства, с которыми закон связывает усиление ответственности или наоборот ее смягчение, дифференцируют их уголовно-правовое значение, предусматривают примечания, содержащие специальные основания освобождения от уголовной ответственности. В этом смысле, указанные преступления с позиции полноты описания, формальной логики, последовательности, структуры и системы изложения законодательного материала, являются своего рода ориентиром, образцом, на основе и в соответствии с которым должно осуществляться правовое регулирование других видов уголовно-противоправного поведения, связанного с незаконным вознаграждением. Если исходить из состояния действующих уголовно-правовых норм, то взяточничество с учетом истории установления ответственности за него, как деяние, криминализированное одним из первых, безусловно, является родоначальником других преступлений, связанных с незаконным вознаграждением, которые в последующем выделяясь из него, приобретали вид самостоятельных преступлений.

Одними из таких преступлений, которые обнаруживают существенное сходство с взяточничеством, являются деяния, связанные с коммерческим подкупом (ст. 204-204.2 УК РФ). Их принципиальное отличие заключается только в сфере общественных отношений, в которой совершаются указанные преступления, и обусловленные этим обстоятельством признаки специального субъекта. Так, если субъектом является должностное лицо, содеянное влечет ответственность за взяточничество. Если субъект – лицо, выполняющее управленческие функции, определения которых приведено в примечании 1 к ст. 201 УК РФ, содеянное влечет ответственность за одно из деяний, связанных с коммерческим подкупом.

Используя прием сравнительного анализа, можно заключить, что опыт правового регулирования ответственности за взяточничество в основном применен к деяниям, связанным с коммерческим подкупом, и не обнаруживает каких-либо заметных различий и особенностей в принципах, на основе которых такое регулирование осуществляется. Так же, как и за получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество, предусмотрена ответственность и за дачу, получение, посредничество в коммерческом подкупе, мелкий коммерческий подкуп.

Напротив, значительные расхождения и несоответствия обнаруживаются с такими видами незаконного вознаграждения, как подкуп участников избирательного процесса (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ) и подкуп участников уголовного процесса (ч. 1 ст. 309).

Законодательное описание данных преступлений не предусматривает и не перечисляет определенные действия, связанные с подкупом, что является одной из причин правовой неопределенности, осложняющей процесс правоприменения по указанным категориям уголовных дел.

Следует заметить, что само понятие «подкуп» означает предоставление выгод или преимуществ, не ограничивая его понимание и применение какими-либо действиями, с ним связанными. Таким образом, отсутствие связи подкупа в диспозициях рассматриваемых преступлений с конкретными действиями, не исключает их квалификацию, как в случае дачи подкупа, так и его получения. Между тем, несмотря на тесную и взаимообуславливающую связь деяний, выражающихся в даче и получении незаконного возна-

граждения, рассматриваемые виды противоправного поведения являются самостоятельными и отличаются как объективными, так и субъективными признаками, их характеризующими. В этой связи автору представляется обоснованной дифференциация действий, связанных с подкупом, что соответствует традициям уголовно-правового регулирования такого рода деяний и обеспечивает индивидуализацию наказания в зависимости от роли лица в совершенном преступлении.

Недостатком рассматриваемых уголовно-правовых норм, в некотором смысле, является используемый в их диспозициях термин «подкуп» без его раскрытия, т.е. определения юридического содержания.

Между тем, осуществляя сравнительный анализ п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ и ч. 1 ст. 309 УК РФ со ст.ст. 200.5, 204, 304 УК РФ, и исходя из правила, действующего в доктрине уголовного права и применяемого в квалификационной практике, о том, что одни и те же понятия, используемые разными уголовно-правовыми нормами, должны иметь одинаковое значение (за исключением случаев, когда различия между ними обусловлены особенностями объекта преступного посягательства, влияющего на юридическое содержание действий, образующих объективную сторону состава преступления), предмет подкупа должен оцениваться через призму таких его составляющих, как деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера или иные имущественные права. Такой вывод, в частности, основан на анализе положений, содержащихся в ст. 200.5 УК РФ и имеющей название «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок».

В целях объективной и всесторонней оценки обсуждаемого криминообразующего признака, следует заметить, что изложенное мнение не является единственным в видении правил квалификации рассматриваемых преступлений. Так, исходя из буквального толкования диспозиций п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ и ч. 1 ст. 309 УК РФ, с учетом того, что предмет подкупа в них формально не определен, и отсутствуют положения, ограничивающие его свойства какими-либо признаками, нет оснований его определять только имущественным характером. С учетом этого, предметом подкупа могут быть признаны как выгоды имущественного, так и неимущественного характера. При этом, принципиальным для квалификации содеянного, имеет установление связи между переданным незаконным вознаграждением, независимо от того в чем оно выражено, и действиями специальных субъектов, которым оно предназначается.

Представляется, что очевидным пробелом сравниваемых преступлений, является отсутствие в них квалифицирующих признаков, в основе которых находится размер незаконного вознаграждения (значительный, крупный, особо крупный) и способ посягательства (вымогательство предмета подкупа), в том числе, связанный с действиями преступной группы (группа лиц по предварительному сговору, организованная группа) на объект уголовно-правовой охраны. Не предусмотрена самостоятельная ответственность и за посредничество в подкупе, равно как и за мелкий подкуп. Не закреплены специальные основания освобождения от ответственности за дачу подкупа.

Статьи 184, 200.5 УК РФ хоть и в большей мере разработаны, в частности, в них формально определен предмет незаконного вознаграждения, дифференцированы преступные действия, связанные с дачей, получением и посредничеством в незаконном вознаграждении в ст. 184 УК РФ, с дачей и получением незаконного вознаграждения в ст. 200.5 УК РФ, однако также имеют структурные пробелы.

Статья 184 УК РФ в качестве квалифицирующего признака предусматривает передачу незаконного вознаграждения, совершенную организованной группой (ч. 3 ст. 184 УК РФ). При этом совершению указанного преступления группой лиц по предварительному сговору законодатель не придал квалифицирующего значения, как и размерам незаконного вознаграждения. Действия, связанные с незаконным получением незаконного вознаграждения, вообще не содержат квалифицирующих признаков, в том числе организованную группу (ч.ч. 3,4 ст. 184 УК РФ). Вместе с тем, установлена ответственность за посредничество, совершенное в значительном размере (ч. 5 ст. 184 УК РФ). В условиях, когда обязательным признаком посредничества является размер незаконного вознаграждения, т.е. этому обстоятельству придается значение признака, влияющего на общественную опасность деяния, и вместе с этим, он не учитывается при оценке действий, связанных с дачей и получением незаконного вознаграждения. Возникает логический конфликт, основанный на отсутствии рациональных объяснений того, почему размер предмета преступления в одной и той же статье при описании разных, но взаимосвязанных видов противоправного поведения, не имеет стабильного уголовно-правового значения, в отсутствии особенностей законодательных конструкций указанных деяний, которые могли бы обусловить такое состояние закона.

Аналогичная по смыслу ситуация связана и с оценкой группового способа совершения рассматриваемого преступления, когда организованная группа предусмотрена, как обстоятельство, влекущее более строгое наказание в даче незаконного вознаграждения, но не предусмотрена при его получении, и вообще не упоминается группа лиц по предварительному сговору, несмотря на придаваемое законодателем дифференцирующее значение групповому способу преступного посягательства и использование данно-

го признака, как квалифицированного в других видах незаконного вознаграждения.

Статья 200.5 УК РФ, устанавливающая ответственность за «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок» как и преступления, связанные со взяточничеством, предусматривает крупный и особо крупный размеры подкупа, но при этом по необъяснимым причинам в ней отсутствует значительный размер, как признак, имеющий квалифицирующее значение. Группа лиц по предварительному сговору в отличии от ст. 184 УК РФ введена в структуру статьи, но при этом организованная группа, напротив, не включена в качестве квалифицирующего признака. Еще одно несоответствие состоит в том, что вымогательство как квалифицированный способ получения подкупа в отличии от ст. 184 УК РФ, которая его не упоминает, предусмотрен в конструкции статьи.

В соответствии с пояснительной запиской к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым была введена в Уголовный кодекс РФ ст. 200.5, необходимость криминализации данного вида противоправного поведения была обусловлена тем, что не все действия работников контрактной службы, контрактного управляющего, членов комиссии по осуществлению закупок могут подпадать под взяточничество, поэтому с целью привлечения к уголовной ответственности таких лиц была разработана указанная специальная норма, по сути как альтернатива взяточничеству, применяемая при невозможности привлечь к ответственности упомянутых субъектов по одному из преступлений, связанных с взяточничеством. В этой связи закономерно возникает вопрос о причинах отсутствия криминализации посредничества в рассматриваемом виде подкупа. В отличии от ст. 184 УК РФ, он даже не упомянут в структуре статьи, как вид уголовно-противоправного поведения. Равным образом, как и мелкий подкуп, что одинаково характерно и для ст. 184 УК РФ.

Проведенное автором исследование позволяет сделать вывод о том, что современное российское уголовное законодательство, в отличие от ранее действовавшего дореволюционного и советского, значительно расширило ответственность за различные виды незаконного вознаграждения в зависимости от сферы общественных отношений, в которой совершается посягательство, круга лиц, вовлеченных в преступную деятельность, характера совершаемых действий (бездействий). Мониторинг действующего уголовного законодательства указывает на то, что это связано с оценкой роли различных видов незаконного вознаграждения как особо опасного криминального явления, оказывающего существенное негативное влияние на охраняемые законом общественные отношения.

С учетом совокупности выявленных противоречий и несоответствий, непоследовательного изложения законодательного материала, возникают обоснованные претензии к качеству законотворческой работы по криминализации рассматриваемых составов преступлений. Разрозненность и неупорядоченность правовых норм, несогласованность их содержания, отсутствие общих правил и принципов уголовно-правового регулирования коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, требуют принятия мер, направленных на их унификацию, что в конечном счете будет способствовать их эффективному применению.

В заключении важно заметить, что проявлением бессистемности коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, является отсутствие единообразного подхода в их уголовно-правовом регулировании, в условиях, когда нет объективно существующих обстоятельств, которые могут повлиять на разнохарактерный способ такого регулирования. На это не указывает ни объект, ни содержание проанализированных составов преступлений.

Список литературы

1. *Аванесян В.В.* К вопросу об установлении уголовной ответственности за незаконное вознаграждение // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 3. С. 80-84.
2. *Илий С.К.* Анализ основных тенденций коррупционной преступности в России // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. №.3. С. 531-543.
3. *Михайлов В.И. Эволюция* законодательства об ответственности за взяточничество // Уголовное право. 2016. № 5. С. 46-56.
4. *Никоноров Е.А.* Коррупция в органах внутренних дел как разновидность коррупционной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 179-181.
5. *Сахапов И.Р.* Коррупция. Понятие и формы ее проявления в ОВД // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 1. С. 139-145.
6. *Семыкина О.И.* Криминализация незаконного вознаграждения: возврат к истокам или антикоррупционная новелла? // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 61-70.

References

1. *Avanesyan V.V.* On the issue of establishing criminal liability for illegal remuneration // Proceedings of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015. No. 3. P. 80-84.
2. *Ili S.K.* Analysis of the main trends in corruption crime in Russia // all-Russian journal of criminology. 2016. Vol. 10. No.3. P. 531-543.
3. *Mikhailov V.I.* Evolution of legislation on liability for bribery / / Criminal law. 2016. No. 5. P. 46-56.
4. *Nikonorov E.A.* Corruption in internal Affairs bodies as a type of corruption crime / / Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2016. No. 2. P. 179-181.
5. *Sakhapov I.R.* Corruption. The concept and forms of its manifestation in the police Department / / Bulletin of the Kazan law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2011. No. 1. P. 139-145.
6. *Semykina O.I.* Criminalization of illegal remuneration: a return to the origins or an anti-corruption novel? // Journal of Russian law. 2017. No. 12. P. 61-70.

УДК 342.734; 347.82

Сазин Сергей Тихонович,
кандидат юридических наук, профессор кафедры Государственно-правовых дисциплин,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская Академия Следственного комитета Российской Федерации»,
г. Санкт-Петербург,
szsut.sazin@mail.ru

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ СВЕРХЛЕГКИХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация. *Цель статьи заключается в рассмотрении проблемных аспектов организации государственного контроля и эксплуатации сверхлегких воздушных судов. Автором предложены подходы к их решению с позиции защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. Предметом исследования выступают правовые нормы, регламентирующие организацию государственного контроля и эксплуатации сверхлегких воздушных судов в Российской Федерации. На примере следственной практики рассмотрены существующие проблемы организации и государственного контроля движения и эксплуатации сверхлегких воздушных судов. Предложены пути совершенствования действующих норм, регламентирующих деятельность эксплуатантов и правила полетов с использованием сверхлегкой авиации в целях обеспечения безопасности на воздушном транспорте. Для этого предлагается внести изменения в Постановление Правительства Российской Федерации «О лицензировании деятельности по перевозкам воздушным транспортом пассажиров и перевозкам воздушным транспортом грузов …» от 5 мая 2012 года № 457, в Порядок государственной регистрации сверхлегких гражданских воздушных судов авиации общего назначения, в Федеральные авиационные правила полетов в воздушном пространстве Российской Федерации, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 года №138, а также в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации.*

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации, сверхлегкая авиация, сверхлегкие воздушные суда, федеральные авиационные правила, контроль за безопасностью движения

Sergey T. Sazin,
PhD in law, Professor of the Department of State and legal disciplines, «Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee Russian Federation», Saint Petersburg,
szsut.sazin@mail.ru

THE ORGANIZATION OF STATE CONTROL AND OPERATION OF ULTRALIGHT AIRCRAFT AND THEIR SOLUTIONS IN ORDER TO PROTECT THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN

Abstract. *The purpose of the article is to consider the problematic aspects of the organization of state control and operation of ultralight aircraft and approaches to their solution from the standpoint of protecting the constitutional rights and freedoms of man and citizen are proposed. The subject of the study is the legal norms governing the organization of state control and operation of ultralight aircraft in the Russian Federation. On the example of investigative practice, the existing problems of the organization and state control of the movement and operation of ultralight aircraft are examined. The ways of improving the existing standards governing the activities of operators and the rules of flights using ultralight aviation in order to ensure safety in air transport are proposed. To this end, it is proposed to amend the Decree of the Government of the Russian Federation "On licensing activities for the transport of passengers by air and for the transport of goods by air ..." dated May 5, 2012 No. 457, in the Procedure for State Registration of Ultralight Civil Aircraft of General Aviation, to the Federal Aviation flight rules in the airspace of the Russian Federation, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of March 11, 2010 No. 138, as well as in the Administrative Code administrative offenses of the Russian Federation.*

Keywords: Investigative Committee of the Russian Federation, ultralight aviation, ultralight aircraft, federal aviation regulations, traffic safety control

Понятие сверхлегкой авиации (далее – СЛА) закреплено в п. 88 ст. 7 Федеральных авиационных правил полетов в воздушном пространстве Российской Федерации (далее – ФАП) утвержденных приказом Министерства обороны Российской Федерации и Российского авиационно-космического агентства от 31 марта 2002 года №136/42/51 [9]. Так, к СЛА отнесены летательные аппараты, имеющие максимальную взлетную массу не более 495 кг и минимальную скорость полета менее 65 км/час.

СЛА подразделяются на безмоторные (дельтапланы, парапланы и т.п.) и моторные (дельталеты, мотодельтапланы, мотопарапланы, автожиры, микросамолеты и т.п.). На сегодняшний день различные виды СЛА активно используются в различных целях как физическими лицами, так и организациями.

В связи с этим в следственных управлениях на транспорте Следственного комитета Российской Федерации на постоянной основе проводится работа по повышению эффективности деятельности по выявлению, расследованию и профилактике преступлений в сфере обеспечения безопасности на воздушном транспорте, в том числе связанных с оказанием небезопасных услуг с использованием СЛА.

Это является одной из основных задач специализированных следственных управлений, закрепленных в Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации» от 8 декабря 2010 года №403-ФЗ [5] и в приказе Следственного комитета Российской Федерации «Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации» от 15 января 2011 года №4 [8].

Актуальность этой деятельности и существование проблемных вопросов в области организации государственного контроля и эксплуатации сверхлегких воздушных судов подтверждается статистическими данными. Так, проведенный анализ следственной практики всех специализированных следственных управлений на транспорте на территории Российской Федерации показал, что в течение 2013-2018 годов управлениями было рассмотрено 67 фактов авиационных происшествий с СЛА.

К примеру, в апреле 2018 года в районе д. Кайбалы Алтайского района Республики Хакасия произошло падение в русло реки Абакан в управляемом полете сверхлегкого воздушного судна КР-2 USOVA, в результате чего находившиеся на борту воздушного судна пилот и пассажир погибли; в сентябре 2018 года к гибели пилота привело падение в районе с. Краснотуранск Партизанского района Красноярского края мотодельтаплана «Марлин».

В тот же период произошло авиационное происшествие с дельталетом близ города Чита Забайкальского края. Как было установлено следствием, один из членов зональной региональной общественной организации «Спортивный клуб любителей авиации», выполняющий роль пилота воздушного судна, и пассажир на принадлежавшем ему дельталете, совершили взлет с аэродрома в г. Чите, и спустя непродолжительное время дельталет столкнулся с землей. В результате катастрофы пилот и пассажир скончались на месте происшествия.

В Северо-Западном следственном управлении на транспорте Следственным комитетом Российской Федерации за 5 лет проведена проверка по 8 фактам авиационных происшествий с СЛА.

Например, в 2018 году в следственном управлении было возбуждено 2 уголовных дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) при оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей в ходе осуществления полетов на СЛА.

Одно из них – уголовное дело по факту травмирования в ноябре 2018 года жительницы г. Санкт-Петербурга в процессе тренировочного полета на параплане, который под воздействием порыва ветра столкнулся в воздухе с пришоссейной высоковольтной линией электропередачи вблизи поселка Углово Всеволожского района Ленинградской области, в результате чего потерпевшая получила электротравму и ожоги верхних конечностей.

Данный полет был организован членами неофициального парапланерного клуба «СпортАвиаСервис», не имеющего организационно-правовой формы, которые за денежное вознаграждение осуществляли учебную и практическую подготовку, предоставляли летное оборудование, а также обеспечивали непосредственное совершение полетов.

При этом в день происшествия организаторы клуба допустили не прошедшего обучения потребителя к самостоятельному полету на параплане при наличии неблагоприятных погодных условий (сильный порывистый ветер), оставив ее без наблюдения и радиосвязи с инструктором на земле, который ранее обычно координировал ее действия в процессе управления парапланом.

Находясь в полете, потерпевшая, не имеющая достаточных навыков маневрирования парапланом

в плохих погодных условиях, не получая команд от инструктора, не смогла удержать курс параплана под порывом ветра.

При таких обстоятельствах она была поставлена в ситуацию, которая не только привела к последствиям в виде причинения ей телесных повреждений, но и создала реальную опасность для ее жизни.

В ходе расследования уголовного дела было установлено, что парапланерный клуб «СпортАвиаСервис», предоставляя свои услуги на возмездной основе неограниченному кругу лиц, не имеет какой-либо организационно-правовой формы, не зарегистрирован в налоговом органе, не обладает лицензионно-разрешительными документами, а также избегает заключения официальных договоров с потребителями. В связи с отсутствием требований об обязательной регистрации используемых летательных аппаратов действия членов клуба государственными органами не контролируются.

Вместе с тем услуги парапланерного клуба, сведения о котором распространяются посредством информационного сайта и социальных сетей в Интернете, имеют массовый характер, а в совершение полетов вовлечено множество людей независимо от возраста (например, в день происшествия участие в организованных клубом полетах принимало не менее 20 человек).

Кроме этого, в сентябре 2018 года по ч. 1 ст. 238 УК РФ было возбуждено уголовное дело в отношении индивидуального предпринимателя, который на территории Архангельской области, без заключения договора, оказал платную услугу с использованием сверхлегкого пилотируемого воздушного судна по осуществлению прогулочной перевозки малолетнего пассажира, без получения соответствующего разрешения, в отсутствие двусторонней радиосвязи с органом, осуществляющим организацию воздушного движения, а также с нарушением ограничений по минимальной высоте полета над населенными пунктами и строениями, что не отвечало требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

В 2019 году на территории Северо-Западного транспортного региона также произошло авиационное происшествие с участием сверхлегкого летательного аппарата.

В марте 2019 года в Вологодской области на озере Кубенское потерпел крушение легкомоторный летательный аппарат «Птенец-3» под управлением его владельца, который в результате этого погиб. Основными версиями причины аварии являются техническая неисправность воздушного судна, на которое отсутствовал сертификат летной годности, а также ошибка пилотирования и плохие погодные условия. По данному факту в следственном управлении возбуждено и расследуется уголовное дело по ч. 2 ст. 263 УК РФ (нарушение правил движения и эксплуатации воздушного транспорта лицом, в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязанным соблюдать эти правила, повлекшее по неосторожности смерть человека).

Летно-техническими экспертизами, проводимыми по данной категории уголовных дел, установлено, что непосредственными причинами авиационных катастроф являются неправильные, неграмотные действия (отсутствие или недостаточность практических навыков пилотирования в особых случаях полета) пилотов, не предотвративших развитие опасной ситуации и, как следствие, потеря поперечной устойчивости СЛА при возможных сопутствующих факторах: попадание СЛА в опасные метеорологические явления (зону турбулентности); разрушение конструкции (сборка, облет и технический осмотр воздушного судна производилось неквалифицированным персоналом в лице самого пилота и пассажира); нестабильная работа двигателя.

Кроме того, в процессе исследования, экспертами выявлялись нарушения ряда нормативных актов, ведомственных актов по эксплуатации и обслуживанию СЛА.

При этом проведение доследственных проверок согласно ст. 144, 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3] (далее – УПК РФ) по фактам происшествий с СЛА и расследование подобных уголовных дел показали несовершенство действующего в настоящее время законодательства в части системы государственного контроля за безопасностью движения и эксплуатации сверхлегких воздушных судов и необходимость внесения изменений в нормативно-правовые документы, регламентирующие правила полетов на СЛА.

Необходимо отметить, что в соответствии с положениями Воздушного кодекса Российской Федерации [2] (далее – ВК РФ) полет любого гражданского воздушного судна может быть осуществлен лишь при соблюдении определенных условий, при которых граждане и юридические лица, желающие осуществить полет, являются, в соответствии с ч. 2 ст. 11 ВК РФ, пользователями воздушного пространства, т.е. наделенными в установленном порядке правом на осуществление деятельности по использованию воздушного пространства.

Исследование действующих нормативных актов в данной сфере показывает, что в настоящее время в Российской Федерации существенно упрощены процедуры государственной регистрации воздушных судов, получения разрешений на право выполнения авиационных работ, а также правила использования воздушного пространства и правила полетов, которые позволяют эксплуатантам воздушных судов осуществлять самостоятельные полеты, без разре-

шения органов обслуживания воздушного движения, что наглядно отражено на примере уголовного дела, возбужденного в связи с незаконной организацией полета членами неофициального парапланерного клуба «СпортАвиаСервис».

К числу упрощения процедур следует отнести, в первую очередь, отсутствие правовых предписаний о постановке на государственный учет сверхлегких воздушных судов (в том числе парапланы, паралёты и др.) массой конструкции менее 115 кг, а также полное отсутствие законодательных норм, определяющих порядок осуществления контроля за безопасностью движения и эксплуатации указанных объектов воздушного транспорта, в том числе при оказании услуг гражданам.

Материалами уголовных дел подтверждается, что в настоящее время СЛА (в том числе парапланы, паралёты и др.) массой конструкции менее 115 кг не подлежат учету и контролю ни в одном из контролирующих органов, которые осуществляют функции по контролю (надзору) в сфере воздушного транспорта (Росавиация, Ространснадзор, Гостехнадзор, Ростехнадзор, ФГУП «Государственная корпорация по организации воздушного движения в Российской Федерации»).

Кроме этого, указанные воздушные суда не входят в сферу деятельности поддержания летной годности, сертификат летной годности на данные воздушные суда не выдается.

Пилотам, которые выполняют полеты на СЛА, пилотское свидетельство не выдается в соответствии с требованиями ФАП.

Изложенная ситуация приводит к тому, что сверхлегкая авиация массой конструкции менее 115 кг, в том числе эксплуатируемая при оказании услуг гражданам, остается вне предмета внимания со стороны контролирующих органов, поскольку в их обязанности осуществление надзора за ними просто не входит, и регулярному контролю их владельцы не подвергаются.

По сути, в этих случаях контроль за обеспечением безопасности при движении и эксплуатации СЛА, поддержанием их летной годности, отнесен только лишь к ведению самих же эксплуатантов или владельцев объектов воздушного транспорта, которые, преследуя основную цель своей деятельности в виде извлечения коммерческой прибыли, зачастую данной обязанностью пренебрегают.

Приведенные примеры уголовных дел говорят о том, что деятельность эксплуатантов СЛА требует тщательного и усиленного контроля со стороны уполномоченных государственных органов.

Согласно нормативных требований для осуществления полетов на параплане необходимо лишь уведомить зональный центр Единой системы организации воздушного движения путем подачи плана полета.

В свою очередь обеспечение уведомительного порядка использования воздушного пространства (получение и обработка планов полета) возложено на органы обслуживания воздушного движения, являющиеся структурными подразделениями ФГУП «Государственная корпорация по организации воздушного движения в Российской Федерации», находящегося в ведении Федерального агентства воздушного транспорта.

На примере уголовного дела по факту оказания услуг ненадлежащего качества жительнице г. Санкт-Петербурга работниками парапланерного клуба «СпортАвиаСервис» достоверно было установлено, что руководство клуба уведомило об использовании воздушного пространства Государственную корпорацию по организации воздушного движения в Российской Федерации.

Вместе с тем, как следует из действующих сегодня норм, а также показаний должностных лиц указанного предприятия, в дальнейшем при осуществлении полетов получение разрешения диспетчера на их выполнение, не требуется.

Как следствие, получая план-уведомление, никакая из организаций не обладает какими-либо надзорными полномочиями в сфере контроля за безопасностью движения сверхлегкой авиации (парапланов) и соблюдением пилотами названных воздушных судов ограничений использования заявленного воздушного пространства (в том числе при неблагоприятных погодных условиях, вблизи объектов повышенной опасности).

Наличие указанных чрезмерно упрощенных правил использования воздушного пространства и эксплуатации СЛА выступает одним из ключевых факторов при рекламировании полетов на парапланах. Только путем просмотра любой поисковой системы сайта Интернет, набрав в строку состояния текст: «полеты на парапланах», выдается множество ссылок на различные сайты, предоставляющие подобные услуги.

С учетом стремительного развития парапланеризма и полетов на других видах СЛА, а также активного присутствия подобной деятельности на рынке оказания услуг в сфере развлекательных полетов следует полагать, действующие сегодня правила следует пересмотреть и актуализировать в соответствии с современными условиями.

На сегодняшний день порядок государственной регистрации сверхлегких гражданских воздушных судов авиации общего назначения, утвержденный приказом Минтранса России от 18 ноября 2011 года № 287 [10], не претерпевал изменений или дополнений уже на протяжении более 8 лет.

Таким образом, ввиду особой актуальности обозначенных направлений работы, следует незамедлительно внести необходимые поправки в действующее авиационное законодательство Россий-

ской Федерации, позволяющие организовать и обеспечить должный государственный контроль за деятельностью эксплуатантов легкой и сверхлегкой авиации независимо от их категории и принадлежности, а также класса используемого воздушного пространства, в том числе:

- в Порядок государственной регистрации сверхлегких гражданских воздушных судов авиации общего назначения, утвержденный приказом Минтранса России от 18 ноября 2011 года №287 [10], включить сверхлегкие воздушные суда с массой конструкции 115 кг и менее в число объектов воздушного транспорта, подлежащих обязательной государственной регистрации, а также установив конкретные сроки подачи документов для государственной регистрации воздушного судна (например, с момента приобретения или постройки), которые в настоящее время не регламентированы;

- в ФАП, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 года №138 [6], внести изменения, установив для пилотов СЛА только разрешительный порядок использования воздушного пространства, а также обязательство иметь постоянную двухстороннюю связь с органом обслуживания воздушного движения при оказании услуг потребителям.

Исходя из положений Постановления Правительства РФ «О лицензировании деятельности по перевозкам воздушным транспортом пассажиров и перевозкам воздушным транспортом грузов (за исключением случая, если указанная деятельность осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя)» от 5 мая 2012 года № 457 [7], лицензируется только перевозка пассажиров на воздушном транспорте, которая осуществляется на возмездной основе и связана с перемещением в пространстве.

Вместе с тем, представляется целесообразным осуществление лицензирования не только процесса перевозки пассажиров, но и любого перемещения пассажиров на воздушном судне, связанного с полетом.

Кроме этого, требуется внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [4] по вопросу усиления ответственности собственников и эксплуатантов воздушных судов за нарушения в сфере безопасности на воздушном транспорте, увеличения размеров штрафов, введения конфискации воздушных судов, являющихся орудием или предметом совершения административного правонарушения.

Список литературы

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.04.2019).
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2019).
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.04.2019).
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.04.2019).
5. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О Следственном комитете Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2019).
6. Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 11.03.2010 №138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.05.2019).
7. Постановление Правительства РФ от 05.05.2012 №457 «О лицензировании деятельности по перевозкам воздушным транспортом пассажиров и перевозкам воздушным транспортом грузов (за исключением случая, если указанная деятельность осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.05.2019).
8. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 №4 «Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.05.2019).
9. Федеральные авиационные правила полетов в воздушном пространстве Российской Федерации, утвержденные приказом Министерства обороны Российской Федерации и Российского авиационно-космического агентства от 31.03.2002 №136/42/51. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2019).
10. Порядок государственной регистрации сверхлёгких гражданских воздушных судов авиации общего назначения, утвержденный приказом Минтранса Российской Федерации от 18.11.2011 №287. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2019).

References

1. "The Criminal Code of the Russian Federation" of June 13, 1996 No. 63-FZ. Access from the consultant legal system "Consultant Plus" (accessed: 04/16/2019).
2. The Air Code of the Russian Federation of March 19, 1997 No. 60-FZ. Access from the consultant legal system "Consultant Plus" (access date: 05/03/2019).
3. "The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" of December 18, 2001 No. 174-FZ. Access from the consultant legal system "Consultant Plus" (accessed: 04/16/2019).
4. Federal Law of December 28, 2010 No. 403-FZ (as amended on July 29, 2017) "On the Investigative Committee of the Russian Federation. Access from the consultant legal system "Consultant Plus" (accessed: 04/11/2019).
5. "The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" of December 30, 2001 No. 195-Ф3. Access from the consultant legal system "Consultant Plus" (accessed: 04/13/2019).
6. Federal rules for the use of airspace of the Russian Federation, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of March 11, 2010 No. 138. Access from the consultant-legal system "Consultant Plus" (accessed date: 05/05/2019).
7. Decree of the Government of the Russian Federation of May 5, 2012 No. 457 "On licensing activities for the carriage of passengers by air and for the transport of goods by air (unless the specified activity is carried out to meet the personal needs of a legal entity or individual entrepreneur)". Access from the consultant legal system "Consultant Plus" (accessed date: 05/12/2019).
8. Order of the Investigative Committee of the Russian Federation of January 15, 2011 No. 4 "On establishing the jurisdiction of specialized investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation". Access from the consultant legal system "Consultant Plus" (accessed date: 05/02/2019).
9. The Federal Aviation Rules for Flights in the Airspace of the Russian Federation, approved by order of the Ministry of Defense of the Russian Federation and the Russian Aerospace Agency of March 31, 2002 No. 136/42/51. Access from the consultant legal system "Consultant Plus" (accessed: 05/01/2019).
10. The procedure for state registration of ultralight civil aircraft of general aviation, approved by order of the Ministry of Transport of the Russian Federation of November 18, 2011 No. 287. Access from the consultant legal system "Consultant Plus" (accessed: 04/29/2019).

УДК 341

Сероштан Александр Викторович,
старший офицер, Министерство обороны РФ, г. Москва,
alexandrseroshtan2017@gmail.com

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ НАХОЖДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ РФ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. *В данной статье автором сделан обзор по нахождению различных воинских формирований Российской Федерации на территории иностранных государств. Обозначены основные нормативные и законодательные акты, которые заключены в данном случае в соответствии с международным законодательством. Приведены условия и основания по размещению и функционированию воинских формирований или военных баз на территории иных государств.*

Ключевые слова: воинские формирования, иностранные военные базы, воинский контингент, межгосударственный договор, межгосударственное соглашение, государственная граница

Alexander V. Seroshtan,
Senior Officer, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow,
alexandrseroshtan2017@gmail.com

TO SOME QUESTIONS OF FINDING VARIOUS MILITARY FORMATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE TERRITORY OF FOREIGN STATES

Annotation. *In this article, the author made a review on the location of various military formations of the Russian Federation on the territory of foreign states. The main regulatory and legislative acts that are concluded in this case in accordance with international law are indicated. The conditions and grounds for the deployment and operation of military units or military bases on the territory of other states are given.*

Keywords: military units, foreign military bases, military contingent, interstate agreement, interstate agreement, state border

Основным юридическим обоснованием для размещения и дальнейшей деятельности воинских формирований или военной базы на территории иного государства может быть только международный договор. С этой точки зрения рассмотрим современные примеры нахождения военных баз РФ на территории иностранных государств.

Отметим также, что в данном направлении развития международных соглашений еще не совсем устоялась понятийная база. Так, понятие «военная база» или «воинские формирования», в разных соглашениях прописываются по-своему. По сути, каждый международный документ, заключенный Российской Федерацией по вопросам нахождения воинских формирований, предлагает свой вариант вышеназванного понятия с наличием определенных лексических нюансов.

К примеру, в Соглашении между Россией и Абхазией приводится понятие «объединенная российская военная база» [7]. Соглашение между РФ и Республикой Таджикистан говорит о «российской военной базе» [9]. Договор между Россией и Арменией содержит в тексте такое понятие, как «воинские формирования Вооруженных Сил РФ» [2], в Соглашении с Молдавией – «воинские формирования Российской Федерации» [8].

Значительная часть российских военных баз за рубежом находится в бывших республиках СССР. Среди государств, где находятся действующие воинские контингенты, которые располагаются там на основании заключенных межправительственных договоров о военном сотрудничестве, такие страны, как Армения и Белоруссия, Казахстан и Киргизия, Молдавия (Приднестровье) и Таджикистан, а также Абхазия, Южная Осетия и недавно созданные военные базы в Сирии.

В частности, в Республике Беларусь (далее РБ) находится не имеющая аналогов в мире радиолокационная станция Волга, которая применяется для дальнего обнаружения пуска баллистических ракет и 43-й узел связи ВМФ России (Вилейка). Все имущество, а также земля, на которой размещаются данные военные объекты, принадлежат государству Белоруссия. Россия приняла от Белоруссии данное имущество во временное использование, оплата за них не производится.

Следующий российский военный объект на территории Белоруссии – опергруппа погранслужбы ФСБ при Госпограничном комитете Белоруссии. Данный объект находится там с юридической точки зрения на основании Договора о совместных усилиях по охране государственной границы Белоруссии [3].

Все названные военные контингенты тем не менее не являются полноценными военными базами, поскольку их численность не большая, а направление деятельности производится с учетом совместных военных доктрин. Но все же их можно рассматривать, как военизированные контингенты РФ, которые расположены на территории другого государства.

Рассмотрим каким образом еще решаются вопросы в военном направлении между РФ и РБ. Создана региональная группировка войск (далее РГВ), в которую входят военнослужащие, как РФ, так и Белоруссии. Данное взаимодействие регулируется подписанным Соглашением между РБ и РФ о совместном использовании объектов военной инфраструктуры РБ и РФ в интересах обеспечения безопасности государств, которое вступило в действие с 14 января 2000 года.

Существует также между РФ и Белоруссией военная группа, которая носит название единая региональная система противовоздушной обороны (далее ЕРС ПВО). Данная структура охраняет границы воздушного пространства обеих государств. Состав этой структуры включает в себя: военно-воздушные силы (далее ВВС), а также военные формирования ПВО Вооруженных Сил РБ, ПВО двух объединений ВВС и частично определенные формирования Балтийского флота Вооруженных сил РФ.

Производится охрана государственной границы Белоруссии усилиями, как белорусских пограничников, так и российскими военными подразделениями, которые действуют совместно в рамках межгосударственных договоров.

Основания нахождения воинских формирований РФ на территории Белоруссии закреплены более чем 30-ю договорами и соглашениями, которые были заключены между государствами Беларусь и Российской Федерацией. Кроме того, Беларусь находится в составе *Организации Договора о коллективной безопасности* (далее ОДКБ), а ее Вооруженные силы – в составе РГВ и ЕРС ПВО.

Кроме того, Беларусь и Россия осуществляют совместную охрану белорусской границы с Латвией, Литвой, Польшей и Украиной. РФ выделяет средства на оснащение госграницы Белоруссии и обеспечивает ее пограничные части в материальном плане.

Но размещать полноценную военную базу РФ на своей территории Белоруссия пока отказывается. С точки зрения Министерства иностранных дел Белоруссии размещение военно-воздушной базы перестает быть актуальным из-за «развития современных технологий». Кроме того, Белоруссия сомневается в том, что размещение такого рода военных объектов способствовало бы укреплению стабильности, безопасности в регионе.

Вполне очевидно, что, если рассматривать текущую ситуацию, то юридических оснований для размещения российской военно-воздушной базы пока не существует. Ведь с учетом ныне работающего Соглашения о ЕРС ПВО, военные воздушные судна РФ имеют право пересекать государственную границу Беларуси лишь, когда производятся военные учения и то, на определенное время, в том числе могут размещаться и воинские группы ЕРС ПВО.

Следует отметить, что в теории юриспруденции обозначается, как важный фактор в содержании нормативно-правового акта (далее НПА) – это его цель или задачи. Данные нюансы обычно излагаются в преамбуле документа [12, С.205]. Здесь в виде примера уместно будет привести нормативный акт, который был принят совсем недавно – Соглашение между РФ и Сирией [10]. В документе указано сразу несколько задач, которые идут в содержании преамбулы, одна из которых звучит, как необходимость консолидации усилий по противодействию террористическим угрозам, что, учитывая последние мировые тенденции, звучит очень актуально.

В дальнейшем, по мнению военных экспертов, Россия «останется» в Сирии навсегда, используя базы в Хмеймиме и Тартусе для контроля ближневосточного и средиземноморского регионов [11].

Как показывает практика, основанием для заключения соглашения о расположении военной базы на территории иного государства могут быть военные противостояния. В этом плане можно вспомнить Соглашение между Россией и Республикой Абхазией [7]. Это соглашение было принято после грузинской агрессии по отношению к абхазскому народу. В преамбуле данного международного документа приводится несколько задач, в их числе: защита независимости абхазского народа, установление безопасности в стране. К тому же, воинские формирования РФ на территорию Абхазии были приглашены народом страны, о чем также есть упоминание в преамбуле данного соглашения.

Рассмотрим нахождение российского контингента в Республике Молдова (Приднестровье). В правовом отношении данная операция основана на двустороннем межгосударственном соглашении [8], и является легитимным вмешательством Российской Федерации в дела Республики Молдова по просьбе ее законно избранного политического руководства. Следует отметить тот факт, что Молдова не имеет общей границы с Россией.

На территории Армении находится 102-я российская военная база, которая является гарантом ста-

бильности в Кавказском регионе. Созданы и функционируют Объединенная группировка войск и Объединенная региональная система ПВО России и Армении. Организовано тесное взаимодействие генеральных штабов, осуществляется совместное планирование.

Российская военная база дислоцируется в Армении согласно межгосударственному договору от 1995 года [2]. В 2010 году в документ были внесены изменения, в соответствии с которыми срок пребывания российской военной базы с первоначальных 25 лет продлен до 49 лет, то есть до 2044 года. Подготовлен проект плана двустороннего военного сотрудничества на 2020 год, включающий более 60 совместных мероприятий. Россия и Армения успешно сотрудничают не только в двустороннем формате, но и в рамках международных структур, в первую очередь ОДКБ. В 2019 году воинские контингенты совместно решали учебно-боевые задачи в ходе оперативно-стратегического учения ОДКБ «Боевое братство – 2019», которое проводилось на территории России, Белоруссии и Таджикистана.

Система охраны государственной границы Армении с Турцией (протяженность 280 км) и Ираном (протяженность 42 км) в основном сохранилась со времен СССР. Основой для пребывания здесь российских пограничников является межгосударственный договор о статусе пограничных войск России на территории республики, заключенный в Ереване 30 сентября 1992 года [2]. Статья 2 этого Договора гласит, что Республика Армения делегирует вопросы охраны государственной границы с Турцией и Ираном в пределах своей территории Пограничным войскам Российской Федерации. Согласно статье 7, Пограничные войска Российской Федерации используют в охране границы силы и средства авиационных частей, базирующихся как на территории Республики Армения, так и за ее пределами, как с базовых аэродромов, так и с аэродромов (площадок) временного базирования.

В то же время в преамбуле указывается, что Россия и Армения действовали, исходя из новых политических реальностей в мире и в Закавказском регионе, в силу обретения Российской Федерацией и Республикой Армения государственной самостоятельности, руководствуясь необходимостью обеспечения коллективной безопасности государств-участников Содружества Независимых Государств.

Периодически государства, используя Венский документ 2011 года [1], проводят проверки военных баз и территорий. В частности, в июле 2019 года британские инспекторы приехали на российскую военную базу в Таджикистане, крупнейшую из подобных объектов Вооруженных сил РФ, в рамках Венского документа. Цель инспекции – определить наличие или отсутствие военной деятельности. В районе, где проводилась инспекция, дислоцируется 201-я военная база Вооруженных сил РФ. В ходе работы инспекторы посетили учебные районы и полигоны. Кроме того, командование 201-й базы провело для них брифинг.

Поводя итоги рассматриваемого вопроса, хотим отметить, что статус военных формирований и военных баз Российской Федерации на территории иностранных государств – это многокомплексное юридическое явление, которое еще подлежит более тщательному изучению, поскольку оно находится в стадии правового формирования. Следует еще раз акцентировать внимание на том, что главным и фундаментальным документом в регулировании этого вопроса выступает международный договор. В научной статье автором была произведена попытка анализа основных нормативно-правовых актов и законодательных источников, регулирующих изучаемый вопрос.

Список литературы

1. Венский документ 2011 года «О мерах укрепления доверия и безопасности», 30.11.2011 г., FSC.DOC/1/11 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. Режим доступа: https://www.osce.org/ru/fsc/86600?download=true (дата доступа: 25.01.2020 г.).
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения от 16.03.1995 г. (ред. от 20.08.2010 г.) // Собрание законодательства РФ. 2005. №17.
3. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о совместных усилиях в охране Государственной границы Республики Белорусь (г. Минск, 21.02.1995) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: http://base.garant.ru/1119274/ (дата обращения: 25.01.2020).
4. Постановление Правительства РФ от 07.08.1995 г. №798 «О Мероприятиях по реализации документов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе «Венский документ 1994 года переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности», «Глобальный обмен военной информацией», «Кодекс поведения, касающийся военно-политических аспектов безопасности» и «Решение о принципах, регулирующих нераспространение» (ред. от 05.10.1998) // Собрание законодательства РФ. 1995. №33. Ст.3395.
5. Постановление Правительства РФ от 04.06.2012 г. №545 «О реализации документа Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе «Венский документ 2011 года о мерах укрепления доверия и безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2012. №24. Ст.3182.
6. Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о совместном использовании объектов военной инфраструктуры Республики Беларусь и Российской Федерации в интересах обеспечения безопасности государств от 16.10.1998 г. // Собрание законодательства РФ. 2007. №4. Ст.470.

7. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об объединенной российской военной базе на территории Республики Абхазия (Вместе с «Перечнем мест дислокации...») (Заключено в г. Москве 17.02.2010 г.) // Бюллетень международных договоров. 2010. №8. С.60-73.
8. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Молдова по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации на территории Республики Молдова (Заключено в г. Москве 21.10.1994 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=400#07130905787055162 (дата доступа: 25.01.2020 г.).
9. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан // Собрание законодательства РФ. 2014. №14. Ст.1563.
10. Федеральный закон «О ратификации Протокола к Соглашению между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики» от 26.07.2017 г. №181-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. №31 (Ч. I). Ст.4730.
11. *Медведева Т.* Игорь Коротченко: «Наши военные базы останутся в Сирии навсегда» [Электронный ресурс] // Газета «Культура». Режим доступа: https://portal-kultura.ru/articles/armiya/291919-igor-korotchenko-nashi-voennye-bazy-ostanutsya-v-sirii-navsegda/?print=Y&CODE=291919-igor-korotchenko-nashi-voennye-bazy-ostanutsya-v-sirii-navsegda (дата обращения: 25.01.2020).
12. Юридическая техника: учеб. пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. 320 с.

References

1. Vienna Document 2011 "On Measures for Building Confidence and Security", 11/30/2011, FSC.DOC / 1/11 [Electronic resource] // Official website of the OSCE. Access mode: https://www.osce.org/en/fsc/86600?download=true (access date: 01/25/2020).
2. The agreement between the Russian Federation and the Republic of Armenia on the Russian military base on the territory of the Republic of Armenia dated March 16, 1995 (as amended on August 20, 2010) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2005. No. 17.
3. The agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus on joint efforts to protect the state border of the Republic of Belarus (Minsk, 02.21.1995) [Electronic resource] // ATP "Garant". – Access mode: http://base.garant.ru/1119274/ (accessed: 01.25.2020).
4. Decree of the Government of the Russian Federation of 07.08.1995 No. 798 "On Measures for the Implementation of Documents of the Organization for Security and Cooperation in Europe" Vienna Document of 1994 Negotiations on Measures for Building Confidence and Security "," Global Exchange of Military Information "," Code of Conduct relating to the military-political aspects of security "and" Decision on the principles governing non-proliferation "(as amended on 10/05/1998) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. St.3395.
5. Decree of the Government of the Russian Federation of 06.04.2012 No. 545 "On the implementation of the document of the Organization for Security and Cooperation in Europe" Vienna Document 2011 on Measures for Building Confidence and Security "// Collection of legislation of the Russian Federation. 2012. No.24. Article 3182.
6. Agreement between the Republic of Belarus and the Russian Federation on the joint use of military infrastructure of the Republic of Belarus and the Russian Federation in the interests of ensuring the security of states dated 10.16.1998 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2007. No4. St. 470.
7. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Abkhazia on a unified Russian military base on the territory of the Republic of Abkhazia (Together with the «List of locations ...») (Concluded in Moscow February 17, 2010) // Bulletin of international treaties. 2010. No8. S.60-73.
8. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Moldova on issues of jurisdiction and mutual legal assistance in cases related to the temporary stay of military units of the Russian Federation on the territory of the Republic of Moldova (Concluded in Moscow on October 21, 1994) [Electronic resource] // ATP «Consultant Plus». Access mode: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=400#07130905787055162 (access date: 01.25.2020).
9. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan on the status and conditions of stay of the Russian military base on the territory of the Republic of Tajikistan // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 14. St. 1563.
10. Federal Law "On Ratification of the Protocol to the Agreement between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic on the deployment of an aviation group of the Armed Forces of the Russian Federation in the territory of the Syrian Arab Republic" dated July 26, 2017 No. 181-ФЗ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (Part I). St. 4730.

11. *Medvedev T.* Igor Korotchenko: "Our military bases will remain in Syria forever" [Electronic resource] // Newspaper «Culture». Access Mode: https://portal-kultura.ru/articles/armiya/291919-igor-korotchenko-nashi-voennye-bazy-ostanutsya-v-sirii-navsegda/?print=Y&CODE=291919-igor-korotchenko-nashi- voennye-bazy-ostanutsya-v-sirii-navsegda (accessed: 01.25.2020).
12. Legal technology: textbook. allowance / N.A. Vlasenko, A.I. Abramova, G.T. Chernobel [et al.]; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M.: JUSTICE, 2016. 320 s.

УДК 347.13

Ткачёв Валентин Николаевич,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник образования города Москвы, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва,
valentin_t71@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ КОНКУРСНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СДЕЛКИ ДОЛЖНИКА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые вопросы столкновения интересов должника и его кредиторов с интересами контрагентов по сделкам, раскрываются проблемы возврата банкроту имущества от контрагента, анализируются проблемы опровержения сделки с добросовестным контрагентом.*
Ключевые слова: конкурсное право, несостоятельность, банкротство, конкурсное производство, конкурсно-правовые последствия оспаривания сделок, контрагент по оспоренной сделке

Valentin N. Tkachev,
doctor of law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, honorary worker of education of the city of Moscow, Professor, Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
valentin_t71@mail.ru

CONSEQUENCES OF INVALIDATING THE TRANSACTION OF THE DEBTOR IN RESPECT OF WHICH THE PROCEEDINGS IN THE INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

Abstract. *The article discusses the issues of conflict of interests of the debtor, its creditors with the interests of counterparties for deals return to the bankrupt estate from the counterparty to the problem of refutation of a transaction with a bona fide company.*
Keywords: bankruptcy law, insolvency, bankruptcy, receivership, bankruptcy-legal implications of challenging the transaction, the counterparty to the contested transaction

Теоретические и практические проблемы, связанные с признанием недействительными сделок должника, в отношении которого осуществляется производство по делу о несостоятельности (банкротстве) [2, 3, 4, 7, 9, 12] вызывают стойкий интерес у правоведов.

Автором в статье будут рассмотрены конкурсно-правовые последствия признания сделки недействительной, т.е. такие последствия, которые наступают вследствие признания недействительной сделки должника, в отношении которого возбуждено и осуществляется производство по делу о несостоятельности (банкротстве).

Отметим, что серьезным недостатком юридической техники законодательства на сегодняшний день является обозначение одним термином различных правовых явлений.

1. Под контрагентом понимается субъект договорных отношений с должником, еще не имеющий конкурсных оснований заявить свои требования; под кредитором – соответственно субъект, имеющий такие основания.

2. Под имущественной массой понимаются активы должника, имевшиеся у него на дату открытия конкурсного производства, под конкурсной массой – активы, готовые к распределению.

Конкурсные последствия оспаривания сделок состоят в том, что контрагент должен вернуть в имущественную массу должника все полученное от него по сделке, а должник также обязан вернуть кредитору полученное от него. Мы можем наблюдать в данном случае трансформацию реституции: кредитор получает возвращаемое должником не сразу и не полностью, а в рамках конкурсного производства и, скорее

всего, частично при наличии высокой вероятности не получить ничего. Правоведы указывают, что «на практике это означает, что кредитору по сделке, признанной недействительной, рассчитывать на многое не приходится, учитывая сложную финансово-экономическую ситуацию, в которой находится должник » [5].

Очевидно, что признание сделок недействительными выгодно, во-первых, самому должнику, во-вторых, его кредиторам, а контрагентам, напротив, совершенно невыгодно. Опровержение сделки влечет для контрагента существенные негативные последствия, и он оказывается крайне незащищенным, даже будучи добросовестным.

В научной литературе справедливо отмечается, что проблемы возникают вследствие столкновения двух противоположных интересов. Так автор Тарнопольская С.В., говоря об оспаривании сделок кредитных организаций, указывает, что «с одной стороны, это реестровые кредиторы, которые благодаря оспариванию таких сделок получают шанс на пополнение конкурсной массы банка-банкрота, с другой стороны, те участники гражданского оборота, чьи денежные средства и иные активы заблаговременно покинули «тонущий » банк и которые рискуют по результатам оспаривания пополнить ряды реестровых кредиторов. Упрощение порядка оспаривания сделок предбанкротного периода, исключительно выгодное для первых и неизбежно усложняет положение вторых» [13].

Контрагент по сделке, признанной недействительной, обязан вернуть в конкурсную массу все, что было передано как самим должником, так и иным лицом за счет должника или в счет исполнения обязательств перед должником.

В случае возврата в конкурсную массу полученного по недействительной сделке имущества контрагент приобретает право требования к должнику, которое подлежит удовлетворению в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве). Данное требование кредитору необходимо предъявить в течение 2 месяцев со дня вступления в законную силу судебного акта, которым сделка была признана недействительной. При предъявлении требования после истечения этого срока требование считается заявленным после закрытия реестра требований кредиторов и удовлетворяется за счет оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, имущества должника (абз. 3 п. 1 и п. 4 ст. 142 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 27 декабря 2019)[1] (далее – Закон о банкротстве), абз. 2 п. 27 Постановления № 63, см. например, постановления АС Западно-Сибирского округа от 1 апреля 2019 г. № Ф04-2778 /18, Четырнадцатого ААС от 17 мая 2019 г. № 14АП – 2606 /19, Девятого ААС от 15 февраля 2019 г.№ 09АП – 1008 /19).

Если имущество, являвшееся предметом сделки, у контрагента не сохранилось, он обязан возместить действительную стоимость этого имущества на момент его приобретения.

Однако правоприменение обозначенных позиций имеет некоторые особенности. Стоимость имущества могла измениться, причем в любую сторону. В пункте 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве упоминается об обязанности контрагента возместить убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества, в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ (далее – ГК) о кондикционных обязательствах. Согласно п. 1 ст. 1105 ГК в случае невозможности возвратить в натуре неосновательно полученное или сбереженное имущество приобретатель должен возместить потерпевшему действительную стоимость этого имущества на момент его приобретения, а также убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества, если приобретатель не возместил его стоимость немедленно после того, как узнал о неосновательности обогащения.

Таким образом, возмещение убытков рассматривается как некая дополнительная санкция за отсутствие немедленного исполнения со стороны контрагента.

Так, конкурсный управляющий ЗАО «Кулон-2» просил признать недействительным договор купли-продажи объекта недвижимого имущества от 24 ноября 2010 года, заключенный между ЗАО «Кулон-2» и Резниковым В.Э. и применить последствия недействительности сделки путем взыскания с Резникова В.Э. в пользу должника денежных средств в размере 4482000 руб.

24 ноября 2010 года ЗАО «Кулон -2» и Резников В.Э. заключили договор купли -продажи объектов недвижимого имущества, в соответствии с которым ЗАО «Кулон-2» передало в собственность Резникову В.Э., а Резников В.Э. оплатил следующие объекты недвижимости: земельный участок и здание. Согласно пункту 2 договора стоимость передаваемых объектов недвижимости составила 9988000 руб.

Согласно экспертному заключению стоимость спорного имущества на момент совершения сделки составляет 14470000 руб.

Имущество приобретено Резниковым В.Э. за 9988000 руб., при этом через год после совершения оспариваемой сделки это же имущество реализовано Резниковым В.Э. ООО «Джусто» за 16640000 руб.

Проведенной экспертизой об определении стоимости имущества на момент совершения сделки

[1] СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; Российская газета. 31 дек. 2019. № 296.

подтверждена неравноценность встречного обеспечения по сделке.

Суды обоснованно пришли к выводу о том, что оспариваемая сделка совершена при неравноценном встречном исполнении обязательств ответчиком.

Заявленные конкурсным управляющим должника ко взысканию денежные средства в размере 4482000 руб. являются убытками согласно ст. 61.6 Закона о банкротстве.

Спорные объекты недвижимого имущества перешли в собственности к ООО «Джусто» и не принадлежат Резникову В.Э.

Установив данные обстоятельства, суды правомерно посчитали, что в качестве последствий недействительности сделки с Резникова В.Э. в пользу ЗАО «Кулон-2» подлежат к взысканию денежные средства в размере 4482000 руб. в качестве убытков, понесенных должником в связи с реализацией имущества по заниженной цене[2].

Что именно следует считать немедленным исполнением своего обязательства со стороны контрагента? Можно отметить два варианта ответа на этот вопрос: отказ контрагента вернуть полученное по сделке в ответ на требование арбитражного управляющего, во-первых, не подкрепленное, во-вторых, подкрепленное решением суда о признании сделки недействительной. Решение обсуждаемого вопроса зависит от параметров каждой конкретной ситуации и влияет на размер выплат, которые можно потребовать от контрагента. Ни ГК, ни Закон о банкротстве, отсылающий нас к ГК не отвечают на вопрос о размере убытков, которые можно потребовать от контрагента вследствие изменения стоимости имущества, подлежащего возврату по недействительной сделке.

С практической точки зрения важно понять, можно ли считать убытками разницу в стоимости объекта на дату его приобретения и на дату предъявления требования. Если отвечать на этот вопрос в положительном контексте, мы неизбежно придем к выводу о том, что если стоимость объекта повысилась, то с контрагента можно взыскать в виде убытков разницу, а если стоимость понизилась, контрагент все равно выплатит стоимость приобретения, что может являться крайне невыгодным для него. Взыскание арбитражным управляющим с контрагента убытков по нормам о неосновательном обогащении может стать дополнительным источником формирования имущественной массы должника.

Обратимся к особенностям правового положения контрагента по признанной недействительной сделке. Данный субъект принимает на себя риски опровержения сделок должника, причем, к сожалению, указанные риски часто являются непрогнозируемыми.

Думается, что чем больше имеется непрогнозируемых рисков, тем слабее система законодательства, регулирующая данное правоотношение. Осознавая это, некоторые ученые пишут о необходимости выработать положения, направленные на защиту добросовестного контрагента [17].

Таким образом, разрешение названного вопроса, исходя из правовой позиции Конституционного Суда РФ, должно являться прерогативой арбитражных судов. Однако примеры из практики, когда суды отдавали бы приоритет нормам ГК, обнаружить не удалось. Тем не менее представленная позиция Конституционного Суда РФ создает правовые предпосылки развития такой практики.

Приведем еще пример. В своей жалобе в Конституционный Суд РФ ООО «Стандарт » оспаривало конституционность п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве, согласно которому сделка, указанная в п. 1 данной статьи (сделка, которая влечет или может повлечь за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований), может быть признана арбитражным судом недействительной, если она совершена после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом.

25 августа 2009 года, 3 февраля 2010 года и 21 сентября 2010 года между ООО «Стандарт » и ОАО «Уральский финансово-промышленный банк» были заключены кредитные договоры, по условиям которых названный банк обязался выдать обществу кредит в сумме 10 000 000 руб. на срок до 15 февраля 2011 года, 10 000 000 руб. на срок до 12 декабря 2012 года и 20 000 000 руб. на срок до 19 сентября 2013 года соответственно. В целях досрочного погашения задолженности по указанным кредитным договорам 3 и 6 декабря 2010 года с расчетного счета ООО «Стандарт», открытого в том же банке, банку были перечислены денежные средства в сумме 20 298 532 руб. 47 коп., 10 163 019 руб. 18 коп. и 171 501 руб. 73 коп.

С 20 декабря 2010 года в соответствии с приказом Центрального банка Российской Федерации у ОАО «Уральский финансово-промышленный банк» была отозвана лицензия на осуществление банковских операций и назначена временная администрация. Решением Арбитражного суда Свердловской области от 7 февраля 2011 года банк признан банкротом, и в отношении него открыто конкурсное производство.

Решениями арбитражных судов сделки от 3 и 6 декабря 2010 года по досрочному погашению задолженности, возникшей у ООО «Стандарт » перед банком, как совершенные менее чем за один месяц до

[2] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 июля 2015 г. № Ф05-15707/13 по делу № А41-42650/2011

назначения временной администрации и тем самым повлекшие преимущественное удовлетворение требований общества перед другими кредиторами вне рамок дела о банкротстве, по требованию конкурсного управляющего были признаны недействительными и применены последствия их недействительности. При этом арбитражные суды руководствовались как общей нормой п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве, так и п. 1 ст. 28 Федерального закона от 25 февраля 1999 года № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», в соответствии с которым во взаимосвязи с его статьей 50.34 сделка, совершенная кредитной организацией при обстоятельствах, указанных в пунктах 1 и 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве, может быть признана арбитражным судом недействительной по заявлению конкурсного управляющего, если она совершена в течение одного месяца до даты назначения Центральным банком Российской Федерации временной администрации.

Применительно к деятельности кредитных организаций Конституционный Суд РФ указал, что государство, обеспечивая проведение единой финансовой, кредитной и денежной политики, вправе в силу статей 71 (пункт «ж») и 114 (пункт «б») Конституции Российской Федерации в случае возникновения неблагоприятных экономических условий осуществлять публично-правовое вмешательство в частноправовые отношения в кредитной сфере, принимая необходимые меры в целях достижения разумного компромисса между интересами вкладчиков и иных групп кредиторов, банков и их учредителей (участников), а также государства (Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2002 года № 14-П).

На предупреждение удовлетворения требований отдельных кредиторов в индивидуальном порядке направлены и положения п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве во взаимосвязи со ст. 28 и 50.34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», исключающие в случае совершения кредитной организацией сделки в течение одного месяца до даты назначения временной администрации оказание предпочтения одному из кредиторов данной организации перед другими ее кредиторами.

Эти законоположения, предусматривающие возможность по заявлению конкурсного управляющего при установлении обстоятельств, указанных в п. 1 и 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве, признать в судебном порядке недействительной сделку, совершенную кредитной организацией в течение одного месяца до даты назначения Центральным банком Российской Федерации временной администрации, не содержат неопределенности и не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя в указанном им аспекте.

Конституционный Суд РФ при этом указал, что анализируемые нормы не предполагают вынесение судом решения о признании сделки недействительной по одному лишь указанному формальному основанию и не препятствуют суду при рассмотрении соответствующего дела исследовать по существу и принять во внимание все фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, оценивая имеющиеся в деле доказательства на предмет относимости, допустимости и достоверности, а также достаточности и взаимной связи доказательств в их совокупности по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании [3].

В п. 11 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 года № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – постановление Пленума ВАС РФ № 63) приводится следующее разъяснение. Если сделка с предпочтением была совершена после принятия судом заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до принятия судом заявления о признании должника банкротом, то в силу п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве для признания ее недействительной достаточно обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 61.3, в связи с чем наличия иных обстоятельств, предусмотренных п. 3 данной статьи (в частности, недобросовестности контрагента), не требуется.

Можно высказать сожаление в связи с отсутствием действенных законодательных механизмов защиты добросовестных контрагентов.

Статус контрагента по оспоренной сделке определяется тем, что он получает определенное право требования к должнику. Каковы же природа и механизм реализации этого права? Является ли оно текущим и (или) очередным ?

С теоретической точки зрения право требовать передачи должником ранее полученного контрагентом по сделке возникает у последнего после возбуждения производства по делу о банкротстве, что позволяет сделать вывод о текущем характере соответствующего требования. Однако законодатель не разделяет данное мнение, устанавливая в п. 4 ст. 61.6 Закона о банкротстве, что в случае признания недействительными действий должника по уплате денег, передаче вещей или иному исполнению обязательства, а также по совершению иной сделки должника, направленной на прекращение обязательства (путем

[3] См. Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1048-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Стандарт» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 61.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

зачета встречного однородного требования, предоставления отступного или иным способом), обязательство должника перед соответствующим кредитором считается возникшим с момента совершения недействительной сделки. При этом право требования кредитора по этому обязательству к должнику считается существовавшим независимо от совершения данной сделки.

Также в п.4 ст.61.6 Закона о банкротстве установлено, что если денежное обязательство, на прекращение которого была направлена оспоренная сделка, возникло до принятия заявления о признании должника банкротом, то требование контрагента по этому обязательству к должнику не относится к текущим платежам и такой кредитор является конкурсным кредитором должника, а его требование считается заявленным в установленный срок и подлежит включению в реестр требований кредиторов.

Такой же подход прослеживается в п. 25 постановления Пленума ВАС РФ № 63, в котором, кроме того, уточняется, что если денежное обязательство, на прекращение которого была направлена данная сделка, возникло после принятия заявления о признании должника банкротом, то восстановленное требование относится к текущим платежам, а нормы п. 2, 3 ст. 61.6 Закона о банкротстве на него не распространяются.

При этом если сделка должника, направленная на прекращение обязательства, была признана недействительной на основании п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, то при расчете с кредиторами будут применяться положения п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве (п. 26 постановления Пленума ВАС РФ № 63), то есть восстановленное требование подлежит включению в реестр требований кредиторов, но удовлетворяется за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, включенных в реестр; предъявить восстановленное требование к должнику кредитор может только после возврата в конкурсную массу (должнику) этого имущества или его стоимости (см. постановления АС Уральского округа от 19 июня 2019 г. № Ф09-3553 /19, Семнадцатого ААС от 16 июля 2018 г. № 17АП -4289 /17, Пятнадцатого ААС от 23 мая 2019 г. № 15АП – 6732 /19).

Поскольку кредитор, который получил от должника имущество, получает право предъявить восстановленное требование к должнику только после возврата в конкурсную массу (должнику) этого имущества или его стоимости, то к требованию кредитора должны прилагаться доказательства возврата им соответствующего имущества или его стоимости; при их непредставлении такое требование подлежит оставлению судом без движения, а при непредставлении их после этого в установленный срок – возвращению (см. например, постановление АС Поволжского округа от 23 ноября 2018 г. № Ф06-39534 /18). В случае возврата части имущества или денег кредитор может предъявить восстановленное требование в соответствующей части.

Применительно к банкротству отдельных категорий должников (например, кредитных организаций, застройщиков) требование такого кредитора подлежит удовлетворению с учетом установленных Законом о банкротстве особенностей формирования очередей реестра кредиторов соответствующих категорий должников (см. например, постановления АС Западно -Сибирского округа от 30 мая 2019 г. № Ф04-755/18, АС Поволжского округа от 21 ноября 2017 г. № Ф06 – 26597 /17).

Если сделка должника, направленная на прекращение обязательства, была признана недействительной на основании п. 1 ст. 61.2 или п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве, то при расчете с кредиторами будут применяться положения п. 3 ст. 61.6 Закона о банкротстве (п. 27 постановления Пленума ВАС РФ № 63), то есть восстановленное требование подлежит включению в реестр требований кредиторов и удовлетворению в составе требований третьей очереди с соблюдением срока предъявления требований о включении в реестр кредиторов (2 месяца с момента вступления в силу судебного решения о признании сделки недействительной), предъявить восстановленное требование к должнику кредитор может только после возврата в конкурсную массу (должнику) этого имущества или его стоимости (постановления АС Московского округа от 22 ноября 2018 года № Ф05-12371 /17, от 2 октября 2018 года № Ф05-7432 /15, Семнадцатого ААС от 15 июня 2018 года № 17АП -12675 /11, Седьмого ААС от 27 июня 2019 года № 07АП -2861 /17, Восьмого ААС от 22 октября 2018 года № 08АП – 11620 /18).

ВАС РФ используется термин «восстановленное требование», который встречается и в научной литературе [18].

Полагаем, что в рассматриваемом контексте говорить о восстановлении требования не вполне корректно с теоретической точки зрения, поскольку требование из недействительной сделки является самостоятельным, возникшим на основании решения суда о недействительности этой сделки (особенно в контексте сделок оспоримых), а не восстановленным.

Представленная практика ВАС РФ позволяет сделать вывод о том, что контрагент имел право требования из недействительной сделки до признания ее недействительной. Очевидно, данный тезис с теоретической точки зрения крайне сомнителен, однако, следование чистой теории в подобных ситуациях нивелирует весь смысл мероприятия, направленного на оспаривание сделки: ведь если признать

за контрагентом статус текущего кредитора, то сразу после вступления соответствующего решения в силу необходимо будет осуществить реституцию. Таким образом, с утилитарной точки зрения контрагент по недействительной сделке должен быть очередным, а не текущим кредитором, с тем чтобы, вернув в имущественную массу полученное от должника, не требовал немедленно то, что имеет право получить от должника.

В данном случае, мы сталкиваемся с интересной ситуацией, когда утилитарные соображения превалируют над теорией права, и принципиальных возражений это не вызывает.

Итак, контрагент не получает статуса текущего кредитора, а чтобы выяснить, получает ли он статус очередного кредитора, необходимо рассмотреть два варианта :

1) Контрагент становится кредитором 3-й очереди, если речь идет, во-первых, об объективно подозрительной сделке, во-вторых, об обычной предпочтительной сделке (которая может быть оспорена, если совершена за месяц до принятия заявления о банкротстве должника), в-третьих, о сделках, оспариваемых на основании общих норм законодательства, а не норм Закона о банкротстве ;

2) Контрагент становится послеочередным кредитором (получает требуемое после удовлетворения всех кредиторов 3-й очереди), если речь идет, во-первых, о субъективно подозрительной сделке, во-вторых, о квалифицированной предпочтительной сделке (которая может быть оспорена, если совершена за шесть месяцев до принятия заявления о банкротстве должника).

Таким образом, последнее положение устанавливает некую санкцию за противоправное поведение при заключении сделки, эта санкция состоит в понижении очередности удовлетворения требования, что несомненно можно рассматривать в качестве невыгодных последствий как добросовестных, так и недобросовестных кредиторов. Для добросовестных кредиторов невыгодные последствия конкурсного оспаривания сделок представляются не вполне оправданными, поскольку создают для них непрогнозируемые риски и это можно рассматривать для них с позиции, лишь неблагоприятных последствий, что несомненно является крайне негативны м явлением.

Список литературы

1. *Груздев В.В.* Современный подход к недействительности сделок: толкование законодательных новелл // Юрист. 2014. № 16.
2. *Иванов А.И.* Споры, связанные с недействительностью сделок должника // Арбитражный управляющий. 2014. № 1, 2.
3. *Илюшина М.Н.* Реформа отечественного гражданского законодательства о недействительности сделок : цели и актуальное состояние // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5.
4. *Кондратьева К.С.* Порядок признания недействительными подозрительных сделок должника в процедурах банкротства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4.
5. *Карелина С.А.* Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4.
6. *Киселев А.А.* Теоретические и практические проблемы составов, квалификации и правовых последствий недействительных сделок (комплексный анализ): Автореф. дис.... докт. юрид. наук. М., 2006.
7. *Кузнецов С.А.* Проблемы оспаривания сделок должника // Закон. 2010. № 3.
8. *Марков П.А.* Признание недействительной сделки, совершенной банкротом: какие нарушенные права восстанавливает суд? // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2006. № 1.
9. *Морозов А.* О природе сделок в преддверии банкротства // Банковское обозрение. 2013. № 11.
10. *Панина И.Ю., Чапаев И.А.* Оспаривание сделок должника // Арбитражный управляющий. 2014. № 4.
11. *Сергеев А.П.* Некоторые вопросы недействительности сделок. Очерки по торговому праву: Сборник научных трудов / Под ред. Е.А. Крашенинникова. Вып. 11. Ярославль , 2004.
12. *Сысоева О.* Оспаривание сделок должника в процедурах банкротства // Хозяйство и право. 2010. № 8.
13. *Тарнопольская С.В.* Оспаривание сделок кредитных организаций, совершаемых в преддверии банкротства: сложности и перспективы // Закон. 2014. № 3.
14. *Тузов Д.О.* Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике: Автореф. дис.... докт. юрид. наук. Томск , 2006.
15. *Хейфец Ф.С.* Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М., 1999.
16. *Царик Г.П.* Специальные основания для оспаривания сделок должника в процедурах банкротства. Нужны ли они? // Предпринимательское право. 2008. № 2.
17. *Циндяйкина А.Э.* Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012.
18. *Сайфуллин Р.И.* Восстановление обязательства из поручительства как последствие оспаривания сделки в деле о банкротстве // Вестник ВАС РФ. 2012. № 11.

References

1. *Gruzdev V.V.* The modern approach to the invalidity of transactions: interpretation of legislative short stories // Lawyer. 2014. No. 16.
2. *Ivanov A.I.* Disputes related to the invalidity of transactions of the debtor // Arbitration Manager. 2014. No. 1, 2.
3. *Ilyushina M.N.* Reform of domestic civil law on the invalidity of transactions: goals and current status // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2014. No. 5.
4. *Kondratiev K.S.* The procedure for invalidating suspicious transactions of a debtor in bankruptcy proceedings // Perm University Herald. Jurisprudence. 2012. No. 4.
5. *Karelina S.A.* Suspicious transactions in the process of insolvency (bankruptcy): legal issues of contestation // Entrepreneurial law. 2012. No. 4.
6. *Kiselev A.A.* Theoretical and practical problems of the compositions, qualifications and legal consequences of invalid transactions (complex analysis): Author. dis.... doc. legal sciences. M., 2006.
7. *Kuznetsov S.A.* Problems of contesting transactions of a debtor // Law. 2010. No. 3.
8. *Markov P.A.* Invalidation of a transaction made by a bankrupt: what violated rights does a court restore? // Bulletin of the Arbitration Court of Moscow. 2006. No. 1.
9. *Morozov A.* On the nature of transactions in anticipation of bankruptcy // Banking Review. 2013. No. 11.
10. *Panina I.Yu., Chapaev I.A.* Challenging transactions of a debtor // Arbitration manager. 2014. No. 4.
11. *Sergeev A.P.* Some questions of invalidity of transactions. Essays on Trade Law: A Collection of Scientific Papers / Ed. E.A. Krasheninnikov. Vol. 11. Yaroslavl, 2004.
12. *Sysoeva O.* Challenging the transactions of the debtor in bankruptcy proceedings // Economy and Law. 2010. No. 8.
13. *Tarnopolskaya S.V.* Challenging transactions of credit organizations committed in anticipation of bankruptcy: difficulties and prospects // Law. 2014. No. 3.
14. *Aces D.O.* General teachings of the theory of invalid transactions and the problems of their perception in Russian doctrine, legislation and judicial practice: Author. dis.... doc. legal sciences. Tomsk, 2006.
15. *Kheifets F.S.* Invalidity of transactions under Russian civil law. M., 1999.
16. *Tsarik G.P.* Special grounds for contesting a debtor's transactions in bankruptcy proceedings. Are they needed? // Business law. 2008. No. 2.
17. *Tsindyaykina A.E.* Legal regulation of competitive contestation of transactions of a debtor in case of insolvency (bankruptcy): Author. dis.... cand. legal sciences. M., 2012.
18. *Sayfullin R.I.* Recovery of a liability from a guarantee as a consequence of contesting a transaction in a bankruptcy case // VAS Bulletin of the Russian Federation. 2012. No. 11.

УДК 332. 1

Богдановский Дмитрий Львович,
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры Естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и экологического права, АНО ВО «Институт деловой карьеры», г. Москва,
dmlvbo@mail. ru

Лисова Екатерина Валерьевна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Экономики, менеджмента и маркетинга, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ, г. Липецк,
lisovaekaterina78@gmail. com

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Аннотация. *Статья посвящена анализу возникновения и использования термина «социальное развитие» в зарубежной и отечественной практике. Авторы отмечают, что впервые социологами данный термин был применен непосредственно к самому человеку как личности, а также достаточно давно используется по отношению к обществу. Делается вывод, что на сегодня само содержание и непосредственные направления социального развития применительно к развитию региона мало изучены и слабо специфицированы. Проведена аналитическая работа по исследованию различных подходов к понятию социальное развитие, предложены собственные формулировки регионального социального развития и социальной сферы региона.*

Ключевые слова: социальное развитие, региональное социальное развитие, социальная сфера региона, социальные группы, социальные функции, социальные программы

Dmitry L. Bogdanovskiy,
PhD in Technical Science, assistant Professor, Full Prof. of the Chair Natural Sciences, information technology and environmental law, Institute of business career, Moscow,
dmlvbo@mail. ru

Ekaterina V. Lisova,
PhD in Social Science, assistant Professor, Full Prof. of the Chair Economics, Management and Marketing, Lipetsk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
lisovaekaterina78@gmail. com

ON THE ISSUE OF THE REGION SOCIAL DEVELOPMENT

Abstract. *The article analyzes the origin and use of the term "social development" in foreign and domestic practice. The authors note that for the first time by sociologists, this term was applied directly to the person as a person, and has also been used for a long time in relation to society. It is concluded that today the very content and direct directions of social development in relation to the development of the region are poorly studied and poorly specified. Analytical work was carried out to study various approaches to the concept of social development, and the authors proposed their own formulations of regional social development and the social sphere of the region.*

Keywords: social development, regional social development, social sphere of the region, social groups, social functions, social programs

Термин «социальное развитие» впервые появился в научных трудах социологов и изначально отождествлялся с развитием человека как личности. Наиболее известными подходами, поставившими цель объяснить всю многогранность данного явления, признаны на сегодня социобиологический, функциональный, марксистский и психоаналитический подходы [1].

Первый из них основан на биологической сущности человека, его генетическом наборе. Функциональный подход считает социальной единицей не самого человека, а выполняемую им общественную функцию. Социальная обусловленность природы человека, а также непосредственная его деятельность считаются основными компонентами марксистского подхода. Три различные сферы – подсознания, самосознания и сверхсознания человека как личности являются базой психоаналитического подхода.

Не отрицая очевидного факта признания человека важнейшей компонентой любой социально-экономической системы, идентифицировать социальное

развитие только с развитием личности, недостаточно. Конечно, удовлетворение потребностей человека, решение его социальных и экологических проблем, повсеместная защита интересов, стимулирование воспроизводства представляют собой непосредственные задачи органов власти различных уровней. Реализация описанных задач всемерно способствует социальному развитию, непосредственно формируя его.

Большой ошибкой представляется рассмотрение социального развития без учета демографической ситуации, ее динамики. Помимо этого необходимо принимать во внимание целый ряд исследований, посвященных социальному развитию отдельных социальных групп: школьников, студентов, пенсионеров и т. д.

Исследованию и разработке теоретических основ социального развития в 70-х-80-х годах XX века уделялось достаточно много внимания. Российская социология делала акцент на изучении развития многочисленных групп населения [2]:

• вопросы социального развития рабочего класса отражены в трудах Л. А. Гордон, А. К. Назимова и др. ;

• проблемами социального развития интеллигенции занимались В. И. Астахова, О. Н. Козлова, Р. Г. Яновский и др. ;

• специфике социального развития городского населения посвящены исследования М. Н. Межевича, Т. И. Фейдиновой и др. ;

• общие аспекты социального развития и социальной структуры были разработаны Т. И. Заславской, М. Н. Руткевич и др.

К отечественным социологам, анализировавшим показатели и разрабатывавшим индикаторы социального развития можно отнести Н. А. Аитова, Ж. Т. Тощенко, а также ряд других авторов.

Необходимо отметить, что данные работы по большей части отражали марксистский подход к анализу явлений и процессов, происходящих в обществе. Произошедшая в 90-х годах прошлого столетия смена политического строя, фактически привела к использованию принципиально иных концепций социальных трансформаций и прекращению исследований в области проблематики социального развития.

В трудах зарубежных и отечественных социологов термин «социальное развитие» также используется применительно ко всему социуму. Существует целый ряд определений данного понятия, при этом единого подхода к формулировке до настоящего времени не выработано.

Например, согласно Большому словарю по социологии [3], «социальное развитие – это совокупность экономических, социальных, политических, духовных процессов, развертывающихся в обществе». Большой толковый социологический словарь [4] определяет «социальное развитие» как «прогрессивный сдвиг или изменение, накопление положительных качеств в системе, явлении, институте, обществе и др.».

По мнению некоторых авторов, социальное развитие – это изменение общества, которое приводит к появлению новых общественных отношений, институтов, норм и ценностей [5].

При этом данное изменение сопровождается следующими признаками: необратимостью, направленностью и закономерностью. Под необратимостью понимается перманентный процесс накопления качественных и количественных переменных. Направленность подразумевает некоторое направление, по которому накопление совершается. И, наконец, закономерность представляет собой сам процесс накопления переменных.

Значимой характеристикой социального развития признается тот промежуток времени, который необходим для его осуществления. При этом основные признаки социального развития можно ощутить только с истечением некоторого периода времени. Само социальное развитие должно привести к новому количественному и качественному состоянию социального объекта, изменению его структуры и общей организации.

Три основных подхода к социальному развитию общества показаны в таблице 1.

Таблица 1.

Основные подходы к социальному развитию общества

№ п/п	Название	Характеристика	Сторонники
1.	Линейно-восходящий характер развития общества	Общество в развитии проходит ряд последовательных стадий	Марксисты, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис и др.
2.	Циклический, повторяющийся характер развития общества	Общество развивается по циклическому процессу (аналогия между обществом и природой)	Н. Данилевский, О. Шпенглер, Л. Гумилев и др.
3.	Нелинейное развитие общества	Нелинейность развития (возможность многовариантного хода событий)	С. Л. Франк, М. Хетчер, Д. Коллмэн и др.

Социальное развитие в большей части экономической литературы напрямую связывается с благосостоянием человека и повышением его уровня жизни. Однако не всегда рост благосостояния приводит к развитию личности, удовлетворению потребностей общества.

Немногочисленные труды по социальному развитию регионов, как в зарубежной практике, так и в российской, не позволяют говорить о сформировавшихся концепциях развития социальной сферы региона, теориях его непосредственного социального развития. Некоторые авторы отмечают, что в современных условиях само содержание и непосредственные направления социального развития применительно к развитию региона до сих пор мало изучены и слабо специфицированы.

К тому же, распространяющиеся в российском обществе социальные угрозы и риски отводят вопросу о социальном развитии регионов ведущую роль. На сегодня по данным отечественных исследователей к таким проблемам можно отнести [6]:

1) В течение ближайших 10–15 лет ожидается превышение нетрудоспособного населения над трудоспособным (в основном за счет лиц пенсионного возраста);

2) В ближайшие 5-10 лет за счет увеличения уровня трудовой миграции в другие регионы может произойти дестабилизация рынка труда регионов;

3) Значительное увеличение социального слоя бедных должно привести к резкому усилению социальной напряженности за счет возрастающей дифференциации доходов населения;

4) Ожидается всемерный рост заболеваемости, продолжение снижения показателя продолжительности жизни, возврат к показателю превышения смертности над рождаемостью;

5) Представляется возможным достижение критического уровня деградации и десоциализации среднего и молодого поколений за счет распространения в данной среде девиантных форм поведения.

В сложившихся условиях не вызывает сомнения тот факт, что региональное социальное развитие является доминантой развития региона. Сами подходы к достижению достаточно высокого уровня социального регионального развития различны. Некоторые авторы считают, что четкая методика оценки уровня социального развития, позволяющая не только объективно оценивать его состояние, но и предлагающая обоснованные варианты управленческих выводов, является ключом к решению проблемы [7].

Другая точка зрения говорит о непосредственной зависимости эффективного социального развития от качества взаимодействия уровней регионального и местного управления при непосредственном учете интересов населения конкретной территории [8]. Зачастую неэффективная, а порой и формальная деятельность органов местного управления является главной проблемой при данном подходе.

Отмечается, что социальная сфера достаточно долгое время рассматривалась в качестве вторичной, поскольку она требует значительных бюджетных затрат, не несет непосредственных выгод и фактически определяется развитием экономической составляющей [9].

Ряд авторов считают локомотивом социального развития региона осуществление федеральных и региональных программ. Действительно, на федеральном уровне Министерством экономического развития [10] осуществляется формирование индивидуальных планов развития территорий. Однако данный процесс в основном применим к регионам, весьма отстающим в развитии. К тому же социальная составляющая присутствует в таких программах именно как одна из составляющих.

Что касается региональных программ развития, они разрабатываются практически в каждом регионе на определенные периоды времени, согласуются с федеральными органами власти, но в большинстве своем ориентированы на комплексное социально-экономическое развитие (в последнее время с включением экологической составляющей).

Некоторые исследователи считают региональное социальное развитие непременным условием повышения качества жизни населения [11, 12]. В процессе перехода к постиндустриальному обществу большинство государств, в том числе и Россия, позиционируются в качестве социально-ориентированных территорий. При этом благополучие и достаток каждого индивидуума становятся базой благополучия всего общества. В таких условиях развитие социальной сферы также представляется одной из важнейших задач регионального развития [13]. Обнажение социальных проблем территорий, изменения международных социальных стандартов, отсутствие или недостаток ресурсов для развития социальной сферы, как правило, служат основой последующих позитивных изменений в ней.

Другим инструментом решения проблем социального развития регионов отдельные авторы считают социальные программы. В российской практике они представляют собой комплекс мероприятий с определенными исполнителями, ресурсами, сроками, который призван эффективно решить социальные проблемы общества в регионе. Складывающаяся новая организационная культура – программно-проектное управление в будущем позволит перейти к проектно-ориентированному обществу в целом. Существенное отличие предлагаемых социальных проектов и социальных программ от региональных программ развития заключается в чисто социальной направленности.

При этом разработка любого социального проекта состоит из последовательного прохождения ряда этапов [14]:

1) Аналитический этап – проблемно-ориентированный анализ ситуации;

2) Этап концептуализации – построение иерархии целей и задач;

3) Этап инструментализации – отбор эффективных инструментов для их использования в рамках проекта;

4) Этап конкретизации схемы действий – доведение до уровня мероприятий и графика их проведения;

5) Этап бюджетирования проекта;

6) Этап выделения критериев эффективности реализации проекта, ожидаемых показателей и методов их оценки.

Не отрицая возможностей программно-проектного управления, ряд авторов отражают в своих исследованиях социального развития региона в качестве наиболее важной компоненты анализ значимых индикаторов, отражающих критерии социальной эффективности [15, 16, 17]. Отмечается, что ошибка выбора на данном этапе может рассматриваться как нарушение системы социальных приоритетов.

Некоторые социальные показатели в России на сегодня весьма неутешительны, чему способствуют такие проблемы как рост социально незащищенных слоев населения, ощутимое неравенство в обществе, снижение квалификации рабочей силы, депопуляция и старение населения. В таких условиях задача количественного определения социальных целей регионального развития, стоящая перед исследователями, представляется весьма непростой [18]. При рассмотрении ее в условиях неравномерности и специфики развития в применении к отдельно взятой территории, трудности анализа существенно возрастают.

Возвращаясь к понятию социального развития, как динамического процесса, необходимо отметить, что однозначно признанных и широко используемых дефиниций на сегодня как в зарубежной, так и в отечественной практике не имеется. Наиболее общая трактовка, предложенная в российском варианте авторства, понимает под социальным развитием совокупность экономических, социальных, политических, духовных процессов, разворачивающихся в обществе [19].

Детальное рассмотрение указанных процессов позволяет выделить три основные составляющие, лежащие в основе данного определения:

1. Социальное развитие принято рассматривать как прогрессивное развитие, сопровождающееся значимыми количественными и/или качественными изменениями в социальной сфере (ее отдельных компонентах), когда существующие явления заменяются явлениями более высокого уровня или занимают более высокие стадии своего состояния.

2. Проистекающие процессы могут сопровождаться негативными изменениями, причем такие изменения в социальной сфере ведут к переходу на стадии более низкого уровня, что приводит к так называемому регрессивному развитию.

3. Социальный прогресс представляет собой совершенствование социального устройства общества и улучшение качества жизни каждого человека.

Само социальное развитие происходит по одному из двух путей [20]:

• эволюционно – существующие элементы системы постепенно заменяются новыми и перестают существовать;

• революционно – все элементы системы одновременно и в кратчайшие сроки разрушаются и замещаются новыми элементами.

Также существует значимая разница между трактовками «социальное развитие» и «социальное изменение». Социальные изменения считаются более широким понятием, поскольку по своей сути характеризуют перемены различной направленности, в то время как социальное развитие всегда несет оценочный характер и определяет изменения, сопровождающиеся усложнением, улучшением, в некоторых случаях, совершенствованием.

Как уже было сказано, любое социальное развитие определяется тремя составными компонентами – необратимостью, направленностью и закономерностью.

При этом к основным характерным чертам регионального социального развития можно отнести [21]:

1) Сам объект структурно усложняется;

2) Социальные функции объекта видоизменяются или численно возрастают;

3) Конкурентоспособность и эффективность деятельности повышается;

4) Инфраструктура населенных пунктов повсеместно развивается;

5) Возможности удовлетворения всех видов потребностей социальных групп и индивидов расширяются;

6) Сам человек, его личность гармонично развивается.

Таким образом, к настоящему моменту времени достаточно обоснованных и общепризнанных теорий регионального социального развития в научном мире не существует. Его природа по-разному оценивается различными авторами, осуществляются попытки создания концепций и моделей, большей частью основанных на улучшении качества жизни населения.

На наш взгляд, социальное развитие региона представляет собой поступательный эволюционный процесс, протекающий во всех сферах жизнедеятельности региона, способствующий воспроизводству и совершенствованию человеческого капитала, конечной

целью которого является улучшение качества жизни населения. Основными траекториями регионального социального развития должны являться федеральные и региональные социальные проекты, а также оригинальные методики измерения его уровня на базе обоснованных индикаторов. Социальную сферу региона при этом можно определить как совокупность ресурсов и инструментов, используемых в данном процессе.

Список литературы

1. *Кухарчук Д.В.* Социология: краткий курс лекций. М., Юрайт, 2015. 192 с.
2. *Лубашев Ю.А.* Методологические основы управления социальным развитием региона в контексте региональной социально-экономической политики: дис. д-ра экон. наук: 08. 00. 05. СПб., 2014. 333 с.
3. Большой словарь по социологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pandia. ru/text/78/125/14539. php (дата обращения 12. 02. 2020).
4. Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo. me/dict/social_dict (дата обращения 12. 02. 2020).
5. *Волгушева А.А.* Социальное развитие общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://center-yf. ru/data/stat/socialnoe-razvitie-obshchestva. php (дата обращения 12. 02. 2020).
6. *Гайфуллин А.Ю., Гайфуллина М.М.* Методический подход к оценке социального развития регионов // Известия уфимского научного центра РАН. 2017. № 3. С. 107-108.
7. *Martynova S.E., Dmitriev Y.G., Gajfullina M.M., Totskaya Y.A.* «Service» municipal administration as part of the development of youth entrepreneurship in Russia // Social Indicators Research. 2016. P. 2-5.
8. *Воденко К.В., Левченко Н.А.* Институциональные механизмы развития социальной политики на муниципальном уровне // Экономика и менеджмент: от теории к практике. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2017. С. 132-134.
9. *Возмилкина Е.Н.* Социальная политика в Российской Федерации: содержание и уровни реализации // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2016. № 9. С. 47–49.
10. Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www. economy. gov. ru (дата обращения 12. 02. 2020).
11. *Горяйнова Н.М.* Местное самоуправление и муниципальный уровень реализации социальной политики в РФ // Управление в современных системах. 2017. № 3 (14). С. 16-18.
12. *Царенко И.В.* Социальное развитие территорий региона // Вестник алтайской академии экономики и права. 2020. № 1. С. 128-130.
13. *Андреева О.Р.* Развитие социальной сферы как элемента инновационной экономики региона // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2012. № 1. С. 104-108.
14. *Дмитриев А.В.* Методика внедрения проектного подхода в управление социальным развитием российских регионов // Науковедение: интернет-журнал. 2013. № 1 (14). С. 25-29.
15. *Кулаковский Е.С.* Индикаторы устойчивого социально-экономического развития в принятии управленческих решений на уровне муниципальных районов (на примере Воронежской области) // Региональные исследования. № 2. 2019. С. 27-31.
16. *Kolleck N.* Social network analysis in innovation research: using a mixed methods approach to analyze social innovations // Europe Journal Futures Res. 2013. № 1. P. 25-30.
17. *Malmstrom M., Johansson J.* Social exchange in collaborative innovation: maker or breaker // Journal of Innovation and Entrepreneurship. – 2016. № 2. P. 12-18.
18. *Исмаилов А.С.* Роль социального фактора в экономическом развитии регионов России // TerraEconomicus. 2011. Т. 9. № 1–3. С. 134–137.
19. *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология. Т3: Социальные институты и процессы. М., ИНФРА-М. 2000. 519 с.
20. *Лига М.Б.* Качество жизни как основа социальной безопасности. М., Гардарики. 2006. 222 с.
21. *Филькина, О.Ю.* Социальное развитие региона в контексте актуализации проблемы качества жизни населения: теоретико-методологический аспект // В сборнике: «Качество жизни в фокусе междисциплинарных исследований» научных статей Национальной научно-практической конференции с международным участием. Рязань – Москва: ООО «Издательство Ипполитова» . 2019. С. 177-182.

References

1. *Kukharchuk D.V.* Sotsiologiya: kratkii kurs lektsii. M., Yurait, 2015. 192 s.
2. *Lubashev Yu.A.* Metodologicheskie osnovy upravleniya sotsial'nym razvitiem re-giona v kontekste regional'noi sotsial'no-ekonomicheskoi politiki: dis. d-ra ekon. nauk: 08. 00. 05. SPb., 2014. 333 s.
3. Bol'shoi slovar' po sotsiologii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://pandia. ru/text/78/125/14539. php (data obrashcheniya 12. 02. 2020).
4. Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar' [Elektronnyi resurs]. Rezhim dos-tupa: https://gufo. me/dict/social_dict (data obrashcheniya 12. 02. 2020).

5. *Volgusheva A.* A. Sotsial'noe razvitie obshchestva [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://center-yf. ru/data/stat/socialnoe-razvitie-obshchestva. php (data obrashcheniya 12. 02. 2020).
6. *Gaifullin A.Yu., Gaifullina M.M.* Metodicheskii podkhod k otsenke sotsial'nogo razvitiya regionov // Izvestiya ufimskogo nauchnogo tsentra RAN. 2017. № 3. S. 107-108.
7. *Martynova S.E., Dmitriev Y.G., Gajfullina M.M., Totskaya Y.A.* «Service» municipal administration as part of the development of youth entrepreneurship in Russia // Social Indicators Research. 2016. P. 2-3.
8. *Vodenko K.V., Levchenko N.A.* Institutsional'nye mekhanizmy razvitiya sotsial'-noi politiki na munitsipal'nom urovne // Ekonomika i menedzhment: ot teorii k praktike. Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2017. S. 132-134.
9. *Vozmilkina E.N.* Sotsial'naya politika v Rossiiskoi Federatsii: soderzhanie i urovni realizatsii // Novaya nauka: Opyt, traditsii, innovatsii. 2016. № 9. S. 47–49.
10. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://www. economy. gov. ru (data obrashcheniya 12. 02. 2020).
11. *Goryainova N.M.* Mestnoe samoupravlenie i munitsipal'nyi uroven' realizatsii sotsial'noi politiki v RF // Upravlenie v sovremennykh sistemakh. 2017. № 3 (14). S. 16-18.
12. *Tsarenko I.V.* Sotsial'noe razvitie territorii regiona // Vestnik altaiskoi akademii ekonomiki i prava. 2020. № 1. S. 128-130.
13. *Andreeva O.R.* Razvitie sotsial'noi sfery kak elementa innovatsionnoi ekono-miki regiona // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Ekonomika, finansy i uprav-lenie proizvodstvom. 2012. № 1. S. 104-108.
14. *Dmitriev A.V.* Metodika vnedreniya proektnogo podkhoda v upravlenie sotsial'-nym razvitiem rossiiskikh regionov // Naukovedenie: internet-zhurnal. 2013. № 1 (14). S. 25-29.
15. *Kulakovskii E.S.* Indikatory ustoichivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v prinyatii upravlencheskikh reshenii na urovne munitsipal'nykh raionov (na primere Voro-nezhskoi oblasti) // Regional'nye issledovaniya. № 2. 2019. S. 27-31.
16. *Kolleck N.* Social network analysis in innovation research: using a mixed methods approach to analyze social innovations // Europe Journal Futures Res. 2013. № 1. P. 25-30.
17. *Malmstrom M., Johansson J.* Social exchange in collaborative innovation: maker or breaker // Journal of Innovation and Entrepreneurship. – 2016. № 2. P. 12-18.
18. *Ismailov A.S.* Rol' sotsial'nogo faktora v ekonomicheskom razvitii regionov Rossii // TerraEconomicus. 2011. T. 9. № 1–3. S. 134–137.
19. *Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I.* Sotsiologiya. T3: Sotsial'nye instituty i pro-tsessy. M., INFRA-M. 2000. 519 s.
20. *Liga M.B.* Kachestvo zhizni kak osnova sotsial'noi bezopasnosti. M., Gardariki. 2006. 222 s.
21. *Fil'kina, O.Yu.* Sotsial'noe razvitie regiona v kontekste aktualizatsii proble-my kachestva zhizni naseleniya: teoretiko-metodologicheskii aspekt // V sbornike: «Kachestvo zhizni v fokuse mezhdistsiplinarnykh issledovanii» nauchnykh statei Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Ryazan' – Moskva: OOO "Izdatel'stvo Ippolitova". 2019. S. 177-182.

УДК 339.138.

Горохова Полина Андреевна,
специалист по учебно-методической работе 1 категории,
Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), г. Санкт-Петербург,
polina348@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМНЫХ КАМПАНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. *Значимость проблемы научного осмысления специфики оценки эффективности рекламных кампаний в сети интернет определяется обстоятельствами теоретического и практического свойства. В маркетинговой доктрине и теории управления рекламой, хотя и увеличилось количество исследований, посвященных интернет-коммуникациям, остаются нерешенными отдельные частные вопросы, в том числе вопрос научно обоснованной оценки эффективности рекламных кампаний в сети интернет. С практической стороны требуется разработка системы принципов, средств и инструментов оценки эффективности рекламных кампаний в сети интернет. Это определяется значительными трансформациями, произошедшими в структуре маркетинговых коммуникаций в последние годы. С ростом затрат на рекламу в сети интернет, опережающим темпы проникновения данной сети, увеличивается и средний объем затрат на посетителя данной сети, что косвенно свидетельствует не только об увеличении конкуренции на рекламных площадках в сети интернет, но и о снижении результативности рекламных кампаний части рекламодателей. Оценка эффективности рекламных кампаний – обязательный этап их проведения, это относится и к рекламным кампаниям, проводимым в сети интернет. Вместе с тем реализация данного этапа имеет значимые отличия от традиционных методик оценки эффективности рекламных кампаний. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что специфика оценки эффективности рекламы в сети интернет проявляет себя на каждом этапе данного процесса в разной степени. Особенности оценки эффективности рекламных коммуникаций в сети интернет определяются прежде всего различиями в используемых в кампаниях видах интернет-рекламы. Кроме того, процесс оценки эффективности рекламы в сети интернет ввиду цифрового характера медиа-пространства характеризуется сравнительно большой доступностью информационно-аналитической базы. Специфика оценки эффективности рекламы в сети интернет выражается и в содержании комплекса используемых показателей.*

Ключевые слова: реклама в сети интернет, интернет-реклама, оценка эффективности, критерии эффективности, специфика оценки, этапы оценки рекламных кампаний в сети интернет

Polina A. Gorokhova,
specialist in educational and methodical work of the 1st category, St. Petersburg State Technological Institute,
polina348@yandex.ru

THE SPECIFICITY OF EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF ADVERTISING CAMPAIGNS ON THE INTERNET

Abstract. *The significance of the problem of scientific understanding of the specifics of evaluating the effectiveness of advertising campaigns on the Internet is determined by circumstances of a theoretical and practical nature. In the marketing doctrine and theory of advertising management, although the number of studies on Internet communications has increased, some private issues remain unresolved, including the issue of scientifically based assessment of the effectiveness of advertising campaigns on the Internet. On the practical side, the development of a system of principles, means and tools for evaluating the effectiveness of advertising campaigns on the Internet is required. This is determined by the significant transformations that have occurred in the structure of marketing communications in recent years. With an increase in the cost of advertising on the Internet, outstripping the penetration rate of this network, the average cost of a visitor to this network also increases, which indirectly indicates not only increased competition on advertising platforms on the Internet, but also a decrease in the effectiveness of advertising campaigns for some advertisers. Evaluation of the effectiveness of advertising campaigns is a mandatory stage of their implementation, this also applies to advertising campaigns conducted on the Internet. At the*

same time, the implementation of this stage has significant differences from traditional methods of evaluating the effectiveness of advertising campaigns.

According to the results of the study, the author concludes that the specificity of evaluating the effectiveness of advertising on the Internet manifests itself at each stage of this process to varying degrees. The features of evaluating the effectiveness of advertising communications on the Internet are primarily determined by differences in the types of online advertising used in campaigns. In addition, the process of evaluating the effectiveness of advertising on the Internet, due to the digital nature of the media space, is characterized by a relatively high availability of information and analytical base. The specificity of evaluating the effectiveness of advertising on the Internet is also expressed in the content of the complex of indicators used.

Keywords: advertising on the Internet, online advertising, performance evaluation, performance criteria, assessment specifics, stages of evaluation of advertising campaigns on the Internet

Актуальность исследования специфики оценки эффективности рекламных кампаний в сети интернет определяется динамичным ростом затрат на интернет-коммуникации российских рекламодателей, необходимостью формирования методологических основ корректной оценки эффективности рекламных кампаний в сети интернет, а также осмысления особенностей оценки результативности рекламы в виртуальной сети на основе методов научного познания. Рост активности рекламодателей в сети интернет обусловлен объективными обстоятельствами: увеличением аудитории виртуальной сети и ростом степени её вовлеченности в пользование данной сетью.

Существенные изменения в структуре затрат российского рекламодателя определяют смещение приоритетов в оценке эффективности рекламных кампаний в пользу измерения результативности коммуникационных активностей в сети интернет. В связи с установленными тенденциями, научно обоснованный анализ специфики оценки эффективности рекламных кампаний в сети интернет будет иметь практическую и теоретическую значимость.

Отдельные вопросы оценки эффективности интернет-рекламы затрагивались в исследованиях российских [2-6] и зарубежных [9-12] авторов.

Целью исследования является анализ и характеристика особенностей оценки эффективности рекламных кампаний в сети интернет. Достижение поставленной цели потребовало решения задач: уточнения особенностей рекламы в сети интернет как предмета оценки в рамках измерения её эффективности; конкретизации критериев оценки эффективности рекламы в сети интернет и их содержания; анализа факторов, влияющих на выбор показателей эффективности рекламы в сети интернет.

По данным Ассоциации коммуникационных агентств России (далее АКАР) объем рынка интернет-рекламы в 2018 году составил 203 млрд руб. [7], среднегодовые темпы прироста интернет-рекламы за период с 2002 года по 2018 год составили 53,6%, что существенно выше динамики суммарных объемов рекламы. Таким образом, в структуре затрат на коммуникации условно «среднего» рекламодателя в России большая часть приходится на рекламу в сети интернет. При этом за последние 6 лет коммуникационная нагрузка на одного пользователя сети Интернет, выраженная в затратах на маркетинг и рекламу, увеличилась на 110,2 % или в 2,1 раза (рисунок 1)[1].

Рост затрат на маркетинг и рекламу в сети интернет свидетельствует в том числе об увеличении конкуренции рекламодателей в виртуальном медиапространстве. В таких условиях проблема оценки эффективности рекламных кампаний становится одной из приоритетных при их осуществлении.

Процесс оценки эффективности рекламных кампаний, вне зависимости от среды их проведения («он-лайн» или «офф-лайн»), можно условно обобщить, представив его в виде последовательности этапов:

1. Формулирование целей оценки эффективности рекламных кампаний в отношении каждого задействованного канала коммуникации и инструмента рекламы: оценка экономической или коммуникационной эффективности.

2. Определение предметной области оценки: вид рекламы, затраты на рекламу, общие тенденции в поведении потребителя, частные реакции потребителя на рекламные воздействия.

3. Выбор комплекса показателей оценки эффективности рекламы.

4. Сбор информации по результатам проведенных рекламных кампаний.

5. Обработка информации и расчет выбранных показателей.

6. Формулирование выводов об эффективности рекламных кампаний и их совершенствование по необходимости.

---

[1] Интернет в России в 2018 году [Электронный ресурс] / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. М.: 2019. 109 с. URL:http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2019/teleradio/main/custom/0/0/file.pdf (дата обращения: 30.11.2019); Объём рекламного рынка России в 2000-2018 гг., млрд руб., без учёта НДС [Электронный ресурс] / Ассоциация коммуникационных агентств России. URL: http://www.akarussia.ru/node/7849 (дата обращения: 14.11.2019).

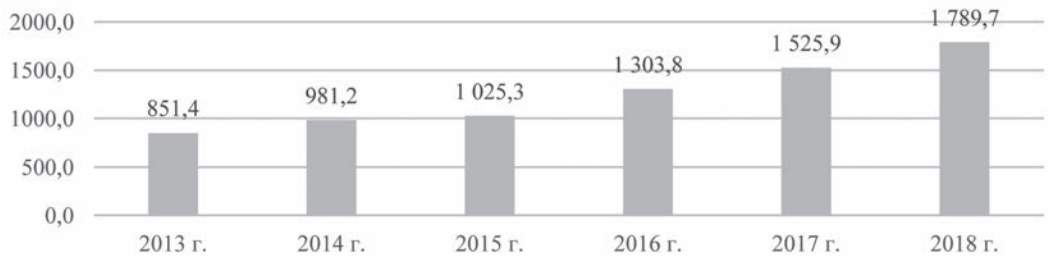

Рисунок 1. Удельные затраты на маркетинг и рекламу в сети интернет на одного пользователя, 2013 – 2018 годы, руб. (рассчитано на основе данных Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, АКАР)

Специфика оценки рекламных кампаний в сети интернет проявляет себя на каждом из приведенных этапов в разной степени. Так одним из основных факторов, требующих принятия во внимание при анализе эффективности рекламных кампаний в сети интернет, является вид интернет-рекламы, в отношении которого проводится оценка. Применяемые методики оценки эффективности и набор показателей будут различаться в зависимости от предметной области оценки: контекстной рекламы, баннерной рекламы, видео-рекламы, таргетированной рекламы в социальных сетях, рекламы в приложениях, нативной рекламы и других видов рекламы в сети интернет. К примеру, оценка эффективности контекстной рекламы по большей части автоматизирована и может настраиваться в зависимости от предпочтений и задач субъекта оценки и функционала поисковых систем. Рассмотрим подробнее некоторые особенности оценки эффективности рекламных кампаний в сети интернет на примере оценки контекстной рекламы.

Цифровой характер одного из самых распространенных видов рекламы – контекстной, значительные возможности современных поисковых систем по анализу активности посетителей виртуальных ресурсов обусловили появление довольно мощных, многосторонних инструментов оценки эффективности данного вида интернет-рекламы. Например, система Яндекс-Директ предоставляет возможность формирования стандартных и адаптированных к запросам субъекта рекламной деятельности отчетов об эффективности контекстных кампаний в сети интернет. Инструмент «мастер отчетов» в названной системе позволяет сформировать глубокую аналитику об эффективности проведенных рекламных кампаний: по половозрастным, региональным критериям, типу устройств пользователя и прочим параметрам.

Инструменты аналитики эффективности интернет-рекламы постоянно совершенствуются, предоставляя субъектам рекламной деятельности качественно новые возможности анализа эффективности проведенных кампаний. Например, система Яндекс-Директ дополнена таким инструментом как «модели атрибуции». Данный инструмент учитывает, что пользователи сети интернет по-разному становятся посетителями того или иного сайта, причем не каждый визит обеспечивает конверсию. Модели атрибуции позволяют понять какие переходы по контекстной рекламе привели к выполнению целевого действия. Так, модель атрибуции «первый переход» в отчете Яндекс-Директ позволяет рекламодателю понять, какие кампании и объявления обеспечили приток потенциальных покупателей на сайт – данный инструмент может использоваться для оценки эффективности изображений и текстов, используемых в рекламных материалах. Модель атрибуции «последний переход» позволяет вывести в отчетах визиты, для которых конверсия произошла после посещения интернет-ресурса (рисунок 2).

Особенности оценки эффективности рекламы в сети интернет определяются также цифровым характером виртуальной сети. Данное обстоятельство обеспечивает субъектов оценки значительно большим информационно-аналитическим массивом в сравнении с оценкой эффективности рекламных кампаний в «офф-лайн» среде.

В процессе оценки эффективности рекламы в сети Интернет особенности проявляются и в содержании показателей коммуникационной и экономической эффективности данной рекламы. В большей степени данные особенности сводятся к необходимости детального анализа реакций пользователя сети интернет или целевых аудиторий, на которые ориентированы рекламные кампании. Например, содержание комплекса показателей коммуникационной эффективности будет определяться: видом интернет-рекламы и особенностями «считывания» системой реакции пользователей на них; целями и глубиной оценки эффективности; спецификой конкретного вида деятельности и моделью потребительского поведения при выборе той или иной продукции.

Как представляется автору, выбор системы оцениваемых показателей и ее содержание будут зависеть от факторов, применимых в большей степени к коммуникационным показателям эффективности рекламных кампаний в сети интернет:

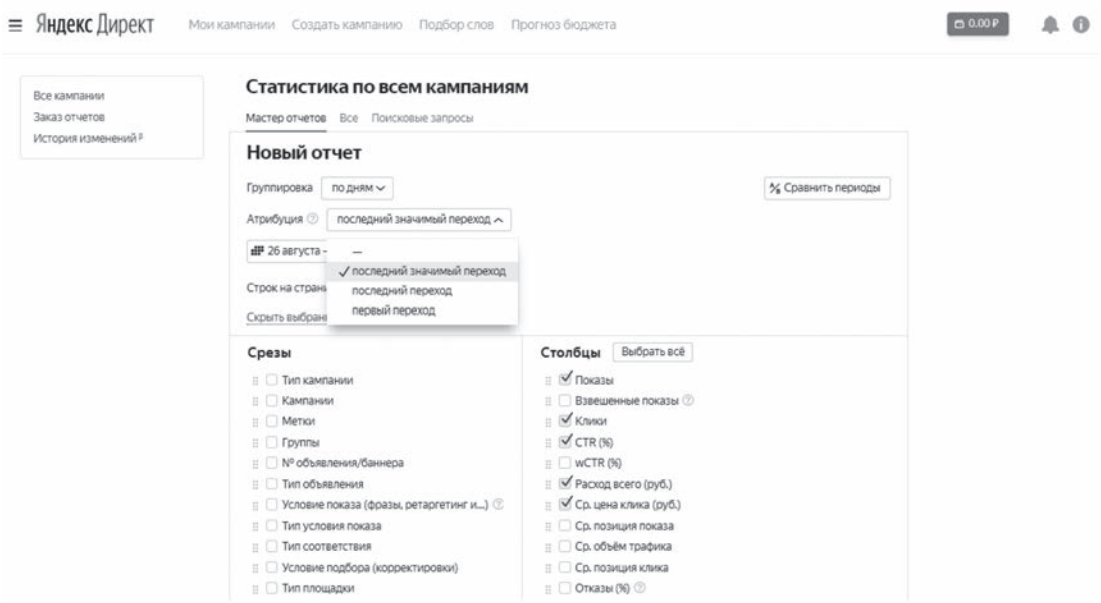

Рисунок 2. Настройка аналитики эффективности рекламных кампаний в сети интернет в системе Яндекс-Директ с применением инструмента «модели атрибуции»

– вида интернет-рекламы в отношении которой используется оцениваемый показатель;

– целей и глубины оценки эффективности (например, в случае ситуативного мониторинга или ограниченности субъектов оценки в ресурсах (временных, финансовых, трудовых) для анализа может использоваться ограниченный круг показателей);

– отрасли и специфики конкретного вида деятельности. Так, один из базовых показателей, участвующих в оценке – целевые (полезные) действия клиента в каждом конкретном случае и специфики коммерческой деятельности в сети Интернет может принимать различные формы: заявка на звонок, количество оформивших заказ в интернет-магазине, число подписавшихся на рассылку, количество просмотревших страницу несколько раз, количество сохранивших страницу, количество запросивших дополнительную информацию, количество скачавших прайс-лист и др. В зависимости от специфики бизнеса, особенностей и технических возможностей конкретного сайта, будут различаться и так называемые «лиды» – или посетители интернет-ресурса, совершившие действия, максимально приблизившие их к совершению покупки, в том числе это могут быть: оставленные посетителями сайта контакты, оформление заявки на сайте, обращение к он-лайн консультанту или звонок в компанию и др. [1].

По мнению автора, в наибольшей степени специфика оценки рекламных кампаний в сети интернет проявляет себя применительно к коммуникационным показателям эффективности. Специфика проявляется и в экономических показателях в той их части, где требуется оценить взаимосвязь между пользовательскими реакциями и затратами субъекта рекламной деятельности.

Подводя итог, можно отметить, что специфика оценки эффективности рекламных кампаний в сети Интернет определяется прежде всего многообразием и особенностями «механики» отдельных видов интернет-рекламы; цифровым характером среды, в которой осуществляются рекламные кампании и особенностями поведения целевых аудиторий-пользователей сети интернет. Приведенные особенности раскрывают специфику оценки эффективности рекламных коммуникаций в сети интернет и требуют учета при формировании научно-практических основ оценки рекламы в виртуальной среде.

Список литературы

1. *Горохова, П.А.* Показатели экономической и коммуникационной эффективности рекламы в сети интернет // Финансовая экономика. – 2019. –№ 10. – С. 467-470.
2. *Егорян, Л.Б.* Методический аппарат оценки интернет-рекламы как инструмента повышения эффективности бизнеса: автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.12 / Егорян Левон Борисович. – Москва, 2016. – 26 с.
3. *Коробейникова, К.А.* Реклама в Интернете: инновационные форматы и оценка эффективности: дис. ... канд. фил. наук : 10.01.10 / Коробейникова Ксения Александровна. – Москва, 2011. – 275 с.
4. *Кутейников, А.А.* Повышение ценности контекстной интернет-рекламы: автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Кутейников Алексей Александрович. – Москва, 2012. – 26 с.

5. *Музыка, А.Ю.* Повышение эффективности интернет-рекламы в системе электронной торговли: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Музыка Антон Юрьевич. – Москва, 2015. – 23 с.
6. *Рахманов, С.С.* Разработка методов повышения эффективности маркетинговых коммуникаций в среде Интернет на основании исследования архетипов потребителей: дис. ... канд. экон.наук : 08.00.05 / Рахманов Сергей Сергеевич. – Москва, 2016. – 172 с.
7. Интернет в России в 2018 году [Электронный ресурс] / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. — М.: 2019. – 109с. URL: http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2019/teleradio/main/custom/0/0/file.pdf (дата обращения: 30.11.2019).
8. Объём рекламного рынка России в 2000-2018 гг., млрд руб., без учёта НДС [Электронный ресурс] / Ассоциация коммуникационных агентств России. URL: http://www.akarussia.ru/node/7849 (дата обращения: 14.11.2019).
9. *Dreze, X. and Hussherr, F.X.,* Internet advertising: Is anybody watching? Journal of Interactive Marketing, 2003. 17: 8-23.
10. *Lim, Y.* The Effectiveness of Online Advertising in Purchase Decision: Liking, Recall and Click. Australian Journal of Basic and Applied Sciences. 5 (9): 1517-1524.
11. *Newman, E.J., Stem Jr. and Sprott, D.E.,* Banner advertisement and web site congruity effects on consumer web site perceptions. Industrial Management & data Systems, 2003. 104: 273 – 281.
12. *Robinson, H., Wysocka A.,* Hand C. Internet advertising effectiveness. The effect of design on click-through rates for banner ads. International Journal of Advertising. The Review of Marketing Communications, 2007. 26: 527 – 541.

References

1. *Gorokhova, P.A.* Indicators of economic and communication efficiency of advertising on the Internet. Financial Economics. – 2019. – No. 10. – Pp. 467-470.
2. *Yegoryan, L.B.* Methodological apparatus for evaluating Internet advertising as a tool for improving business efficiency: autoref. dis. ... Cand. Econ. Sciences: 08.00.12 / yegoryan Levon Borisovich. – Moscow, 2016. – 26 p.
3. *Korobeynikova, K.A.* Advertising on the Internet: innovative formats and performance evaluation: dis. ... Cand. phil. Sciences: 10.01.10 / Korobeynikova, Ksenia Aleksandrovna. – Moscow, 2011. – 275 p.
4. *Kuteynikov, A.A.* Increasing the value of contextual Internet advertising: an abstract of the dis. ... Cand. Econ. Sciences: 08.00.01 / Alexey kuteynikov. – Moscow, 2012. – 26 p.
5. *Musica, A.Yu.* Improving the effectiveness of Internet advertising in the e-Commerce system: autoref. dis. ... Cand. Econ. Sciences: 08.00.05 / music Anton Yurievich. – Moscow, 2015. – 23 p.
6. *Rakhmanov, S.S.* Development of methods for improving the effectiveness of marketing communications in the Internet environment based on the study of consumer archetypes: dis. ... Cand. Econ.Sciences: 08.00.05 / Sergey Rakhmanov. – Moscow, 2016. – 172.
7. Internet in Russia in 2018 [Electronic resource] / Federal Agency for press and mass communications. – Yeah.: 2019. – 109c. URL http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2019/teleradio/main/custom/0/0/file.pdf (accessed 30.11.2019).
8. The volume of the Russian advertising market in 2000-2018, billion rubles, excluding VAT [electronic resource] / Association of communication agencies of Russia. URL http://www.akarussia.ru/node/7849 (14.11.2019).
9. *Dreze, X. and Hussherr, F. X.,* (2003), online advertising: is anyone watching? Journal of interactive marketing, 17: 8-23.
10. *Lim, Y.* The Effectiveness of Online Advertising in Purchase Decision: Liking, Recall and Click. Australian Journal of Basic and Applied Sciences. 5 (9): 1517-1524.
11. *Newman, E.J., Stem Jr. and Sprott, D.E.,* Banner advertisement and web site congruity effects on consumer web site perceptions. Industrial Management & data Systems, 2003. 104: 273 – 281.
12. *Robinson, H., Wysocka A., Hand C.* Internet advertising effectiveness. The effect of design on click-through rates for banner ads. International Journal of Advertising. The Review of Marketing Communications, 2007. 26: 527 – 541.

УДК 658.3, 658.5, 378.4, 378.09, 378.1

Гостев Александр Николаевич,
доктор социологических наук, профессор, профессор каферы Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД, г. Москва,
gostevan@inbox.ru

Демченко Татьяна Сергеевна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Управления персоналом и кадровой политики, Российский государственный социальный университет, г. Москва,
tstarshinova@mail.ru

Демченко Максим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва,
demchenkomv@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ МАЛЫМИ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ВУЗОВ РОССИИ: ИСТОРИЯ, ОПЫТ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ[1]

Аннотация. *В статье показаны результаты социологического исследования опыта и перспектив стратегического управления малыми инновационными предприятиями (далее МИП) ВУЗов России. Анализируется статистика и эффективность отечественных и западных инновационных предприятий, показываются их особенности, проблемы, представляются содержание отечественной и западной систем стратегического управления инновационной деятельностью, правового и организационного обеспечения этого социального феномена. Акцентируется внимание на советских традициях учета и внедрения новых знаний в производство, делается их сравнительный анализ с современным российской и западной практиками. Обосновывается, что эффективность инновационной деятельности вузовских предприятий находится в прямой зависимости от степени встроенности их в традиционное производство региона дислокации. Показываются перспективы малых инновационных предприятий ВУЗов России в условиях становления цифровой экономики и развития электронных информационных систем. В статье применялся комплекс теоретических и эмпирических методов, а также комплексный подход с технологиями системного, структурно-функционального, ретроспективного анализов. Полученные результаты анализировались для установления связей, зависимостей между показателями изучаемых явлений и процессов. Проанализирована динамика создания хозяйственных обществ в России. Выявлены основные причины, затрудняющие развитие МИП при ВУЗах России. Определены направления активизации деятельности МИП и сформулированы условия, при которых обеспечивается качество стратегического управления МИП при ВУЗах в России. Сформулированы выводы и даны практические рекомендации Правительству Российской Федерации, Министерству экономического развития России и Министерству науки и высшего образования России по совершенствованию законодательства в направлении расширения предпринимательских свобод и оптимизации стратегического управления малыми инновационными предприятиями ВУЗов России.*

Ключевые слова: стратегическое управление, малое инновационное предприятие, ВУЗ, история, опыт, перспективы, традиция, научно-производственный комплекс, научно-исследовательские разработки, опытно-конструкторские разработки, территориально-производственные комплексы, цифровая экономика, электронные информационные системы

Alexander N. Gostev,
doctor of sociological sciences, professor, professor kaffirs of the theory and methodology of public administration of Departments of MIA Academy,
gostevan@inbox.ru

Tatyana S. Demchenko,
candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Personnel Management and Personnel Policy, Russian State Social University,
tstarshinova@mail.ru

[1] Работа выполнена в рамках государственного задания № 074-00497-18-01 Минобрнауки России за 2018 год по проекту «Методологическое сопровождение мероприятий по мониторингу и государственному учету малых инновационных предприятий при ВУЗах и научных организациях» (Шифр: 29.12269.2018/12.1).

Maxim V. Demchenko,
PhD in Law, Associate Professor, docent of the Department of Legal Regulation of Economic Operations,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
demchenkomv@mail.ru

STRATEGIC MANAGEMENT OF SMALL INNOVATIVE ENTERPRISES OF RUSSIAN UNIVERSITIES: HISTORY, EXPERIENCE, CONDITION, PROSPECTS

Abstract. *The article shows the results of sociological research of experience and prospects of strategic management of small innovative enterprises (IIP) of Russian universities. Statistics and efficiency of domestic and western innovative enterprises are analysed, their peculiarities, problems are shown, content of domestic and western strategic management of innovation activity, legal and organizational provision of this social phenomenon is presented. Attention is paid to Soviet traditions of teaching and introduction of new knowledge into production, their comparative analysis is made with modern Russian and Western practices. It is justified that the efficiency of innovative activities of university enterprises is directly dependent on the degree of their integration into the traditional production of the region of deployment. Prospects of small innovative enterprises of universities of Russia in conditions of development of digital economy and development of electronic information systems are shown. The article used a set of theoretical and empirical methods, as well as a com-plex approach with technologies of systemic, structural-functional, retrospective analyses. The results were analysed to establish links, relationships between the indicators of the phenomena and processes studied. Dynamics of creation of economic companies in Russia was analyzed. The main reasons for the development of IIP at Russian universities have been identified. The directions of activation of IIP activities are defined and the conditions under which the quality of IIP strategic management at universities in Russia is ensured are formulated. Conclusions and practical recommendations were provided to the Government of the Russian Federation, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation and the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on improving legislation in the direction of expanding entrepreneurial freedoms and optimizing strategic management of small innovative enterprises of Russian universities.*

Keywords. Strategic management, small innovative enterprise, university, history, experience, prospects, tradition, scientific and production complex, research and development, cluster and production complexes, digital economy, electronic information systems

Введение. В настоящее время в мире приоритет имеют те страны, которые разработали и реализуют стратегическое планирование научной деятельности. В этой связи стратегической задачей России является обеспечение научно-технического приоритета, всестороннего участия страны в развитии мировой социально-экономической сферы при сохранении политической независимости, культурных традиций, национальной самобытности. Решение этой задачи невозможно без развития и реализации новых научных знаний. Результаты наблюдения показывают, что современное российское управление инновационной деятельностью в ВУЗах и специализированных организациях не приносит ожидаемого успеха.

Очевидно, что только стратегическое управление способно решить задачу объединения в единый социальный институт фундаментальные и прикладные науки. Как известно, научные достижения, системно изменяющие развитие общества – следствие работы фундаментальной науки. Задача прикладных отраслей – ускорить внедрение новых знаний в различные системные элементы общества. Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что обязательной формой реализации прикладных знаний всегда были и остаются творческие, инициативные, предприимчивые люди и производственные коллективы, аналоги малых инновационных предприятий, традиционно создаваемые при различных научных и образовательных организациях, научно-производственных комплексах.

Стратегическое управление, которое представляет собой наукоемкий, сложный труд субъектов оценки обстановки, прогнозирования, целеполагания, проектирования, программирования, планирования развития МИП России. Как известно содержание стратегического управления разрабатывается Советом Безопасности Российской Федерации совместно с другими институтами общества «с учетом стратегического прогноза Российской Федерации на долгосрочный период, не превышающий периода, на который разработан стратегический прогноз Российской Федерации, и корректируется каждые шесть лет» [1].

Анализ современного состояния сферы деятельности МИП (цифровая инфраструктура ВУЗов, научно-технические разработки, потребности рын-

ка) свидетельствует, что еще есть резервы для повышения уровня качества стратегического управления российской инновационной деятельностью.

Методика. Теоретико-методологическими основами данной статьи стали отечественные и зарубежные концепции стратегического управления разработкой и реализацией инноваций; теории истории образования в России; положения теории социального управления, результаты исследований в области экономики, политики, геополитики; теории мотивации и другие. В исследовании сущности, содержания и практики процесса стратегического управления МИП ВУЗов России для обеспечения достоверности, верификации, точности его результатов были применены теоретические и эмпирическиеметоды исследования.

Результаты. Априори, стратегическое управление на социально-традиционном уровне объективно существовало с тех пор, как организовалось человеческое сообщество. А итоги ретроспективного исследования позволяют доказывать, что основы такого управления инновационной деятельностью объективно, в соответствии с общественными законами, появились в России вместе с созданием первых учебных организаций, которыми, судя по сохранившимся источникам, стали православные духовные академии начала XI века. Безусловно, в системе регулирования образования того времени системообразующим основанием был неформальный (общественный) компонент. Он активизировал развитие университетских вузовских научных обществ.

В настоящее время доказано результатами многих исследований [10; 7], что, например, в конце XIX века крестьянин в Российской Империи имел больше шансов закончить университет, чем его иностранные визави. А царь Николай II лично контролировал развитие высшего технического образования, издавая соответствующие Указы, направлял в эту сферу часть собственных средств. Он создал несколько университетов, много институтов, открыл новые факультеты в старых университетах. На рубеже веков Россия обогнала по количеству высших образовательных организаций «западноевропейские страны и уже между 1904 и 1914 годами стала мировым лидером (вместе с США) в области технического образования, обойдя Германию»[14,с.10]. Т.е., организация стратегического управления в сфере образования в России было лучшей, чем в западноевропейских странах. Уже к началу 1917 года в России действовало 12 Императорских университетов: Московский, Дерптский (Юрьевский), Виленский, Харьковский, Казанский, Санкт-Петербургский, Александровский, Святого Владимира, Новороссийский, Варшавский, Томский, Николаевский. Причем пять таких университетов было учреждено в первые годы правления Александра I, в начале XIX века. Результаты анализа научной литературы [8] позволяют сделать вывод о том, что уже к началу XVIII века в них были созданы прообразы МИП, представлявших собой исследовательские технические кабинеты, экспериментальные лаборатории органической и аналитической химии, астрономические обсерватории и другое. Здесь исследовательская деятельность осуществлялись профессорами, преподавателями и студентами. Научные открытия П.Н. Лебедева, Н.Д. Зелинского, Н.Е. Жуковского, П.Л. Чебышева, Д.И. Анучина и многих других наших соотечественников были сделаны в таких университетских структурах.

Очевидно, что опыт организации стратегического управления инновационной деятельностью, накопленный в России к началу XX века, обеспечил социально-экономические достижения и созданного на его территории нового государственного образования – СССР. Уже с начала 1920-х годов во всех образовательных организациях общества (гражданских, военных, средних, высших, сельских, городских) стали возникать научные организации, главной целью которых определялась инновационная деятельность. Таковыми например стали военно-научное общество (далее ВНО), созданное преподавателями и слушателями активными участниками Гражданской войны в Военной академии Рабоче-крестьянской Красной армии (1926 г.), Общество друзей Воздушного Флота (1923 г.), Общество друзей химической обороны и химической промышленности (1924 г.). После их объединения (создан Осоавиахим) там были образованы секции: сельскохозяйственная, авиационно-промышленная, воздушного флота, военно-научных исследований [7,с.165]. Эта традиция сохранена и развивается в современных Российских Вооруженных силах в форме научных рот. В настоящее время такие подразделения работают в Военно-учебном научном центре Военно-воздушных сил (далее ВУНЦ ВВС) «Военно-воздушная академия», в Войсках воздушно-космической обороны, в Сухопутных войсках, в Восьмом управлении Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, в Военной академии связи, в Медицинской службе ВС РФ, в Военной академии РХБ защиты. Научные роты являются штатными подразделениями Вооруженных сил, предназначенные для выполнения конкретных научно-прикладных задач.

Непосредственно на производственных предприятиях результаты инновационной деятельности (далее РИД) совершенствовались рационализаторами и изобретателями, деятельность которых регулировалась другим стратегическим документом – Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 30 июня 1919 года «Об изобретениях (Положение)»[3]. В результате реализации его содержания уже к 1932 году было создано Всесоюзное добровольное общество рационализаторов и изобретателей, а 10 мая

1934 г. ВЦИК в целях уточнения положений стратегического управления принял постановление «О содействии советам по развитию изобретательства и рационализации на предприятиях» [14, с.14].

В послевоенные годы число таких специалистов (рационализаторов и изобретателей) стало увеличиваться из-за «укрепления творческих связей рационализаторов и изобретателей с учёными ВУЗов» [7, с.165]. Так, в 1948 году по инициативе инженера-технолога Новосибирского завода «Сибсельмаш» С.И.Закревского в Сибири началось движение рационализаторов-миллионеров. Каждый из соревнующихся брал на себя обязательство внести за годы пятилетки рационализаторские предложения с экономическим эффектом один миллион и более рублей (Около 200 млн современных рублей. В год – 40 млн руб.). В июне 1949 г. на заводах города было уже 38 таких рационализаторов [7].

Реализуя в стратегическом управлении принцип системности политическое руководство СССР обеспечило создание эффективного механизма взаимодействия промышленных предприятий с научно-исследовательскими институтами. В результате существовавшая тогда сеть отраслевых научных институтов могла обеспечивать РИД производственные предприятия, располагавшиеся в любом регионе (городе, географической точке) страны, что, безусловно, способствовало увеличению темпа, качества, количества производства народно-хозяйственной продукции, сокращению времени создания новой техники и технологий.

Система научно-производственных организаций (далее НПО) состояла из подразделений, занимающихся прикладными научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками (далее НИОКР), освоением их в производстве конкретной отрасли. А межотраслевую интеграцию науки с производством обеспечивали соответствующие научно-технические комплексы (далее МНТК). В их состав входили специализированные научно-исследовательские институты, опытные заводы, проектные бюро. Эти комплексы решали задачу согласования экономических интересов участников всего инновационного процесса, позволяли обеспечивать концентрацию на приоритетных направлениях значительных материальных и нематериальныхресурсов, что позволило СССР опережающими Запад темпами развивать ядерные технологии, авиационную и космическую отрасли, создавать новые виды военной техники и вооружения.

В стратегическом управлении СССР планировалось создание территориально-производственных комплексов (далее ТПК). Теоретическое обоснование этому экономическому феномену предложил в 1940-х годах российский экономический географ Н.Н. Колосовский (1891–1954). Под ТПК уже тогда понималась совокупность расположенных рядом технологически смежных производств, научных и образовательных организаций (алюминиевый завод, нефтехимический комбинат, гидроэлектростанция, научно-исследовательский институт, ВУЗ и т.д.). Разумеется, в этих организациях (кластерах) возникал не только эффект синергии, но и прослеживалась оптимизация таких свойств систем как организованность, интегративность, эмерджентностъ, целостность, делимость, коммуникативность, иерархичность, иерархичность, многофункциональность, гибкость, адаптивность, надежность, безопасность, структурированность, динамичность и другие. Многие ВУЗы, научно-исследовательские институты кооперировались непосредственно с производственными предприятиями.

Анализ опыта стратегического управления инновационной деятельностью в СССР показал, что необходимыми для деятельности МИП законами, интерпретируя основные научные положения об управлении обществом, должны быть: 1) Соответствие управляющих и управляемых систем инновационной деятельности. Системы должны обладать однообразными структурами и функциональными возможностями. 2) Необходимое разнообразие инновационной деятельности. Разнообразие должно быть комплексное, сочетающее в себе традиционные и инновационные технологии. 3) Единство и целостность системы инновационной деятельности. 4) Обеспечение необходимого числа степеней свободы инновационной деятельности. В настоящее время число степеней ограничивается различными нормативными правовыми актами, обычаями, традициями, мировоззрениями. Здесь нужен баланс свобод. Безусловно, в организации инновационной деятельности действуют системные законы управления: чем сложнее объект, тем разнообразней должна быть структура его регулирования; важная (актуализированная) потребность в инновации должна удовлетворяться специальной структурой. Эти законы будут реализовываться, если следовать принципам регулирования инновационной деятельности: научности, достоверности, традиционности (преемственности), комплексности, системности, мотивации, контроля и других.

Например, сегодня в экономической политике России приоритет имеют не отечественные традиции, следуя которым дореволюционная Россия и в по следующем СССР стали центрами мировой экономики, а западные [10]. Хотя последние изучили, обобщили, адаптировали и применили лучшие российские практики.

Бесспорны и зависимости (закономерности) такой деятельности между: спросом и производством товара, конкуренцией и сбытом товара; разделением труда и плотностью населения (см. ниже анализ численности населения Московского региона), каче-

ством инноваций и подготовленностью кадров [6,9], традициями и инновациями.

Результаты оценки состояния проблемы в России позволяют утверждать, что МИП при ВУЗах не имеют западноевропейского успеха. Анализ показал, что за период 2009-2017 годы в России создано более 2500 МИП, из них 77-тью университетами образовано 1400 [4].

Как видно на рисунке 1 наибольшее количество таких организаций создано в 2011 году, в последующие годы началось их сокращение.

Изучение эффективности университетских МИП показало, что только 300 из 1400 имели максимальные доходы более одного млн рублей (этот факт указывает на локализацию применения инноваций в окружающей территориальной вузовской среде).

На рисунках 2,3 и 4 показаны три группы МИП по величинам доходов: более 100, от 25 до 100, от 1 до 25 млн рублей.

В этой группе одиннадцать МИП. На рисунке не представлен МИП Тюменского индустриального университета, чей доход (1527 млн рублей) своей величиной искажает визуализацию гистограммы.

Всего МИП с доходами от 25 до 100 млн рублей около 40, а от 1 до 25 млн рублей почти 250.

Оставшиеся 1100 предприятий имеют доходы до 1 млн рублей, т.е. можно предположить, что они либо созданы для формального выполнения вышеуказанных нормативных правовых документов, либо стали малоэффективными под воздействием внешних условий (см. ниже отток кадров и другое). Первое утверждение не требует значительного количества обоснований, т.к. более 60% МИП практически не получают доходов, что в рыночных условиях означает «не работают».

Очевидно, что различия в эффективности деятельности МИП обусловлены несколькими основными причинами:

Рисунок 1. Динамика создания МИП [4]

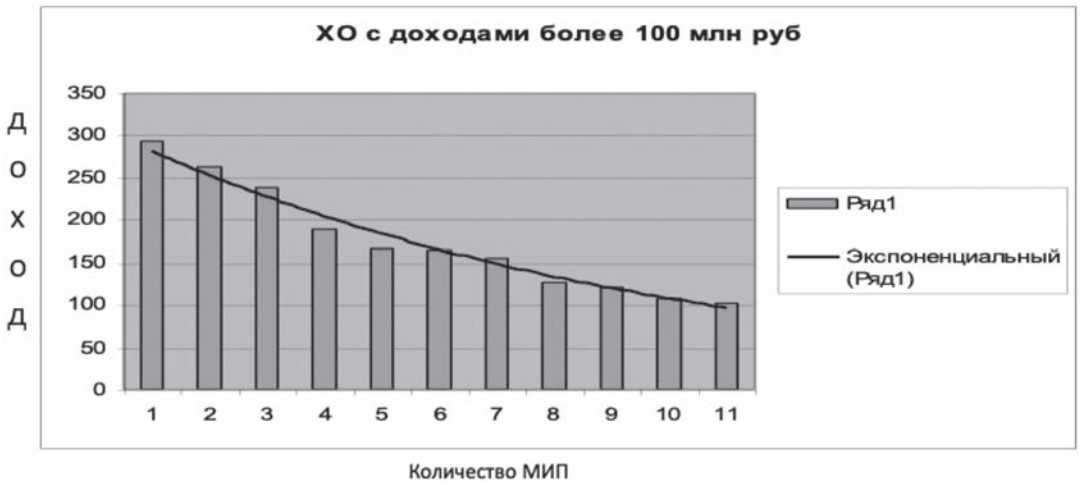

Рисунок 2. Распределение ХО по успешности в группе лидеров с доходами более 100 млн руб. [5]

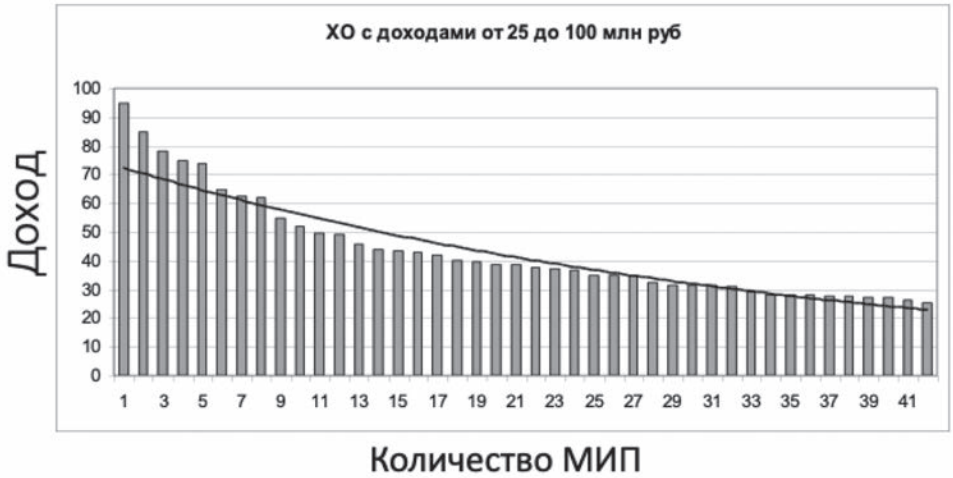

Рисунок 3. Распределение ХО по успешности среди предприятий с доходами более 50 млн рублей [5]

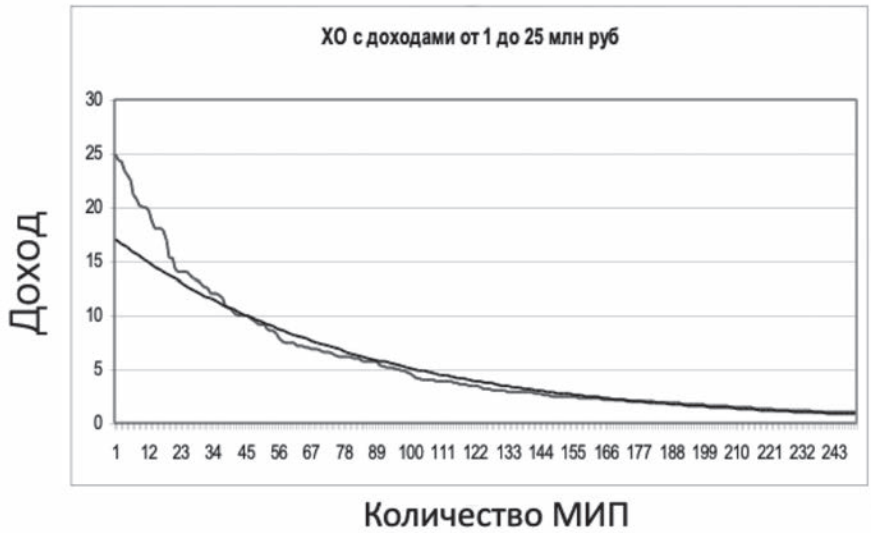

Рисунок 4. Распределение по доходам предприятий в интервале от 1 до 25 млн рублей [4]

1) Нарушениями основных законов, принципов и методов управления инновационной деятельностью субъектов образования и науки[11].

2) Политикой региональных властей в отношении МИП.

3) Качеством управленческого состава МИП (в т.ч. компетентностью в сфере информационных технологий).

4) Уровнем развития экономики регионов, в которых находятся университеты-учредители.

5) Традициями населения в осуществлении предпринимательской деятельности и другими.

В ходе нашего исследования подтвердилось предположение о том, что основной потенциал успешности (величина доходов) МИП – это их «встроенность»в производственные циклы той или иной отрасли экономики. Так, в Тюменском индустриальном университете образовано ООО Научно-исследовательский проектный институт «Нефтегазпроект». Руководство компании «ЛУКОЙЛ» 1 июля 2011 года приняло решение о передаче проектно-изыскательских работ в этот ВУЗ. Организация выполняет полный цикл работ для подготовки скважин к бурению: разрабатывает проекты бурения и обустройства месторождений, организует общественные слушания по определению территорий бурения, составляет документы для Главгосэкспертизы и другое. В штате 400 высококвалифицированных проектировщиков и изыскателей. Здесь разработано 900 проектов с успешным прохождением экспертиз различного уровня, более 400 объектов введены в эксплуатацию [4, с. 20]. Такую же нишу занимает в системе дорожного строительства Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет

(МАДИ). Эта образовательная организация и его МИП занимают монопольное положение в обслуживании дорожной системы города Москвы, что обеспечивает высокие и устойчивые доходы. Он имеет 3 эффективных МИП. Одно из них – «Технопарк МАДИ». Его функции: содействие в создании, поддержке и развитии инновационного предпринимательства; организация малых инновационных предприятий и реализация инновационных проектов; передача технологий от разработчиков в различные сектора промышленности; разработка и организация производства приборов и оборудования; стандартизация и метрология транспортного строительства [8].

В Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова успешно работают в статусе МИП несколько организаций:

- ООО «Центр морских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова». Основная функция – научно-техническое обслуживание компаний, занимающихся эксплуатацией газоконденсатных месторождений в Арктике. Штат – 65 чел.

- ООО «Центр анализа сейсмических данных МГУ». Штат – 52 чел., функция та же.

- ООО «Лаборатория электронных ускорителей МГУ». Разрабатывает и производит ускорители электронов. Ранее оно было научно-производственным предприятием.

- Нефтегазовый научно-исследовательский центр. Вероятно, его уже нельзя классифицировать как МИП, так как интеллектуальный продукт он создает самостоятельно.

На открытый рынок ориентированы 16 МИП университета, из которых доходы в 2017 году имели лишь четыре. Внедрение же результатов интеллектуальной деятельности встречается у семи МИП, но только одно из них имело в 2017 году реальный доход. Все они занимаются оказанием услуг инфраструктурного типа: экономический консалтинг, теплоизоляция, сопровождение исследовательских проектов, лабораторные исследования грунтов и воды.

Еще одним лидером по созданным МИП (31) стал Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева. В его составе работает предприятие ООО «НПЦ «МКА-СибГАУ», занимающееся производством космических аппаратов и радиоэлектронной аппаратуры. По существу, это тоже научно-производственное предприятие, подразделения которого существовали задолго до формирования современной нормативной правовой базы, регулирующей инновационную деятельность. В этой учебной организации 23 МИП в 2017 году не имели доходов.

Как видно из представленного анализа основное количество МИП организовано в центрах промышленного производства. Вероятно, из стратегии обеспечения всего комплекса безопасности государства, включающего более 70 ее видов, этот факт не должен оцениваться положительно, если думать об оборонной составляющей страны, которая актуализируется нарастающим темпом. Так, в настоящее время общая численность населения Московского региона – 20 010 807 чел. (Москва – 12 506 468 чел., Московская область – 7 504 339 чел.) [13]. Всего в России 146 880 432 чел. Площадь региона – 44 329 кв. км, России – 17 126 000. Следовательно, на 0,259% территории России сосредоточено 13,6 % населения. Безусловно, в стратегическом планировании развития МИП ВУЗов России необходимо предусмотреть децентрализацию инновационной деятельности, рассредоточивая научные кластеры на территории крупных градообразующих производств.

Изучение сферы вузовской инновационной деятельности позволяет увидеть причины замедления развития МИП. Одна из них – правовая. Например, не способствует стратегической перспективе их развития предложенное законодателем укрупнение ВУЗов. В настоящее время создано 10 Федеральных университетов и 51 «опорный вуз». (См. выше. Около 100 лет назад в дореволюционной России было 12 Императорских университетов, в США в настоящее время коммерциализацией исследований и разработок занимаются 650 университетов). Опорные ВУЗы, по мнению экспертов из Минобрнауки, приобрели статус инновационных и технологических центров регионов. В то же время, в России 943 градообразующих производственных компаний. В этих городах еще осталась возможность проведения всей последовательности инновационного процесса: восстановить научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, опытные предприятия, испытательные полигоны, соответствующие профилю и специализации средние и высшие учебные заведения [3; 6]. Следовательно, укрупнение ВУЗов (т.е. улучшение инфраструктурного обеспечения) не будет в перспективе способствовать развитию МИП, т.к. основной стимул – «встроенность» подразделений образовательной организации в непосредственное производство. Остановка в развитии МИП добавляет негативных условий и создает дополнительные предпосылки для выезда за рубеж подготовленной в российской системе образования молодежи. Современные российские социальные механизмы не могут полностью остановить отток кадров.

Результаты анализа зарубежного опыта внедрения новых знаний показывают, что стратегическое управление в этой сфере деятельности там принципиально ничем не отличается от российского, согласуется с принципом научности. Особенность же заключается в том, что на Западе приоритет отдается неформальному (гражданскому институционально-

му) уровню управления, т.е. не административному. Например, работающие при ВУЗах Германии центры поддержки малого предпринимательства общества Планка, Фраунгофера, Лейбницане являются государственными структурами, но успешно обеспечивают решение стратегических задач реализации новых знаний через стимулирование создания инновационных предприятий. Их основное предназначение – оказание услуг по консультированию в разработке бизнес-планов, обоснование необходимости государственных и частных инвестиций, разработка технологий внедрения новшеств. В США при ведущих университетах основаны крупные национальные лаборатории, а вокруг них работает так называемый пояс малых и средних предприятий (далее МСП). Именно в университетах проводится большая часть долгосрочных инновационных исследований. Университеты предоставляют инновационные проекты частным лабораториям и промышленным предприятиям. Значительное количество научных открытий и изобретений США было сделано в малых предприятиях, работающих при университетах. Значительная их часть создается самими авторами научных разработок. В результате такой политики деятельность МСП является основной составной частью национальных экономик (Например, США и Великобритании). В этих государствах доля МСП в общем количестве предприятий в 2014 году составила 97,6% и 99,2% соответственно. Сектор МСП в Великобритании составил 4,8 млн предприятий, занятость достигала 78,6% от численности экономически активного населения (около 23 млн чел.), оборот малых предприятий – около 49% оборота Великобритании. Малые предприятия внедряют около 64% коммерческих инноваций. В странах ЕС в целом показатель доли МСП в общем количестве предприятий достигал 92,1% [7].

Итоги стратегического анализа методами SWOT-анализа и PEST-анализа позволяют утверждать, что научно-технический прогресс в сфере информационных технологий и эффективное управление создают условия, которые в среднесрочной перспективе позволят России остановить процесс обезлюживанием восточных и северных территорий, выдвинуться в авангард экономически развитых стран, т.к. они позволяют создавать вертикаль территориально распределенных организаций основных социальных институтов (например, экономики, образования), и таким образом закреплять трудовые ресурсы по месту традиционного проживания, создавая инновационные производства вблизи источников сырья. Например, уже сегодня предприниматели создают распределенные производственные организации, в которых органы управления находятся в Москве или других крупных городах европейской части России, а структурные подразделения в Сибири, Казахстане и других регионах мира. В этой связи подлежат уточнению, пересмотру определения некоторых научных категорий и понятий: социальная группа, производственная группа, групповое взаимодействие и другие.

Очевидно, что МИП будут использовать открывающиеся общественно-экономические перспективы территориальной распределенной деятельности, создаваемые информационными технологиями, а следование опыту западных стран по локализации (концентрации) научно-производственных подразделений будет, как представляется, в скором времени неактуальным.

Такой вывод не должен вызывать большого сомнения хотя бы из-за того, что электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети Интернет, стали частью повседневной жизни россиян [12]. В настоящее время в России к системе предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме подключены около 35 млн человек. Объем экономики российского сегмента информационно-телекоммуникационной сети Интернет по итогам 2017 года превысил 1,5 трлн рублей (3% ВВП), доля интернет-зависимых секторов экономики превысила 19%. Очевидно, что эти и другие факты обусловили разработку и издание Указа Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «Об утверждении стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»[4], одной из задач которой определено формирование национальной цифровой экономики, которая, априори, облегчит поиск, участие, сбыт продукции МИП.

Основные выводы. В настоящее время в мировой экономике рост ВВП обеспечивается новыми знаниями, реализация которых без применения технологий стратегического управления инновационными производственными организациями затруднительна. Россия имеет многовековой опыт подобной деятельности, который обеспечивал ей роль мирового лидера в последние 3-4 столетия.

Российские инновационные знания никогда значительно не отличались от западных ни качеством, ни приоритетом.

Результатом реализации стратегического планирования в СССР были созданы ТПК, которые объединяли в единую систему производительные силы, знания, производство, различные ресурсы.

В США в основе стратегического управления МСП находится неформальный компонент, основанный на инициативе людей, объединенных в производственные организации.

Основными причинами, затрудняющими развитие МИП при ВУЗах России, являются: нарушения основных законов, принципов и методов стратеги-

ческого управления инновационной деятельностью субъектов образования и науки; низкий уровень развития экономики регионов, в которых находятся университеты-учредители; неразвитость традиций населения в осуществлении предпринимательской деятельности и другими.

Основой для активизации деятельности МИП в скором времени будут электронные информационные системы.

Для обеспечения качества стратегического управления МИП при ВУЗах в России созданы правовые условия, но они нуждаются в системном уточнении.

Практические рекомендации.

Министерству науки и высшего образования России:

- организовать комплексные исследования инновационной деятельности в России, для чего в паспортах научных специальностей гуманитарных наук конкретизировать направления исследований;
- разработать критерии и организовать устойчивое взаимодействие образовательных организаций с профильными производственными предприятиями, внести этот показатель в систему аккредитационных нормативов;
- создать электронные информационные системы для обеспечения деятельности МИП.

Министерству экономического развития России и Министерству науки и высшего образования России организовать взаимодействие и сотрудничество производственных и образовательных организаций.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // «Российская газета», № 146, 03.07.2014. Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=287039&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.676364404929421#07524086527686318 (дата обращения: 10.11.2019).
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы // «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, № 20, ст. 2901.
3. Декрет СНК РСФСР от 30.06.1919 «Об изобретениях (Положение)» // «Известия ВЦИК», № 144, 04.07.1919.
4. *Андреев Ю.Н., Лукашева Н.А.* Итоги выполнения вузами программ развития инновационной инфраструктуры в период 2010-2017 гг. // Инноватика и экспертиза. 2018. вып.1 (22). С. 40-53.
5. *Андреев Ю.Н., Лукашева Н.А.* Роль вузов в развитии малого инновационного предпринимательства в России // Инноватика и экспертиза. 2017. вып.3 (21). С. 18-37.
6. *Виниченко М.В., Ушаков Д.С., Демченко Т.С.* Контроль развития кадрового потенциала российских организаций: образование и трудоустройство молодых специалистов // Управление персоналом и Интеллектуальными ресурсами в России. 2017. – № 5 (32)/ 2017. С. 16-20.
7. *Гостев А.Н.* Российские образовательные организации: традиции инновационной деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2018, № 2. С. 164-169.
8. *Демидова С.С.* Система управления производственными компаниями: теоретико-эмпирический аспект // Управление мегаполисом. 2015. Т. 1. № 3 (45). С. 39-46.
9. *Знаменский Д.Ю.* К вопросу о методике оценки научного потенциала университетов. // Управление. 2019. – 7(3):12-20.
10. *Иванова О.А.* Оценка противоречий традиций и инноваций в системе управления высшим образование: социологическое исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-2. С. 95-1.
11. *Кохановская И.И., Наумов Е.Е., Фатыхова А.Л.* Вопросы управления образованием в современных условиях. // Управление. – 2018;- 6(3):11-16.
12. *Юшкина Н.А., Панарина М.А.* Особенности дискурсивной среды как источник создания смысла в онлайн-коммуникации (на примере социальных сетей) // Цифровая социология/DigitalSociology. 2019;2(2):25-33.
13. Российский статистический ежегодник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078. С. 468 (дата обращения: 08.12.2019).
14. *Demchenko T.S., Gostev A.N.* Russian traditions in the system of student government // Russian education and society. 2014. № 4. Т. 56. С. 3-26.

References

1. Federal Law dated June 28, 2014 No. 172-FZ (as amended on December 31, 2017) "On Strategic Planning in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, No. 146, 07/03/2014. Access mode: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=287039&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.676364404929421#07524086527686318 (accessed: 10.11.2019).
2. Decree of the President of the Russian Federation of 05.09.2017 No. 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017 – 2030 // Collection of Legislation of the Russian Federation», 05/15/2017, No. 20, Article 2901.

3. Decree of the SNK of the RSFSR of 06.30.1919 «On inventions (Regulation)» // «News of the All-Russian Central Executive Committee», No. 144, 07/04/1919.
4. *Andreev Yu.N., Lukasheva N.A.* Results of universities implementing innovative infrastructure development programs in the period 2010-2017 // Innovation and expertise. 2018. Issue 1 (22). S. 40-53.
5. *Andreev Yu.N., Lukasheva N.A.* The role of universities in the development of small innovative entrepreneurship in Russia // Innovation and Expertise. 2017. issue 3 (21). S. 18-37.
6. *Vinichenko M.V., Ushakov D.S., Demchenko T.S.* Monitoring the development of the personnel potential of Russian organizations: education and employment of young specialists // Human Resources and Intellectual Resources Management in Russia. 2017. – No. 5 (32) / 2017.S. 16-20.
7. *Gostev A.N.* Russian educational organizations: traditions of innovative activity // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2018, No. 2. S. 164-169.
8. *Demidova S.S.* The management system of production companies: a theoretical and empirical aspect // Management of a metropolis. 2015.Vol. 1. No. 3 (45). S. 39-46.
9. *Znamensky D.Yu.* To the question of the methodology for assessing the scientific potential of universities. // Management. 2019. – 7 (3): 12-20.
10. *Ivanova O.A.* Evaluation of the contradictions of traditions and innovations in the higher education management system: sociological research // Historical and socio-educational thought. 2018.Vol. 10. No. 3-2. S. 95-1.
11. *Kokhanovskaya I.I., Naumov E.E., Fatykhova A.L.* Education management issues in modern conditions. // Management. – 2018; – 6 (3): 11-16.
12. *Yushkina N.A., Panarina M.A.* Features of the discursive environment as a source of creating meaning in online communication (on the example of social networks) // Digital Sociology / DigitalSociology. 2019; 2 (2): 25-33.
13. Russian statistical yearbook [Electronic resource]. – Access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078. S. 468 (date of treatment: 12/08/2019).
14. *Demchenko T.S., Gostev A.N.* Russian traditions in the system of student government // Russian education and society. 2014. No. 4. T. 56. S. 3-26.

УДК 332.1

Миндлин Юрий Борисович,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Экономики, менеджмента и маркетинга, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени им. К.И. Скрябина, г. Москва,
mindliny@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КЛАСТЕРОВ

Аннотация. *В статье рассмотрен и обобщен опыт функционирования кластерных образований в зарубежных странах. Проанализирована динамика субиндекса «уровень кластерного развития» – Индекса глобальной конкурентоспособности стран мира и России. Рассмотрены теоретико-методологические основы становления и развития кластеров.*

Проанализированы мировой опыт их формирования и эффективного функционирования. Определены преимущества объединения предприятий в кластеры и влияние последних на развитие трансферта технологий. Приведены основные препятствия по формированию кластерных структур на современном этапе инновационной модели развития экономик стран мира.

Ключевые слова: кластер, кластерные образования, факторы формирования кластеров, уровень кластерного развития

Yurii B. Mindlin,
PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skrjabin, Moscow,
mindliny@mail.ru

FOREIGN EXPERIENCE OF CLUSTER OPERATION

Abstract. *The article considers and summarizes the experience of cluster formations functioning in foreign countries. The dynamics of the "level of cluster development" sub index – the Index of global competitiveness of the world and Russia-is analyzed. Theoretical and methodological bases of cluster formation and development are considered.*

The world experience of their formation and effective functioning is analyzed. The advantages of combining enterprises in clusters and the impact of the latter on the development of technology transfer are determined. The main obstacles to the formation of cluster structures at the present stage of the innovative model of development of the world's economies are presented.

Keywords: cluster, cluster formations, factors of cluster formation, level of cluster development

Развитие национальных экономик значительно ускоряется на основе инновационных достижений, когда объединяется в единый процесс наука, технологии, техника, производство, экономика и управление для создания новых товаров и услуг. Это гарантирует экономический рост за счет применения знаний и научных инноваций. Инновационная модель развития надежно подтверждает свою эффективность.

Экономический рост стран, которые выбирают эту модель, все меньше зависит от богатства природных ресурсов и дешевизны рабочей силы, а в значительно большей степени определяется развитием интеллектуальной сферы, творческим внедрением ее достижений в производство конкурентоспособной на мировых рынках продукции. Необходимость срочного перехода к инновационному развитию экономики на основе высоких технологий вызвана тем, что экстенсивные факторы экономического роста почти полностью себя исчерпали. Поэтому стратегической задачей для Российской Федерации должен стать переход к новой модели экономического развития – системы, функционирование которой будет происходить под влиянием целенаправленного стимулирования инновационно-инвестиционной перестройки экономики.

Инновационное развитие экономики связано с прогрессивными изменениями в технологии и рабочей силе, а также в формах и методах организации труда, что требует новых подходов к управлению производством и значительных затрат материальных, интеллектуальных и финансовых ресурсов. Внедрение новых производственных систем на региональном уровне с целью повышения эффективности реализации программ экономического и социального развития, как регионов, так и государства в целом является чрезвычайно актуальной проблемой. В современных

условиях управление территориальным развитием на основе создания промышленных кластеров и других производственных систем становится национальной задачей.

Кластерная организация экономической деятельности, начиная с работ Н. Портера, находится в поле усиленного внимания зарубежных ученых, в частности в трудах В. Бандурина, В. Гжегожа, С. Долгова, П. Жозета, Е. Леммера, М. Китинга, Дж. Клегга, В. Прайса, Д. Радеби, А. Ругмана и других. В отечественной научной литературе вопросы, связанные с принципами работы кластеров, проблемы рыночной и централизованной экономик, а также исследования мирохозяйственных отношений рассмотрены в многочисленных трудах М. Войнаренко, С. Крымского, Д. Лукьяненко, И. Михасюка, Р. Мокия, Ю. Пахомова, А. Поручника, Е. Савельева, С. Соколенко, А. Филипенко, О. Шниркова и других.

Интеграция страны в мировую экономику зависит от уровня ее национальной конкурентоспособности, экономического роста в условиях динамических изменений в науке и технологиях, активизации инновационной деятельности, создание благоприятного инвестиционного климата, постоянного развития рыночных механизмов хозяйствования. На этапе таких кардинальных сдвигов развитие кластеров, как действенного инструмента активизации трансферта технологий и повышения конкурентоспособности, является необходимым условием эффективного функционирования экономики. Целью данного исследования является анализ мирового и национального опыта функционирования кластеров и их влияния на расширение трансферта технологий.

В условиях усиления инновационной составляющей экономик стран мира, которая актуализируется под влиянием Промышленной революции 4.0, такой инструмент обеспечения их конкурентоспособности и национальной безопасности, как кластерные образования, становится крайне важным. Ведь именно кластерные образования эффективно обеспечивают возможность экономического развития любой территории, региона или страны в целом и повышают конкурентоспособность конечного продукта производственной деятельности предприятий, входящих в кластеры на рынке. Как свидетельствует анализ результатов деятельности предприятий кластерных образований, именно такие предприятия более склонны производить инновационную продукцию или услуги и, в результате, имеют бóльшую возможность получения максимальной прибыли от своей деятельности. Таким образом, это обусловливает необходимость изучения положительного зарубежного опыта их функционирования и его адаптации в РФ.

Значительные изменения, начавшие происходить еще в середине XX века в мировом хозяйстве, вызвали к жизни новейшие территориально-отраслевые и интеграционные объединения: технопарки, свободные экономические зоны, кластеры. Важнейшим показателем их деятельности является высокая конкурентоспособность на мировом рынке, что обусловливает их высокую устойчивость.

Обобщение и критический анализ существующих подходов позволил выработать собственный подход к трактовке дефиниции «кластер». По мнению автора, кластер представляет собой объединение, сосредоточенных на определенной территории взаимосвязанных предприятий, учреждений или организаций, которые являются представителями бизнеса, науки и государства и, в результате, дополняют друг друга, этим самым достигают максимального хозяйственного эффекта от такого объединения и усиливают конкурентные преимущества таких предприятий в пределах отрасли, региона или страны в целом. Следует отметить, что, если ранее одним из основных признаков кластеризации выступал принцип территориальной локализации, то сейчас в условиях усиления информационно-коммуникационных технологий данный принцип теряет предыдущую значимость.

Несмотря на большое количество трактовок дефиниции «кластер», некоторые авторы определили группу наиболее употребляемых определений, каждое из которых подчеркивает основную цель функционирования и назначения кластера:

- регионально ограниченные формы экономической активности внутри родственных секторов, обычно привязанные к научно-исследовательским институтам, университетам и другим научным учреждениям;

- вертикальные производственные цепочки, узко определенные секторы, в которых смежные этапы производственного процесса образуют ядро кластера. В эту же категорию попадают сети, формирующиеся вокруг головных фирм;

- отрасли промышленности, определенные на высоком уровне агрегации, или совокупности секторов на еще более высоком уровне агрегации.

Далее считаем нужным, рассмотреть основные факторы, которые влияют на формирование кластеров.

По мнению шведского исследователя А. Солвелла, основой любого кластера является баланс двух типов факторов: эволюционных и конструктивных.

К первому типу, то есть к типу эволюционных факторов, относятся объективные условия: географические, исторические и культурные факторы, институционные условия, макросреда и решения отдельно взятых предпринимателей и фирм по формированию стратегии и выбора бизнес-модели. Эти факторы приводят к созданию кластеров по принципу «снизу-вверх».

Конструктивные факторы – это факторы, определяющие развитие и конкурентоспособность кластера. К ним относят: воздействие со стороны государства (региональная, инновационная, кластерная и др.), а также кластерные инициативы, которые формируются в рамках механизма «тройной спирали» (взаимодействие и взаимопроникновение государства, бизнеса и науки) [9].

Кроме того, О. Солвелл и М. Уильямс обращают внимание на то, что целью кластерных организаций как метаорганизаций является формирование определенного сообщества. Для того чтобы это сообщество возникло и в дальнейшем функционировало успешно, должен быть накоплен ряд институционных компонентов:

- уровень доверия, который позволит обмениваться идеями и сотрудничать;
- уровень идентичности, который стимулирует создание и использование сообщества;
- некоторая структура, которая облегчает общение и сетевые связи между фирмами, между фирмами и научными и другими организациями, фирмами и властями;
- уровень постоянного взаимодействия, которое является основой сетевых взаимоотношений и совместных проектов [8].

Кластерный подход используется: при анализе конкурентоспособности государства, региона, отрасли; как основа политики экономического развития; для разработки программ регионального развития; как основа стимулирования инновационной деятельности; как «магнит» для привлечения инвестирования; как основа взаимодействия крупного и малого бизнеса. Основная цель кластера – повысить внутреннюю и международную конкурентоспособность его членов за счет коммерческого и некоммерческого сотрудничества, научных исследований и инноваций, образования, обучения и мер политики поддержки.

Развитие кластеров в рамках одного государства повышает его конкурентоспособность в целом на мировом рынке, что является одной из главных целей деятельности страны. Принципы государственной деятельности, направленные на повышение конкурентоспособности страны, представляют собой фокусирование:

- на создании особых условий для отдельных предприятий или комплексов;
- на строгом соответствии продукта внутренним и международным стандартам безопасности и охраны окружающей среды;
- на определенном ограничении прямой кооперации между соперниками в отрасли;
- на прекращении регулировании конкуренции;
- на проведении сильной внутренней антимонопольной политики;
- на отказе от непосредственного регулирования торговли.

Кластер является уникальной комбинацией фирм и организаций, которые информационно и технологически связаны между собой, географически локализованны, деятельность которых направлена на расширение технико-технологических возможностей участников и повышение региональной или отраслевой конкурентоспособности [10].

Основными преимуществами объединения предприятий в кластеры является:

– возможность привлечения финансовых средств в производство путем объединения совместных финансовых ресурсов предприятий, входящих в кластер;

– обеспечение доступа к информационным ресурсам и обмен информацией о различных аспектах деятельности предприятий соответствующих отраслей;

– планирование работы кластера на перспективу и обеспечение постоянной загрузки предприятий, что дает возможность уменьшать себестоимость продукции и услуг;

– привлечение к работе в кластерах научных, проектно-конструкторских и информационных учреждений и внедрение их разработок, которое позволяет производить продукцию и предоставлять услуги по мировым стандартам, принимать участие в престижных выставках – ярмарках, расширять рынки сбыта продукции;

– доступ к маркетинговым, юридическим, консультативным услугам.

Характерной чертой кластера также является тесное сотрудничество научных и учебных заведений с коммерческими организациями на взаимовыгодной основе, а также их общее влияние на властные структуры для решения актуальных проблем развития региона.

Следствием создания кластера становится совершенствование производства, увеличение количества малых и средних предприятий и рост конкурентоспособности предприятий на внутреннем и мировом рынках.

Среди факторов, которые влияют на развитие и рост промышленных кластеров М. Портер выделяет [5]:

• конкуренцию, поскольку развитию предприятий способствует соревнование между конкурирующими фирмами, которое заставляет фирмы прибегать к использованию и созданию новых технологий, инновационных подходов в ведении бизнеса. Это, в свою очередь, способствует процессу повышения технологий от одной отрасли к другой (происходит цепная реакция), побуждает научно-исследовательскую деятельность и расширяет сферы применения новых знаний и услуг;

• экономику агломерации, которая прослеживается в промышленных кластерах. Так фирмы, которые находятся близко одна от одной, уменьшают затраты на транспортировку продукции и сырья, а также получают доступ к квалифицированным кадрам. Экономика агломераций также может усилить конкуренцию, которая стимулирует обмен информацией, знаниями и технологиями между взаимосвязанными фирмами в кластерах. В свою очередь, обмен технологиями между фирмами приводит к новому рост предприятия, а значит – к общему развитию кластера;

• социальную инфраструктуру, которая помогает обеспечить обмен технологиями и знаниями, что усиливает кластер и обеспечивает его дальнейшее развитие.

Однако другие экономисты утверждают, что развитие кластеров обусловлено взаимодейсвтием между сотрудничающими компаниями и объясняется личными контактами, социальным взаимодействием, обменом технологиями и знаниями, которые в итоге и влияют на общее развитие кластеров.

Мировой опыт создания вертикально интегрированных структур показал, что сотрудничество предприятий определенной отрасли конкретного региона позволяет прекратить потери отечественного рынка в пользу иностранных конкурентов. В этом контексте целесообразно создание инновационно-технологических кластеров, которые получили распространение на рынках высокоразвитых стран, где царит жесткая конкуренция.

Кластеры – это не совершенно новый феномен, который появился во второй половине XX в. Еще в конце XIX в. английский экономист Альфред Маршалл идентифицировал и оценил важность текстильного кластера в районе Манчестера и кластера металлообработки в Шеффилде [7]. В середине XX столетия значительный вклад в дальнейшее развитие кластеров внесли итальянские исследователи и практики, когда в 1946-1947 годах руководство северных провинций страны искало пути к подъему экономики, разрушенной войной. Децентрализованные структуры кластеров и сетей малого и среднего бизнеса стали определяющими в быстрой индустриализации севера Италии. Малые фирмы входили в кластеры, которые специализировались на производстве определенных видов товаров. Более крупные компании на субконтрактной основе подключали кластеры к производству отдельных узлов и деталей для последующей их сборки, в частности на заводах Ferrari, Maseratti, Lamborghini и проч. В провинции Emilia-Romagna система партнерства малых и средних компаний была усовершенствована и стала известной в Италии и за ее пределами как «модель Эмилии». Именно из-за внедрения этой модели многие малые компании Италии смогли включиться в процессы глобализации [1].

Как показывают исследования, крупнейшие кластеры или кластеры, имеющие в своем составе наибольшее количество индустрий или связей с различными учреждениями, чаще всего являются наиболее эффективными. Примерами таких прочных международных кластеров, которые развиваются и расширяются, являются группировки в Лондоне и на Юго-Востоке Англии. В перечень их услуг и видов деятельности входит предоставление финансовых и деловых услуг, производство, путешествия/развлечения/туризм, реклама и музыкальная индустрия в Лондоне, фармацевтика/биотехнология, прикладные научные исследования и разработки, компьютерные услуги и услуги по предоставлению программного обеспечения на Юго-Востоке Англии. Среди вышеупомянутых наиболее мощными кластерами Великобритании являются те, что предоставляют финансовые услуги в Лондоне.

В Великобритании в некоторых регионах появились кластеры в таких сферах, как финансовые услуги, аэрокосмическая отрасль, информационно-коммуникационные технологии и производство мебели. Хотя их также называют кластерами, но на практике они значительно отличаются от вышеупомянутых. Они имеют другие ведущие индустрии, а сила связей и взаимозависимости между ними также совершенно иная. Кроме этого, они отличаются своими размерами. Например, кластеры в сфере текстильного производства и производства одежды по всей стране отличаются по размерам (от 11 000 рабочих в Уэльсе до 80 000 рабочих на Северо-Западе).

Исследования индустриальной базы Южного Йоркшира выявило группировку компаний, работающих в сферах программного обеспечения, дизайна и новых средств информации. Также было выявлено образование новых кластеров в отраслях веб-дизайна, интернет-услуг и Интерактивного развлекательного программного обеспечения. В исследовании также говорится о 3 370 компаний, из которых 1 600 развиваются; 19 000 рабочих и 3 000 тех, кто имеет собственный бизнес; общий товарооборот ориентировочно составляет 1,01 миллиарда фунтов стерлингов [2].

В Кембридже (Англия) и прилегающих к нему территориях, которые вместе известны как Силиконовое Болото, за последние 30 лет возникло много инновационных, высокотехнологичных компаний, известных в всему миру. Также появились компании, занимающиеся информационными технологиями. Совокупность вновь созданных предприятий и компаний, отделившихся от материнских, считается вторым крупнейшим рынком венчурного капитала в мире, который уступает только Силиконовой Долине. В Кембриджском Отчете о Кластерах 2004 года говорится о том, что в первой половине 2004 года этот район получал более чем 25 процентов всех инвести-

ций венчурного капитала, что поступали в Объединенное Королевство, и более 8 процентов общих инвестиций в европейские страны. К сентябрю уровень финансирования приблизился к уровню финансирования 2003 года, когда было получено 150 миллионов фунтов стерлингов. Доходы 890 компаний составили всего 4,6 миллиарда фунтов стерлингов [6].

Польша тоже быстро пошла этим путем. Сначала она провела административно-территориальную реформу, создав 15 воеводств, в каждом из которых есть много возможностей для того, чтобы создавать свои инновационные системы. Например, в Гданьске работает кластер, который занимается биотехнологиями, компьютеризацией, электроникой и телекоммуникациями; в нем участвуют около 60 компаний.

В России существует несколько спонтанных кластеров, образованных вокруг ключевых отраслей промышленности – химической, нефтегазовой, автомобилестроения, металлургии, машиностроения и судостроения [4].

Китаю понадобилось почти 15 лет и огромные внешние инвестиции для создания конкурентоспособных кластеров вокруг ориентированных на экспорт текстильной промышленности, фабрик спорттоваров, одежды, игрушек, посуды и тому подобного.

Однако формирование промышленных кластеров остается сложной задачей. Кластерная модель не возникла в постсоветском обществе, поскольку государственная политика экономического развития фокусировала внимание на приватизации и реструктуризации, а существование «естественных» кластеров становилось между тем все более очевидным. Примером тому может быть разнообразие базаров/рынков, создающих основу для теневой экономики. Такие прототипы коммерческих кластеров действуют очень эффективно. Но, с другой стороны, эта модель не может быть приспособлена к другим, более широким промышленным секторам.

Развитие российского предпринимательства невозможно без взаимного сотрудничества бизнес-структур в отраслях народного хозяйства, а также при условии разнонаправленности векторов направления деятельности предприятий, органов местной власти, научных учреждений.

Практика деятельности существующих технологических кластеров показала, что концепция кластера для инновационного развития предприятий, в том числе и малых, в современных условиях является наиболее эффективной формой ведения бизнеса. Поэтому такая форма организации деятельности предприятий определенных отраслей экономики, имеющих тесные технологические связи производственных процессов со многими предприятиями смежных отраслей, является самой эффективной. Практическое значение имеет внедрение идеи создания кластеров на предприятиях по производству новых видов продукции, организаций завершенного цикла добычи и переработки полезных ископаемых.

Сейчас, большинство стран мира активную реализуют стратегии по формированию кластерных образований. Анализ уровня кластерного развития стран мира целесообразно проанализировать с помощью субиндекса «уровень кластерного развития» – Индекса глобальной конкурентоспособности. Самое высокое значение субиндекса может составлять 7 баллов. В таблице 1 приведено изменение субиндекса за последние 8 лет, в том числе и для Российской Федерации.

Как видно из таблицы, самые высокие позиции субиндекса характерны для Сингапура, Японии, Шве-

Таблица 1.

Анализ субиндекса «уровня кластерного развития» – Индекса глобальной конкурентоспособности в 2011-2012 и 2018-2019 годах

Название страны	в 2011-2012 гг. (0-7)	2018-2019 гг. (0-100)	Изменение уровня позиции		
Тайвань, Китай	5,5	1	80,2	12	-12
Италия	5,3	2	71,5	30	-28
Сингапур	5,2	3	84,8	1	+2
Объединенные Арабские Эмираты	5,2	4	75,0	25	-21
Япония	5,2	5	82,3	6	-1
Финляндия	5,2	6	80,2	11	-5
Швеция	5,1	7	81,2	8	-1
США	5,1	9	83,7	2	+7
Китай	4,7	17	73,9	28	-11
Российская Федерация	4,21	66	66,7	43	+23
Источник: составлено автором по данным [11, 12]					

ции, Финляндии и США – экономики этих стран, как видно из приведенных данных, изменили свои позиции или удержали на уровне, но, безусловно, остались в позициях лидеров. Италия, Китай и ОАЭ очень сильно уступили свои позиции и практически утратили свое лидерство, зато Россия, хотя и не входит до сих пор в топ-10 экономик мира, но за 8 лет продвинулась на 23 позиции мирового рейтинга. Позиция России свидетельствует о низком общем уровне кластерного развития.

Таким образом, стратегия кластеризации становится преобладающей в мире, потому что дает возможность развивать экспорт, привлекать инвестиции, создавать научно-исследовательские разработки, осуществлять трансфер технологий, развивать малый и средний бизнес, стартапы, технопарки, образовательные учреждения и рабочую силу. Именно кластерный подход к экономике позволяет выявить потребности бизнеса, а образованию и государству – эти потребности удовлетворить. При этом следует понимать, что генераторами новых знаний являются как ВУЗы, так и отдельные предприятия и организации, которые одновременно и потребляют профессиональные знания для выполнения определенных профессиональных задач, и создают новые в процессе совершенствования операционного процесса или апробации новых технологий [3]. Однако, как показывает зарубежная практика, кластерные инициативы должны быть индивидуальными для каждой страны и зависят от цели создания таких кластерных группировок как: экономический рост региона, поддержка малого бизнеса и привлечение иностранных инвестиций.

Среди основных препятствий для формирования кластеров в РФ автор выделяет такие:

- отсутствие совершенной законодательной базы по формированию кластеров в рамках национальной экономики;
- несовершенство механизмов реализации правовых норм и правил в отношении региональных инициатив;
- отсутствие четко выраженных кластерных инициатив по формированию кластерной политики;
- несовершенство реальной государственной поддержки и программ развития кластерных систем;
- слабая заинтересованность во внедрении реальных инноваций в экономику;
- отсутствие навыков и опыта эффективного партнерства и непонимание их необходимости для успешного развития у представителей власти, крупного, среднего и малого бизнеса;
- низкий уровень информированности относительно методики формирования структур кластерного типа;
- низкая мотивация к совместной кооперации действий участников кластеров;
- низкая мотивация к объединению конкурентов в пределах потенциального кластера.

Перспективой дальнейших поисков в направлении исследования является детальное изучение взаимосвязи между уровнем кластерного развития страны (индекс Глобальной конкурентоспособности) и национальной конкурентоспособностью с целью проверки гипотезы относительно влияния кластерного подхода на уровень конкурентоспособности страны.

Список литературы

1. *Войнаренко М.* П. Кластеры в экономике: анализ теории и практики: монография. – Хмельницкий: ХНУ, 2018. – 220 с.
2. Европейская кластерная обсерватория. URL: http://www.clusterobservatory.eu.
3. *Ларионова Н.А.* Кластерный подход в управлении конкурентоспособностью региона // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. № 1, Ч. 2. С. 180-186.
4. *Марков Л.* С. Экономические кластеры: понятия и характерные черты // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых : сб. науч. тр. / Под ред. В.Е. Селиверстова, В.М. Марковой, Е.С. Гвоздевой. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2015. Разд. 1. С. 102-123.
5. *Porter M.E.* Location, clusters and the 'new' microeconomics of competition // Business Economics. 1998. Vol. 33-1. P. 7-17.
6. *Roelandt Theo J.A.* Cluster Analysis and Cluster-Based Policy Making in OECD Countries. An Introduction and Theme / Theo J.A. Roelandt, Pim Den Hertog // Boosting Innovation. The Cluster Approach. OECD Publications. Paris, France, 2019. P. 9-23.
7. *Rosenfield S.A.* Bringing business clusters into the mainstream of economic development // European Planning Studies. 2017. Vol. 5-1. P. 3-23.
8. *Solvell O.* Building the Cluster Commons – An Evolution of 12 Cluster Organizations in Sweden 2005-2012 / O. Solvell, M. Williams. Stockholm. Ivory Tower Publishers, 2013. 348 p.
9. *Solvell O.* Clusters: balancing evolutionary and constructing forces. Stockholm, Ivory Tower Publishing, 2018. 452 p.
10. *Swann G.* A comparison of the dynamics of industrial clustering in computing and biotechnology / G. Swann, M. Preveser // Research Policy. 1996. – Vol. 25, issue 7. – P. 1139-1157.
11. World Economic Forum The Global Competitiveness Report 2011-2012. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011-12.pdf

12. World Economic Forum The Global Competitiveness Report 2018-2019. URL:http://www.cdi.org.pe/pdf/IGC/2019/WEF_TheGlobal Competitiveness Report 2019.pdf.

References

1. *Voinarenko M.* P. Clusters in the economy: analysis of theory and practice: monograph. – Khmelnitsky: KhNU, 2018. – 220 p.
2. European Cluster Observatory. URL: http://www.clusterobservatory.eu.
3. *Larionova N.A.* The cluster approach to managing the region's competitiveness // Economic Bulletin of Rostov State University. 2007. No. 1, Part 2. S. 180-186.
4. *Markov L.* S. Economic clusters: concepts and characteristics // Actual problems of socio-economic development: a view of young scientists: Sat. scientific tr / Ed. V.E. Seliverstova, V.M. Markova, E.S. Nailing. – Novosibirsk: IEOPP SB RAS, 2015. Section. 1, pp. 102-123.
5. *Porter M.E.* Location, clusters and the 'new' microeconomics of competition // Business Economics. 1998. Vol. 33-1. P. 7-17.
6. *Roelandt Theo J.A.* Cluster Analysis and Cluster-Based Policy Making in OECD Countries. An Introduction and Theme / Theo J.A. Roelandt, Pim Den Hertog // Boosting Innovation. The Cluster Approach. OECD Publications. Paris, France, 2019. P. 9-23.
7. *Rosenfield S.A.* Bringing business clusters into the mainstream of economic development // European Planning Studies. 2017. Vol. 5-1. P. 3-23.
8. *Solvell O.* Building the Cluster Commons – An Evolution of 12 Cluster Organizations in Sweden 2005-2012 / O. Solvell, M. Williams. Stockholm. Ivory Tower Publishers, 2013.348 p.
9. *Solvell O.* Clusters: balancing evolutionary and constructing forces. Stockholm, Ivory Tower Publishing, 2018. 452 p.
10. *Swann G.* A comparison of the dynamics of industrial clustering in computing and biotechnology / G. Swann, M. Preveser // Research Policy. 1996. – Vol. 25, issue 7. – P. 1139-1157.
11. World Economic Forum The Global Competitiveness Report 2011-2012. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011-12.pdf
12. World Economic Forum The Global Competitiveness Report 2018-2019. URL: http: //www.cdi.org.pe/pdf/IGC/2019/WEF_TheGlobal Competitiveness Report 2019.pdf.

УДК 338.1

Пантелеева Татьяна Александровна,
кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой Менеджмента,
НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», г. Москва,
Tatata070707@mail.ru

Бойков Александр Игоревич,
старший преподаватель кафедры Менеджмента, НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», г. Москва,
imc-itu@mail.ru

АНАЛИЗ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОНЛАЙН-КАСС

Аннотация. *Статья посвящена выявлению факторов, тормозящих внедрение цифровых технологий в деятельность предприятий агропромышленного сектора, на примере практики внедрения онлайн-касс. Актуальность трансформационных процессов цифровизации является наиболее значимой для малого и среднего бизнеса, к которому, большей частью, относятся кооперативные предприятия. Являясь некоммерческими организациями по организационно-правовой форме, кооперативные организации, в своей основе, имеют коммерческую составляющую, что требует от них высокой адаптивности к трансформационным процессам внешней среды. Наиболее наглядным примером возникающих рисков перед сельскохозяйственным сектором экономики является ряд сложностей, с которыми столкнулись данные организации при переходе на использование онлайн-касс. Среди основных проблем можно определить: кадровые риски, связанные с недостатком высококвалифицированных специалистов, низкую квалификацию работников, связанных с решением задач по использованию информационно-коммуникативных технологий; финансовые риски, ограничивающие доступ представителей малого бизнеса в кооперативном секторе к покупке, обслуживанию и внедрению цифровых технологий в деятельность организаций.*

Ключевые слова: цифровая экономика, агропромышленный сектор, онлайн-кассы, риски, экономическая безопасность, информатизация

Tatyana A. Panteleeva,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management,
Institute of World Civilizations, Moscow,
Tatata070707@mail.ru

Alexander I. Boykov,
Senior Lecturer, Department of Management, Institute of World Civilizations, Moscow,
imc-itu@mail.ru

ANALYSIS OF THE INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF ENTERPRISES IN THE AGRO-INDUSTRIAL SECTOR OF THE ECONOMY ON THE EXAMPLE OF USING ONLINE CASH REGISTERS

Abstarct. *The article identifies factors hindering the implementation of digital technologies in enterprises of the agricultural sector, for example, the practice of the introduction of online cash registers. The relevance of the transformation processes of digitalization is most significant for small and medium-sized businesses, which, for the most part, include cooperative enterprises. Being non-profit organizations in their organizational and legal form, cooperative organizations have a commercial component, which requires them to be highly adaptable to the transformation processes of the external environment. The most obvious example of emerging risks to the agricultural sector of the economy is a number of difficulties faced by these organizations when switching to the use of online cash registers. Among the main problems can be identified: personnel risks associated with the lack of highly qualified specialists, low qualification of employees associated with solving problems on the*

use of information and communication technologies; financial risks that limit the access of small businesses in the cooperative sector to purchase, service, and implement digital technologies in organizations.

Keywords: digital economy, agro-industrial sector, online cash registers, risks, economic security, informatization

Одним из путей развития национальной экономики является успешное развитие в области цифровой экономики. Согласно мнению Амировой Э.Ф., Воронковой О.Ю., Пюрвеевой К.А., Шаталова М.А., Сорокиной О.А., в связи с поставленной задачей появляется необходимость в трансформационных механизмах информационной системы, позволяющих сделать ее отвечающей требованиям цифровой экономики [1]. В том числе, необходимые изменения присущи и агропромышленному сектору национальной экономики.

Актуальность исследования определена значимостью внедрения информационно-коммуникативных технологий (далее ИКТ) в деятельность агропромышленных организаций. Как отмечают Линкару С., Пирциог С., Григореску А., Тудосе Г., «внедрение ИКТ сегодня происходит во всех сферах предпринимательской деятельности: банковском, транспортном, торговом секторах» [6].

Цифровая экономика как новая модель развития определяет необходимость модернизации технических, технологических и управленческих операций [3].

Первым вызовом, с которым столкнулся агропромышленный сектор в рамках реализации программы цифровой экономики стала обязанность перехода на использование в своей деятельности онлайн-касс. Данный этап оказался катализатором обозначения целого ряда проблем, в основе которых лежат как финансовые, так и кадровые риски малого и среднего предпринимательства.

Исследование данной статьи основано на изучении современных достижений в области цифровизации, в рамках принятия субъектами корпоративного сектора инвестиционных и управленческих решений. Достижение этого обеспечивается использованием критического анализа литературных источников, общенаучных методов исследования: системного подхода, методов аналогии и абстрактно-логического метода.

Современные рыночные условия определяют базисом успешного развития организации внедрение цифровых технологий в ее деятельность. Особенно актуально это явление для малого и среднего бизнеса, для которых цифровая трансформация представляется одним из ключевых показателей интеграции в новую цифровую экономику страны и мира.

Если крупные корпорации более или менее успешно справляются с данной задачей в контексте наличия финансовых ресурсов и компетентного персонала, то малое и среднее предпринимательство сталкивается со значительными кадровыми рисками при цифровизации своей деятельности.

Являясь некоммерческими организациями, кооперативные сельскохозяйственные организации в своей деятельности имеют коммерческую составляющую, что требует от них высокой адаптивности к трансформационным процессам внешней среды. Одним из наиболее наглядных примеров рисков, возникающих перед агропромышленным сектором экономики, является ряд сложностей, с которыми столкнулись данные организации при переходе на использование онлайн-касс.

На основании законодательных актов Российской федерации переход на онлайн-кассы осуществлялся в три этапа. Так, например, в первую волну попал крупный и средний бизнес. В то же время, переход на онлайн-кассы должны были осуществить остальные категории налогоплательщиков. Ввиду возникновения системных проблем, связанных с внедрением контрольно-кассовых аппаратов нового типа, внедрение было продлено до 01.07.2019 года.

С 01.07.2019 года обязанность применять онлайн-кассы относится к следующим группам организаций и индивидуальным предпринимателям:

– организации, выполняющие работы и оказывающие услуги непосредственно населению;

– организации, которые являются плательщиками ЕНВД, вне зависимости от вида деятельности;

– предприниматели, выполняющие работы и оказывающие услуги, если у них есть наемные работники;

– предприниматели, реализующие покупные товары;

– предприниматели, реализующие товары собственного производства, если у них есть наемные работники;

– ИП, осуществляющие торговлю с использованием торговых автоматов;

– организации и ИП, осуществляющие безналичные расчеты с физическими лицами, которые не являются предпринимателями. Исключение сделано для образовательных, физкультурно-спортивных организаций, различных домов, дворцов и центров культуры при оказании соответствующих услуг населению. А также для ИП, реализующих с рук и (или) лотка входные билеты и абонементы на посещение театров, являющихся государственными или муниципальными учреждениями;

– организации и ИП при приеме оплаты за жилое помещение и коммунальные услуги, включая взносы на капремонт, наличными или банковскими картами, при их предъявлении;

– организации (кроме специализированных потребительских кооперативов и товариществ собственников недвижимости) и ИП при приеме оплаты за жилое помещение и коммунальные услуги, включая взносы на капремонт в безналичном порядке, в т.ч. банковскими картами в удаленном режиме;

– организации и ИП при зачете и возврате предварительной оплаты и (или) авансов;

– организации и ИП при предоставлении займов для оплаты товаров, работ, услуг;

– организации и ИП при предоставлении или получении иного встречного предоставления за товары, работы, услуги;

– организации и ИП при продаже в салоне транспортного средства билетов и талонов для проезда в общественном транспорте (допустимо иметь одну кассу на предприятие).

Исключением являются местности, отдаленные от сетей связи, в данных местностях контрольно-кассовая техника может применяться в автономном режиме, без подключения к сети Интернет.

Наряду с обязанностью по внедрению онлайн-касс, малый бизнес до сих пор сталкивается с рядом проблем по осуществлению кассовых расчетов с использованием контрольно-кассовой техники нового типа. Остановимся на этом более подробно.

Проблемы в этой области можно условно разделить на два больших блока: техническая неподготовленность малого бизнеса и кадровые проблемы, вопросы обученности персонала по использованию онлайн-касс.

Также стоит упомянуть о том, что затраты на внедрение контрольно-кассовой техники превысили ожидаемый минимум. По заявлениям законодателей, данный вид оборудования должен был стоить дешевле касс предыдущего поколения, на деле затраты на приобретение и обслуживания онлайн-касс превышают обозначенный минимум.

Можно выделить следующие примеры конфигураций кассового оборудования и программного обеспечения (далее ПО) в зависимости от масштабов бизнеса и типа торговой точки:

1. Небольшой продуктовый или хозяйственный магазин.

Оптимальная конфигурация: онлайн-касса, 1 или 2 устройства типа Дримкас-Ф, «Эвотор», АТОЛ-90Ф; кассовое ПО не требуется, предустановлено во всех типах решений (в АТОЛ-90Ф — командно-управляемое, на Дримкас-Ф — на базе Linux, в «Эвотор» – на базе Android); товароучетная система на кассе АТОЛ 90-Ф — опционально (данный аппарат совместим, к примеру, с популярными товароучетными решениями от 1С), на Дримкас-Ф и «Эвотор» по умолчанию предполагается интеграция с брендированными решениями от производителя (но возможно подключить кассу и к 1С или аналогам данной системы).

2. Средний по размеру магазин.

Оптимальная конфигурация: онлайн-касса, 2 или 3 компьютерных POS-конфигураций (ПК, фискальный регистратор, периферия); кассовое ПО, устанавливаемое на ПК решения типа Розница365; товароучетная система от производителя ПО (например, Класс365), решения на базе 1С, которые интегрируются с ПО Розница365.

3. Гипермаркет.

Оптимальная конфигурация: онлайн-касса, 5 и более POS-систем (специализированных высокопроизводительных кассовых аппаратов типа «Штрих-POS-Atom»); кассовая программа не требуется (поставляется вместе с ККТ — решения типа ILEXX RTfront 5.0); товароучетная система типа 1С (или базирующаяся на ней брендированная — например, Штрих-М: Кассир v.5).

Если более подробно остановиться на возникших в ходе эксплуатации технических проблемах, то на этапе внедрения организация сталкивается с рядом следующих проблем:

– выбор модели кассового аппарата нового поколения, рынок предлагает массу вариантов. Несведущий руководитель вынужден прибегать к помощи либо третьих лиц, либо идти по пути наименьшего сопротивления и приобретать технику, навязанную ему.

– вопросы интеграции онлайн-кассы с внутренними информационными системами; самым простым примером могут выступать бухгалтерские системы, не говоря уже о ERP-системах и т.д.

– совместимость с программным обеспечением торгового оборудования, например, с эквайринговыми автоматами.

– стабильное подключение к сети Интернет.

Вопросы интеграции онлайн-касс во внутреннюю информационную среду, несмотря на добавление неудобств организациям, способствуют общей цифровизации бизнеса. Как следствие, предприятие может переходить к следующему этапу – переходу на электронный документооборот, что, в свою очередь, плодотворно отразится на финансовых и временных затратах в будущем.

Что касается стабильности предоставления Интернета, то такая необходимость есть. Исключением будут являться местности, отдаленные от сетей связи. В данных местностях контрольно-кассовая техника может применяться в автономном режиме. В случае временного отсутствия подключения к сети Интернет, по объективным техническим причинам, налоговые органы претензий предъявлять к организации не будут.

При переходе на онлайн-кассы пользователь сталкивается с несколькими группами проблем, которые требуют регулярной доработки программ:

– кассовую программу необходимо интегрировать с внутренней товароучётной системой;

– приходится фиксировать продажи потоварно, учитывая дифференцированные скидки и разные налоговые ставки;

– если применяются разные ККТ, то требуется расширять протоколы взаимодействия кассовой программы с каждой кассой;

– быстро реагировать на изменения в протоколах передачи данных в Федеральную налоговую службу;

– шаблон чека зависит от самого кассового аппарата, возможность настраивать чек согласно пожеланиям ретейлера ограничена;

– чтобы отправлять электронную копию чека покупателю, следует протестировать разные смс-шлюзы, предусмотреть в программе ввод адреса и отправку по электронной почте;

– требуется интегрировать кассу, сайт, учётную систему, платёжные агрегаторы.

И если технические вопросы были решены, в той или иной мере, то на следующем этапе кооперативный сектор сталкивается с рядом организационных проблем. Вопрос обученности персонала представляется одной из основных проблем в данной области.

Следует согласиться с исследователями Сычевой И. Н., Чернышовой О. В., Пантелеевой, Т. А., Моисеевой О. И., Чернявской С. А. в том, что повышение конкурентоспособности предприятия, в том числе, в контексте использования ИКТ, зависит от степени развития профессиональных и непрофессиональных компетенций сотрудников [2]. Поэтому особую значимость приобретает формирование в кооперативном секторе человеческого капитала, базисом которого выступают социально-экономические отношения, определяющие теоретико-методологические основы и принципы формирования в современных условиях, как утверждают Астраускайте И. и Пашкявичюс А. [4].

Несмотря на заявления официальных лиц, что специального обучения для операционистов онлайн-касс не требуется, в реальности выявляется значительный сектор проблем, определённых элементарной компьютерной неграмотностью сотрудников малых предприятий. Особенно эти проблемы становятся явными в аграрном кооперативном секторе. В связи с глобальной урбанизацией, профессиональных кадров в глубинке остается все меньше, на удаленных от агломераций территориях вопрос качественного обслуживания и использования онлайн-касс становится наиболее острым.

Ведение электронного документооборота для таких организаций сводится к функционалу, как правило, одного-двух сотрудников.

В этих условиях таким организациям приходится решать ряд вопросов, стоящих и перед крупными организациями.

1. Качественный выбор контрольно-кассовой техники функционально возлагается либо на главного бухгалтера, либо учредителя организации. Зачастую эти люди не обладают достаточным уровнем знаний для принятия оптимального решения, ввиду чего появляется необходимость получения новых образовательных компетенций.

2. Вопрос набора квалифицированных кадров (кассиров) в таких организациях тоже становится непростой задачей. Повсеместное повышение возрастного уровня кадрового потенциала не способствует широкому спектру предложений на рынке труда, что в свою очередь выявляет необходимость разработки обучающих программ с учетом специфики данного кадрового состава.

3. Ряд организационных вопросов, связанных с получением электронной подписи, открытием личного кабинета в налоговой инспекции, заключением договоров с сервисными центрами возлагается на руководителя организации. В данной связи, как нам кажется, должна проводиться политика помощи накапливания образовательных компетенций у данных категорий руководителей.

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что успешная реализация программы внедрения цифровой экономики в Российской Федерации требует устранения определенного круга проблем, возникающих на пути агропромышленного сектора. Среди основных определяются: кадровые риски, проявляющиеся в отсутствии высококвалифицированных IT – специалистов или низкой квалификации работников, связанных с решением задач по внедрению ИКТ; финансовые риски, ограничивающие доступ малых форм кооперативного сектора к покупке, обслуживанию и внедрению цифровых технологий в деятельность организаций. При переходе агропромышленного сектора на онлайн-кассовое обслуживание, требуется системный подход для обеспечения качественного обучения персонала, работающего с контрольно-кассовой техникой нового поколения.

Список литературы

1. *Amirova, E.F., Voronkova, O.Yu., Pyurveeva, K.A., Shatalov, M.A., Panteleeva, T.A., Sorokina, O.A.* (2018). Functioning of agroindustrial complex in the conditions of digital economy. International Journal of Mechanical Engineering and Technology, 9(13), 586-594.

2. *Goloshchapova, L.V.,* Plaskova, N.S., Prodanova, N.A., Yusupova, S.Y., Pozdeeva, S.N. 2018. Analytical review of risks of loss of profits in cargo transportation. International Journal of Mechanical Engineering and Technology, 9(11), 1897-1902.
3. *Sycheva, I.N., Chernyshova, O.V., Panteleeva, T.A., Moiseeva, O.A., Chernyavskaya, S.A., & Khout, S.Y.* (2019). Human Capital as a Base for Regional Development: A Case Study. International Journal of Economics and Business Administration, 7(Special Issue 1), 595-606.
4. *Voronkova, O.Y., Zadimidcenko, A.M., Goloshchapova, L.V., Polyakova, A.G., Kamolov, S.G., & Akhmetshin, E.M.* (2018). Economic and mathematical modeling of regional industrial processes. European Research Studies Journal, 21(4), 268-279.
5. *Астраускайте, И., Пашкявичюс, А. Astrauskaitė, I., Paškevičius,* А. Анализ краудфандинговых проектов: KPI к успеху. Предпринимательство и вопросы устойчивого развития, 6(1) 2018), – с.23-34.
6. *Кузнец С.* Экономический рост и структура: избранные очерки, Нью-Йорк. 1965.
7. *Линкару С., Пирциог С., Григореску А., Тудосе Г,.* Кластеры с низким-низким (LL) уровнем человеческогокапитала в сфере государственного управления занятостью – Предиктор приоритета государственных инвестиций в цифровую инфраструктуру. Румынское тематическое исследование, предпринимательство и вопросы устойчивого развития, 6(2) 2018, – с.729-753.
8. *Нойес, Э., Линдер, Б.* Развитие предпринимательского потенциала студентов для создания социальных предприятий. Журнал предпринимательского образования, 18(2), 2015 – с. 113-124.

References

1. *Amirova, E.F., Voronkova, O.Yu., Pyurveeva, K.A., Shatalov, M.A., Panteleeva, T.A., Sorokina, O.A.* (2018). Functioning of agroindustrial complex in the conditions of digital economy. International Journal of Mechanical Engineering and Technology, 9(13), 586-594.
2. *Goloshchapova, L.V., Plaskova, N.S., Prodanova, N.A., Yusupova, S.Y., Pozdeeva, S.N.* 2018. Analytical review of risks of loss of profits in cargo transportation. International Journal of Mechanical Engineering and Technology, 9(11), 1897-1902.
3. *Sycheva, I.N., Chernyshova, O.V., Panteleeva, T.A., Moiseeva, O.A., Chernyavskaya, S.A., & Khout, S.Y.* (2019). Human Capital as a Base for Regional Development: A Case Study. International Journal of Economics and Business Administration, 7(Special Issue 1), 595-606.
4. *Voronkova, O.Y., Zadimidcenko, A.M., Goloshchapova, L.V., Polyakova, A.G., Kamolov, S.G., & Akhmetshin, E.M.* (2018). Economic and mathematical modeling of regional industrial processes. European Research Studies Journal, 21(4), 268-279.
5. *Astrauskaitė, I., Paškevičius, A.* (2018). An analysis of crowdfunded projects: KPI's to success. Entrepreneurship and Sustainability Issues, 6(1), 23-34.
6. *Kuznets, S.* 1965. Economic Growth and Structure: Selected Essays, N.Y.
7. *Lincaru, C., Pirciog, S., Grigorescu, A., Tudose, G.* 2018. Low-Low (LL) High Human Capital Clusters in Public Administration Employment – Predictor for Digital Infrastructure Public Investment Priority. Romania Case Study, Entrepreneurship and Sustainability Issues, 6(2), 729-753.
8. *Noyes, E., & Linder, B.* (2015). Developing undergraduate entrepreneurial capacity for social venture creation. Journal of Entrepreneurship Education, 18(2), 113-124.

УДК 330.16

Салихов Борис Варисович,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Теории регионоведения,
Московский государственный лингвистический университет, город Москва,
mgsusalikhov@yandex.ru

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ СТАГНАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Цель статьи состоит в обосновании неолиберализма как идеологии долговременной социально-экономической стагнации. Релевантным методологическим базисом исследования является логико-гносеологический анализ взаимосвязи экономической идеологии и хозяйственной динамики в рамках единства исторического и логического, а также качественного и количественного подхода к проблеме. Новизна интегральных выводов и положений, характеризующих системные результаты исследования, состоит, прежде всего, в конкретизации и актуализации роли идеационного подхода к исследованию «вековой стагнации» социально-экономического развития; кроме того, обосновывается системный провал неолиберальной идеологии и монетарной практики как аксиологического и практического базиса современного развития. Теоретическое и прикладное значение статьи заключается в выводе о необходимости разработки нового идеологического концепта, призванного заменить идеологию неолиберализма на научный концепт гуманистической экономики.*
Ключевые слова: неолиберализм, экономическая идеология, стагнация, социально-экономическое развитие, гуманистическая экономика.

Boris V. Salikhov,
Doctor of Economics, Professor, Professor of theory regional studies department,
of the Moscow state linguistic University, Moscow,
mgsusalikhov@yandex.ru

NEOLIBERALISM AS AN IDEOLOGY OF STAGNATION OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Annotation. *The purpose of the article is to substantiate neoliberalism as an ideology of long-term socio-economic stagnation. The relevant methodological basis of the research is a logical-epistemological analysis of the relationship between economic ideology and economic dynamics within the unity of historical and logical, as well as qualitative and quantitative approaches to the problem. The novelty of the integral conclusions and provisions that characterize the system results of the research consists, first of all, in concretizing and actualizing the role of the ideational approach to the study of the "age-old stagnation" of socio-economic development; in addition, the systematic failure of neoliberal ideology and monetary practice as an axiological and practical basis for modern development is justified. The theoretical and applied significance of the article lies in the conclusion that it is necessary to develop a new ideological concept designed to replace the ideology of neoliberalism with the scientific concept of humanistic Economics.*
Keywords: neoliberalism, economic ideology, stagnation, socio-economic development, humanistic economy

Введение и гипотеза исследования

Явление «вековой стагнации» мирового и регионального социально-экономического развития, о котором говорят современные исследователи, становится все более дисперсным и многозначным [5, 12]. Длительное замедление темпов роста ВВП в странах, прежде всего, лидирующей группы, ускоряющаяся деструкция мирового и регионального человеческого и природного капитала, неоправдавшиеся ожидания производственной «мощи» цифровой революции, углубляющееся межстрановое и внутристрановое неравенство, неуклонный и ускоренный рост глобальной задолженности, а также другие обстоятельства позволяют констатировать, что у тезиса о «вековой стагнации» можно убрать кавычки, ибо лингвистическая метафора уже давно превратилась в объективную формулу современной социально-эко-

номической практики [5, 7]. Сформировалась устойчивая тенденция стагнации социально-экономического развития, подтверждением которой могут быть данные таблицы 1.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в странах лидирующей группы за последние три десятилетия темпы роста ВВП сократились от 2,5 до 3,5 раз. Это особенно заметно в государствах еврозоны, где за исследуемый период сокращение темпов роста ВВП составило 3,3 раза. При этом еще более информативным является показатель совокупной факторной производительности (далее СФП), фиксирующий системную и взаимосвязанную результативность не только человеческого, вещественного и природного капитала, но и технико-технологической переменной «*A*» в производственной макроэкономической функции ($Y=\boldsymbol{A}K^{a}N^{1-a}$). Названная технико-технологичексая перменная «*A*» интегрирует в себе весь перечень явных и неявных знаний, экономических и неэкономических факторов, прямо и непосредственно определяющих качество и функциональность новых политико-экономических идей, ментальных моделей, социокультурных условий, формальных и неформальных институтов, организацию и управление воспроизводством, а также многие другие условия и детерминанты социально-экономического развития.

Четко выраженная негативная долговременная динамика СФП в странах-лидерах, особенно в Великобритании, где СФП вышла за пределы положительных оценок, свидетельствует не о фрагментарных «текущих» проблемах хозяйственной динамики, что часто «объясняют» кризисными циклами экономического развития, а о системных дисфункциях хозяйственного механизма, имеющего общую идеологическую, теоретико-методологическую и научно-практичекую основу. *Эффект убывающей отдачи от СФП* здесь стал устойчивой тенденцией, заключающей в себе реальный потенциал перерастания в системную деструкцию всего производительного капитала, как регионального, так и мирового. Причем, отмеченное длительное замедление темпов роста ВВП и СФП является не только свидетельством системных провалов действующей экономической идеологии неолиберализма, взятой «на вооружение» всеми странами лидирующего развития в 80-х годах прошлого столетия, но и неспособности дисциплинарной матрицы этой идеологии релевантно отразить и интерпретировать новые императивы развития личности, общества и цивилизации в целом.

Следовательно, *гипотезой исследования* является предположение о том, что долговременная стагнация мировой и региональной экономики закономерно предопределяется именно действующей экономической идеологией неолиберализма с присущей ей системой монетарно-плутократических (властно-денежных) ценностей и смыслов. Несмотря на то, что показатели Таблицы 1 свидетельствуют об угасающей функциональности онтологии (идеология и политико-экономические решения), феноменологии (управленческие «правила игры») и праксиологии (бизнес-решения) идеологии неолиберализма, доказательство гипотезы требует решения следующих творческих задач. *Во-первых,* необходимо конкретизировать роль и значение экономической идеологии в социально-экономическом развитии как таковом, независимо от того или иного его исторического этапа. *Во-вторых,* критически важным является логико-гносеологическое доказательство онтологической «причастности» именно идеологии неолиберализма к системной стагнации современного развития социума и экономики.

Методологическая парадигма анализа

Методология исследования непосредственно связана с трактовкой сущности ключевых понятий и характеристикой дисциплинарной матрицы логико-гносеологического анализа. Качественная определенность основных понятий в «снятом виде» заключает в себе весь последующий аналитический потенциал, поскольку «сущность является» и предстает в виде функциональных форм и отношений. Дисциплинарная матрица исследования характеризует качественную целостность подхода к проблеме в рамках

Таблица 1.

Динамика ВВП и совокупной факторной производительности в основных странах-лидерах (в %) [8, с. 97]

Страна		1913-1950	1950-1975	1975-1995	1995-2005	2005-2015
США	ВВП	3,3	3,5	3,2	3,4	1,4
	СФП	2,5	1,8	1,1	1,8	0,6
Страны еврозоны	ВВП	1,0	5,1	2,5	2,0	0,6
	СФП	1,2	3,6	1,8	0,7	0,2
Великобритания	ВВП	1,3	2,9	2,4	3,0	1,0
	СФП	1,2	1,8	1,8	1,6	-0,1

некоторого объектного пространства и предметного «поля». Под *экономической идеологией* резонно понимать систему научных взглядов и ключевых положений, интегрированных в идеологические концепты, отражающие нормативное «должное» в качестве некой «идеальной» социально-экономической модели. Экономическая идеология есть, прежде всего, представление ее создателей о релевантных ценностях определенного социально-экономического идеала, заключающего в себе также и механизм его формирования и последующего развития. При этом *экономическое мировоззрение* предстает лишь в качестве «сущего», характеризуя систему взглядов субъекта на функционирующий мир социально-экономических явлений (реальное экономическое устройство общества), а также на свое место в этом мире [5].

Экономическое мировоззрение может быть шире по объему и богаче по смысловому потенциалу именно в рамках исследования и характеристики «сущего», чем экономическая идеология, устремленная к проектной системе «должного». Между тем, феномен экономической идеологии, содержащий в себе четко артикулированную и ясно выраженную цель социально-экономического развития, определяет качество «системы процесса» и «системы среды» как средства и условия ее достижения. Следовательно, экономическая идеология видится более *энергетически действенным* явлением, чем экономическое мировоззрение. Более того, экономические идеи «выше» и собственно экономических интересов. Дж. Кейнс подчеркивал, что «сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей» [9, с. 350]. Верифицированность определенного идеологического концепта и его признание частью научного сообщества, приводит к становлению новой научной парадигмы и развитию так называемой нормальной науки [13], в рамках которой формируются релевантные проектные модели как такового развития.

К примеру, проектная модель экономической идеологии неолиберализма основывается на следующих ключевых постулатах, составляющих ядро современной неоклассики. *Во-первых,* идеология неолиберализма исходит из *безусловного приоритета интересов личности как воинствующего индивида, относительно интересов гражданского общества и всей человеческой цивилизации.* В социально-экономическом плане это означает безусловность приоритета системы частного присвоения и частной собственности, по отношению к системе общей и/или цивилитарной собственности. При этом непрерывно воспроизводящийся дисбаланс частных и общих интерсов объективно не может способствовать высокой эффективности хозяйственной деятельности [1, 2]. Известное суждение Ф. Хайека о либеральном «индивидуализме истинном», который «гармонично связан с интересами общества» [22] едва ли видится обоснованным, поскольку практика свидетельствует об обратном: приоритет частных целей и интересов закономерно приводит к системиной деструкции общественного сектора экономики.

Во-вторых, неолиберальный идеологический концепт, именно в своем теоретическом обосновании проектной неоклассической социально-экономической модели, исходит из *«мифической абстракции» о способности воинствующего индивида высокоэффективно решать оптимизационные задачи* в сфере выбора наилучшей альтернативы экономической деятельности, при этом всегда осуществляемой при *полной занятости факторов производства.* Однако еще Дж. Кейнс отмечал, что «постулаты классической теории применимы не к общему, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных состояний равновесия. Более того, характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живем, и поэтому их проповедование сбивает с пути и ведет к роковым последствиям при попытке применить теорию в практической жизни» [9, с. 11].

В-третьих, неолиберализм исходит из *безусловного приоритета свободного рынка с его «невидимой рукой»,* априори «верно» указывающей «путь» социально-экономического развития [20]. Здесь не производство реальных ценностей, а фаза обмена и денежный сектор экономики становятся основными. Наряду с воинствующим индивидуцализмом и приритетом частного интереса над общим, это закономерно приводит к первенству экономики «денег» над экономикой «хлеба». Более того, институционализируется механизм получения «быстрых и коротких» денег, а не «долгих и длинных», связанных с инвестициями, прежде всего, в фундаментальную науку и наукоемкое производство. Стремление экономических агентов к быстрой и большой прибыли превращает их в активных искателей «плохой» ренты, прежде всего, за счет хищнического потребления человеческого и природного капитала, а также межстрановой дискриминации. Очевидно, что смитианская «невидимая рука» уже давно «указывает не туда», куда это было бы действительно необходимо [1, 2].

В-четвертых, экономическая идеология неолиберализма не содержит в себе потенциал созидательности, нового *смыслопроизвдства и действительных гуманистических ценностей.* Вся система отношений нацелена, с одной стороны, на максимизацию утилитарных потребностей воинствующего индивида, что приводит к господству менталитета безудержного потребительства. С другой стороны, конкурентный рынок всегда будет изыскивать лю-

бые возможности для наращивания своих монетарно-плутократических «мощностей» для оправдания надежд растущего и всеобщего потребительства. В результате, вместо экономики «хлеба», формируется и расширенно воссоздается не только экономика «денег и зрелищ», сопровождаемая эрозией созидательных смыслов, размыванием ноосферных ценностей и неудержимо превращающаяся в хозяйственного Левиафана третьего тысячелетия. В связи с этим, справедливо сказано, что лечить следует уже не только экономику, а лечить необходимо человеческую цивилизацию, пораженную «вирусом» всеобщего потребительства [1, 4]. Таким образом, *экономическую идеологию неолиберализма резонно определить как систему научных идей, основанных на безусловном приоритете ценностей индивидуализма, частного интереса и монетарно-рыночной модели воспроизводства.*

Методологический ракурс исследования влияния неолиберализма на социально-экономическое развитие также непосредственно связан с однозначным пониманием феномена стагнации, представляющей собой «застойный» рост подушевого ВВП, то есть менее 2% в год [7]. Примечательно, что современные прогнозные оценки ученых и монетарных властей США в сфере роста подушевого ВВП страны не превышают двухпроцентного уровня (таблица 2), что прямо свидетельствует о падающей социально-экономической эффективности неолиберальной идеологии и воинствующего монетаризма.

Представленный прогноз свидетельствует о стагнации социально-экономического развития, поскольку рост подушевого ВВП менее чем 2% в год свидетельствует о переходе экономики в режим простого воспроизводства. При этом общественно нормальному уровню экономического роста должен соответствовать 3,5-4,0-х процентный ежегодный темп прироста ВВП. Неутешительный прогноз долгосрочного развития экономики стран лидирующей группы свидетельствует о том, что в рамках действующей неолиберальной идеологии и релевантной научно-практической парадигмы преодолеть тенденцию социально-экономической стагнации едва ли представляется возможным [5,7,8].

В свете сказанного, важнейшим методологическим и методическим аспектом анализа является *сознательное усложнение предметного «поля» исследования,* что предполагает учет ключевых звеньев геосоциальной системы национальных и региональных сообществ [14, 19] (это позволит наиболее полно учесть все факторные «ингредиенты» в переменной «*A*» ранее упоминавшейся макроэкономической функции). Методология системной парадигмы, учитывающая единство внешних условий и внутреннего многообразия рассматриваемых объектов, здесь представляется наиболее релевантной дисциплинарной матрицей для наиболее полного исследования проблемы, а также для тестирования результатов развернувшейся научной дискуссии на предмет ее соответствия требованиям геосоциального и междисциплинарного подхода [10, 18].

Ретроспектива обсуждения проблемы и результаты

Результаты предметной дискуссии о причинах «вековой стагнации» свидетельствуют о том, что объективация положений неолиберальной идеологии, выраженной в социально-экономических доктринах стран лидирующей группы и в рекомендациях «вашингтонского консенсуса», не приводит к ожидаемому высокому результату в сфере обеспечения устойчивого и прогрессивного развития [6, 16]. В связи с этим, в современной дискуссии о проблемах социально-экономического развития появляется все больше сторонников подхода, в рамках которого именно идеология рассматривается как глубинное основание качественной целостности экономических и общественных процессов. Все чаще отмечается, что идеи не просто «важнее» интересов, а что многие современные проблемы есть закономерный результат системной недооценки *энергетической и производственной «мощности» экономической идеологии* как таковой [9, 17, 21]. При этом проблема заключается в дихотомии: либо разработать принципиально новый идеологический концепт, основанный на иных, чем либерализм, ценностно-смысловых постулатах; либо пытаться обновить действующую неолиберальную парадигму.

Таблица 2.

Прогнозные оценки среднегодовых темпов прироста ВВП США (в %) [7, с. 131]

Источник оценки	ВВП на душу населения
1. Д. Джоргенсон (2010-2020 гг.)	1,05
2. Дж. Ферналд (до 2023 г.)	1,36
3. Бюджетное управление Конгресса США (2019-2023 гг.)	1,55
4. Долгосрочный прогноз Комитета по операциям на открытом рынке ФРС	1,63

Первая группа исследователей четко фиксирует деструктивную роль неолиберализма в современной хозяйственной действительности и системно обосновывает необходимость смены идеологической парадигмы [1, 2, 4]. Отмечается, что в 80-х годах прошлого столетия в рамках мировой экономической науки произошла реверсивная инволюция, нацелившая теорию и практику не в сторону прогрессивной эволюции, а назад, к ценностям «индивидуализма истинного» [22], приоритета частной собственности, монетаризма и «свободной» конкуренции. Это привело к вполне ожидаемым негативным результатам: воинствующий индивидуализм личности магическим образом трансформировался в одноименный индивидуализм стран-лидеров (прежде всего, США), которые реализуют неолиберальный эгоистический концепт теперь уже на межстрановом и межрегиональном уровне, о чем свидетельствует углубляющееся неравенство, как в мире, так и внутри самих развитых стран [3].

Кроме того, торжествующая в условиях либерализма система частной собственности и мифическая вера во всесилие механизма конкурентного рынка, привели к *масштабной финансиализации экономики* (нетто-поток финансов из промышленного сектора экономики в денежный сектор хронически превышает обратное движение денег). Наряду с этим, стремление к быстрой и большой прибыли давно не способствует ускоренному развитию общественного сектора экономики (фундаментальной науки, системы образования), что существенно замедляет технико-технологический прогресс. В результате, масштабные и непрерывные инновации по-прежнему основываются на достижениях второй (частично третьей) технологической революции, основанной на традиционном использовании невоспроизводимых экономических ресурсов. Добавим сюда «нетто-структурный сдвиг» в пользу экономических симулякров (бесполезного сектора экономики), «рыхлеющую» в странах лидирующей группы роль «социального» государства, уже не способного к организации шумпетерианского «созидательного разрушения», и общая картина современной деструктивной роли неолиберализма будет полной [8].

Выход из усиливающейся тенденции социально-экономической стагнации, ученые видят в радикальной смене идеологической, а также релевантной исследовательской и научно-практической программы. Они резонно полагают, что для решения назревших и обостряющихся проблем мирового и регионального развития, необходима креативная революция, требующая, в свою очередь, масштабного и повсеместного развития творчески-трудовых способностей человека и социальных групп. Такое развитие возможно лишь в условиях *идеологии экосоциогуманизма (возможно, антропоцентризма, новой экономической антропологии и др.)*. В любом случае, воинствующий индивид с системой частной собственности и узким горизонтом планирования более не является носителем созидательного потенциала требуемого уровня креативности [1, 2].

Вторая группа исследователей (пока их большинство) не связывает причины длительного замедления социально-экономического развития с падающей «идеологической эффективностью» неолиберализма и стремятся найти рецепты преодоления стагнации в рамках действующей научной парадигмы [15, 16]. Эти исследователи считают неолиберальный экономико-идеологический концепт «концом истории» и «вершиной» ценностно-смысловых отношений; следует лишь найти «новые» алгоритмы и модели использования постулатов и функциональных форм действующей идеологии. При этом одни ученые говорят об исчерпании так называемых «низко висящих» экономических плодов, связанных с потенциалом природных ресурсов, образованием, технологическими прорывами минувших лет и т.д. [23, 24].

Другие аналитики аргументируют феномен длительной стагнации «встречными ветрами», характеризуемыми углубляющимся социально-экономическим неравенством, сокращением занятости при низкой эффективности использования творчески-трудового потенциала населения, накопленным государственным долгом, удорожанием энергоносителей и ужесточением экологических стандартов, что приводит к перманентному разрыву между потенциальным и фактическим ВВП и т.д. [24]. Есть теоретики, обосновывающие вывод о хронической стагнации недостаточным совокупным спросом (по сути, «кейнсианско-хансеновский» подход) из-за переизбытка совокупных сбережений при нулевых процентных ставках в условиях растущих рисков и институциональной неопределенности [25].

В отмеченных и многих других концептах идеологи неолиберализма в действующей («сущее») и проектной («должное») модели видят экономику, практически свободную от государственного вмешательства при безраздельном господстве либеральных рынков и цен, при свободе предпринимательской деятельности и защите прав частной собственности (именно частной, а не всех цивилитарных форм). При этом неоинституциональная «поправка» неолиберализма заключается лишь в смягчении императива максимизации полезности (доходности) и его замены реально возможным уровнем удовлетворения потребностей, с добавлением категории «экономическая трансакция» к категории «экономический агент». Однако сущность идеологии неолиберализма (приоритет частных благ над общими благами при воинствующем индивидуализме) не меняется; противоречия лишь несколько «сглаживаются», но не теряют своей неолиберальной имманентности.

Следовательно, пути выхода из социально-экономической стагнации предлагаются в «лучших традициях» монетарно-фискальной плутократии, содержащей в свем арсенале любые меры и механизмы, однако исключительно в рамках «жесткого ядра» неолиберализма и частично затрагивающие лишь его «оболочку». В перечне этих мер повышение пенсионного возраста, приватизация объектов общей собственности, повышение налога на добавленную стоимость, включение механизма шумпетерианского «созидательного разрушения», реформа образования и здравоохранения, последовательная либерализация национальных и внешних рынков, монетарная экспансия, инвестиции в новые технологии и цифровизация экономики, программы по ликвидации бедности и многое другое. Однако, как свидетельствуют стилизованные факты, в том числе содержащиеся в таблицах 1 и 2 данного исследования, ситуация только усугубляется.

Интегральным результатом ретроспективы дискуссии о проблемах «вековой стагнации», являет вывод том, что странам лидирующей группы так и не удается мобилизовать творчески-трудовой потенциал собственников человеческого капитала и приблизиться к потенциальному ВВП. При этом попрежнему углубляется межстрановое и внутристрановое неравенство, не утихают торговые «войны», усиливается технологический и сырьевой колониализм, не дают ожидаемого эффекта новые информационно-коммуникационные технологии, расширенно воссоздается сеть «ловушек», активизируется поиск «плохой» ренты, углубляется деструкция производительных классов общества при одновременном развитии ментальной модели безудержного потребительства, нарстает региональный и общецивилизационный пессимизм. Главное, не формируется в массовом масштабе креативный класс, необходимый для креативной революции, поскольку идеология неолиберализма нацеливает дефицитные творческие ресурсы цивилизации в сторону обслуживания экономики «денег и зрелищ», то есть бесполезного сектора хозяйства. Очевидно, что решить задачу устойчивого прогрессивного мирового и регионального социально-экономического развития в рамках традиционной неолиберальной идеологии, базирующейся на индивидуализме и частной собственности, «бумажном» либо деспотическом государстве, «коротких» деньгах и экономических симулякрах при разрушающемся человеческом капитале, объективно не представляется возможным.

Заключение

Таким образом, начавшаяся и ускоряющаяся стагнация мирового и регионального социально-экономического развития в период тотального господства неолиберализма нацеливает на качественное обновление смысловых и идеологических императивов, детерминирующих современную хозяйственную динамику. В связи с этим, важнейшим является вывод о том, что продолжающееся ментально-смысловое «шествие» неолиберальной экономической идеологии как основы реализации монетарной неоклассической и неоинституциональной исследовательской программы, являющихся ценностным основанием современного социально-экономического развития, *вызывает все больше сомнений среди ученых и практиков относительно созидательной «мощности» неолиберализма как такового.* Становится очевидным, что длительность существования, а также растущее множество проявлений и усиливающаяся острота протекания социально-экономических дисфункций имеют, в конечном счете, не оперативно-дискреционную, а глубинно-идеологическую природу. Затянувшаяся стагнация мирового и регионального развития лишь «во-вторых» есть результат недостаточных инвестиций, недоработок в сфере фискально-монетарного регулирования либо иных субъективных ошибок правящих политико-экономических элит и экономических властей всех уровней.

Следовательно, длительная стагнация мирового, национального и регионального социально-экономического развития, мягко интерпретируемая как «новая нормальность», не может не быть «во-первых» *результатом системного ценностно-смыслового провала экономической идеологии неолиберализма,* что и подтверждает выдвинутую гипотезу исследования. Однако идеология неолиберализма отнюдь не является «конечной» на пути познания социально-экономической действительности, и что к жизни могут и должны быть вызваны альтернативные экономико-идеологические концепты. Очевидно, что качественная целостность новой экономической идеологии призвана обеспечить простор для творчески-трудовой энергии личности и общества не в рамках универсальной неолиберальной парадигмы, а в системе дисперсных моделей геосоциального развития, учитывающих креативно-интеллектуальную экологию конкретных людей и цивилизационную идентичность соответствующих региональных сообществ. При этом резонно предположить, что инновационная экономическая идеология может быть *идеологией антропоцентризма или экосоциоцентризма,* интегрирующая в себе личные, частные, общественные и цивилизационные интересы, а также цели и задачи ноосферного, действительно гуманистически направленного социально-экономического развития.

Список литературы

1. *Бузгалин А.В.* Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122-142.
2. *Бузгалин А., Колганов А.* «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // Вопросы экономики. 2004. № 3. С. 36-50.
3. *Григорьев Л.М., Павлюшина В.А.* Межстрановое неравенство: динамика и проблемы стадий развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 5-30.
4. *Данилов-Данильян В.* Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 31-42.
5. *Дробышевский С.М., Трунин П.В., Божечкова А.В.* Долговременная стагнация в современном мире // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 125-142.
6. *Идрисов Г., Мау В., Божечкова А.* В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5-24.
7. *Капелюшников Р.* Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 104-134.
8. *Катуков Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В.* Фактор созидательного разрушения в современных моделях и политике экономического роста // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 95-119.
9. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 350 с.
10. *Клейнер Г.Б.* Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1. С. 89-101.
11. *Клейнер Г.Б.* Принцип двойственности в свете системной экономической теории // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 127-149.
12. *Клинов В.* Сдвиги в мировой экономике в XXI веке: проблемы и перспективы развития // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 114-128.
13. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 317с.
14. *Любимов Л.И., Оспанова А.Г.* Как сделать экономику сложнее? Поиск причин усложнения // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 36-54.
15. *Мау В.А.* На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017-2019 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 5-30.
16. *Моисеев С.Р.* «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000-2018 годах // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 26-45.
17. *Родрик Д.* Когда идеи важнее интересов: предпочтения, взгляды на мир и инновации в экономической политике // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 22-45.
18. *Салихов Б.В. Салихова И.С.* Системная парадигма в управлении экономикой корпоративных знаний: монография. – М.: Изд-во «МУ им. С.Ю. Витте», 2014. – 167 с.
19. *Салихова И.С., Окороков И.В.* Научно-практические императивы развития методов управления корпоративными знаниями // Транспортное дело России. 2012. № 6-2. С. 133-136.
20. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
21. *Тамбовцев В.Л.* Идеи и интересы, экономическая политика и институты // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 26-46.
22. *Фридрих А. Хайек.* Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. – 256 с.
23. *Cowen T.* (2011). The Great stagnation: How America ate all the low-hanging fruit of modern history, got sisk, and will (eventually) feel better. N.Y.: Penguin Group.
24. *Gordon R.J.* (2012). Is U.S. economic growth over? Faltering innovation confronts the six headwinds. NBER Working Paper, No. 18315.
25. *Summers L.H.* (2013b). Why stagnation might prove to be the new normal? The Financial Times, December 15.

References

1. *Buzgalin A.V.* The Decline of neoliberalism (to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx) // Issues of Economy. 2018. No. 2. Pp. 122-142.
2. *Buzgalin A., Kolganov A.* "market-Centric" economic theory is outdated // Issues of Economy. 2004. No. 3. Pp. 36-50.
3. *Grigoriev L.M., Pavlyushin V.A.* cross-country inequality: dynamics and challenges stages of development // Issues of Economy. 2018. No. 7. Pp. 5-30.
4. *Danilov-Danilyan V.* Global crisis as a consequence of structural shifts in the economy. // Issues of Economy. 2009. No. 7. Pp. 31-42.
5. *Drobyshevsky S.M., Trunin P.V., Bogachkov A.V.* Long-term stagnation in the modern world // Issues of Economy. 2018. No. 11. Pp. 125-142.
6. *Idrisov G., Mau V., Bozhechkova A.* In search of a new growth model // Issues of Economy. 2017. No. 12. Pp. 5-24.
7. *Kapelyushnikov R.* The Idea of "age-old stagnation": three versions // Issues of Economy. 2015. No. 5. Pp. 104-134.
8. *Katukov D.D., Malygin V.E., Smorodinskaya N.V.* the Factor of creative destruction in modern models and policies of economic growth // Issues of Economy. 2019. No. 7. Pp. 95-119.

9. *Keynes John.* M. General theory of employment, interest and money. – Moscow: Helios ARV, 2002. – 350 p.
10. *Kleiner G.B.* System resource of economy // Issues of Economy. 2011. No. 1. Pp. 89-101.
11. *Kleiner G.B.* The principle of duality in the light of system economic theory // Issues of Economy. 2019. No. 11. Pp. 127-149.
12. *Klinov V.* Shifts in the world economy in the XXI century: problems and prospects of development // Issues of Economy. 2017. No. 7. Pp. 114-128.
13. *Kuhn T.* The Structure of scientific revolutions. – Moscow: AST MOSKVA, 2009. – 317 c.
14. *Lyubimov L.I., Ospanova A.G.* How to make the economy more difficult? The search for the causes of the complications // Issues of Economy. 2019. No. 2. Pp. 36-54.
15. *Mau V.A.* at the end of the global crisis: economic challenges 2017-2019. // Issues of Economy. 2018. No. 3. Pp. 5-30.
16. *Moiseev S.R.* "Renaissance" of monetarism: how the famous theory lived in 2000-2018 // Issues of Economy. 2018. No. 1. Pp. 26-45.
17. *Rodrik D.* When ideas are more important than interests: preferences, views on the world and innovations in economic policy // Issues of Economy. 2015. No. 1. Pp. 22-45.
18. *Salikhov B.V., Salikhova I.S.* System paradigm in managing the economy of corporate knowledge: monograph. – Moscow: Publishing house "MU named S.Y. Witte", 2014. – 167 p.
19. *Salikhova I.S., Okorokov I.V.* Scientific and practical imperatives of development of corporate knowledge management methods // Transport business of Russia. 2012. No. 6-2. Pp. 133-136.
20. *Smith A.* Research on the nature and causes of the wealth of peoples. – Moscow: Eksmo, 2007. – 960 p.
21. *Tambovtsev V.L.* Ideas and interests, economic policy and institutions // Issues of Economy. 2019. No. 5. Pp. 26-46.
22. *Friedrich A. Hayek.* Individualism and economic order. – Moscow: Izograf, 2000. – 256 p.
23. *Cowen T.* (2011). The Great stagnation: How America ate all the low-hanging fruit of modern history, got sisk, and will (eventually) feel better. N.Y.: Penguin Group.
24. *Gordon R.J.* (2012). Is U.S. economic growth over? Faltering innovation confronts the six headwinds. NBER Working Paper, No. 18315.
25. *Summers L.H.* (2013b). Why stagnation might prove to be the new normal? The Financial Times, December 15.

УДК 338.2

Шкодинский Сергей Всеволодович,
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, заведующий кафедрой Экономической теории, Московский государственный областной университет, г. Москва,
sh-serg@bk.ru

Назаров Андрей Геннадьевич,
кандидат политических наук, докторант, Институт проблем рынка Российской академии наук, г. Москва,
andrey.g.nazarov@gmail.com

ПОДДЕРЖАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ КАК КЛЮЧЕВОЕ УСЛОВИЕ ЕГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена проблеме обеспечения инвестиционной привлекательности промышленных предприятий как ключевому фактору их устойчивого развития в современных условиях. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что эффективность функционирования любой экономической системы – от микроэкономического уровня предприятия до макроэкономического уровня страны, всецело зависит от инвестиций, которые характеризуют текущий и будущий уровни развития данной системы. Поддержание инвестиционной привлекательности промышленного предприятия на высоком уровне, а также ее оценка, важны для него самого и для инвесторов (в том числе, потенциальных). Значение данного фактора для инвесторов состоит в своевременном и корректном анализе экономических и технических показателей функционирования финансируемого предприятия, а также в прогнозе его эффективного развития для получения прибыли. Для промышленного предприятия, на основе результатов оценки инвестиционной привлекательности, обеспечивается возможность выявления всех слабых мест. Благодаря этому предприятие сможет оптимально реализовать меры по устранению недостатков и увеличению конкурентных преимуществ. В качестве основного подхода к анализу вышеизложенной проблемы выступает системный подход к исследуемым экономическим явлениям. Перечень всех поставленных задач обусловил необходимость использования таких методов научного познания, как: монографический, абстрактно-логический, аналитический, анализ и синтез. В статье представлены рекомендации по формированию механизма повышения инвестиционной привлекательности и обеспечения устойчивого развития предприятия, функционирующего в промышленном секторе. Материалы и выводы, изложенные в данной статье, обладают теоретическим и прикладным значением. Они могут использоваться в управленческой практике промышленных предприятий. Также они могут быть применены в процессе обеспечения устойчивого развития конкретного промышленного предприятия.*

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, инвестиции, инвестиционный потенциал, инвестиционный риск, алгоритм оценки инвестиционной привлекательности, промышленное предприятие, устойчивое развитие

Sergey V. Shkodinsky,
doctor of economic sciences, professor, Senior Researcher, Center for Industrial Economics, Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Head of the Department of Economic Theory, Moscow Region State University, Moscow,
sh-serg@bk.ru

Andrey G. Nazarov,
candidate of political sciences, doctoral candidate, Market Economy Institute of RAS,
andrey.g.nazarov@gmail.com

MAINTAINING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE AT A HIGH LEVEL AS A KEY CONDITION FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract. *The article is devoted to the problem of ensuring investment attractiveness of industrial enterprises as a key factor of sustainable development. The research urgency is caused by the fact that the efficiency of every economic system from the micro enterprise level to the macro level of the country depend entirely on investment that characterize current and future levels of development of the system. Maintaining the investment attractiveness of the company at a high level, as well as its evaluation, are of particular importance for both investors and the company itself. The importance of this factor for investors lies in the correct analysis of the technical and economic performance of the financed company and the forecast of its effective development in order to make a profit. For the company, based on the assessment of investment attractiveness, it becomes possible to identify its weaknesses and implement measures aimed at eliminating them, as well as to increase its competitive advantages. The leading approach to the study of this problem is a systematic approach to the studied economic phenomena. The range of tasks identified the need to use the following methods: monographic, abstract-logical, analytical, analysis and synthesis. The article presents recommendations for the formation of a mechanism to increase investment attractiveness and ensure sustainable development of an industrial enterprise. The materials of the article are of practical value for their use in the management practice of industrial enterprises, and can also be used in the analysis of ensuring the sustainability of the investment attractiveness of a particular industrial enterprise.*

Keywords: investment attractiveness, investment, investment potential, investment risk, investment attractiveness estimation algorithm, industrial enterprise, sustainable development

Инвестиционная привлекательность – важнейшая характеристика, позволяющая предприятиям генерировать достаточный объем инвестиций. Степень инвестиционной привлекательности объекта инвестирования определяется на основе совокупности показателей, описывающих систему управления предприятия, маркетинговую систему, финансово-хозяйственную деятельность и дальнейшие перспективы его развития.

В рамках теории инвестиций было разработано и применено несколько разных подходов к определению инвестиционной привлекательности предприятий, но только для одной, заранее обозначенной инвестиционной цели. Оценка и анализ инвестиционной привлекательности является важным этапом в управлении инвестициями предприятий. В современных условиях предприятиям приходится более взвешенно подходить к вложению ресурсов. Релевантность и точность результатов оценки стратегии инвестирования оказывают влияние на общую эффективность инвестиционной деятельности предприятия.

Актуальность темы настоящего исследования обусловливается существованием разных подходов к рассмотрению инвестиционной привлекательности предприятий с позиции различных инвестиционных целей, а также необходимостью повышения качества стратегии инвестирования.

Изучением теоретических вопросов, связанных с определением инвестиционной привлекательности хозяйствующих субъектов, занимались такие отечественные и зарубежные экономисты, как: А.Б. Анкудинов [1], С.П. Конторович [2], Э.В. *Наговицына, Ю.С. Жукова* [3], Л.Н. Орлова [4], С.С. Погасий [5], С.В. Шкодинский [6], B.D. Jordan [7], W.F. Sharpe [8], G. Steiner [9] и др.

Однако сеоретическая и методологическая база в сфере исследования инвестиционной привлекательности хозяйствующих субъектов не сформирована до сих пор. Сказанное подтверждается отсутствием единообразного толкования категории «инвестиционная привлекательность предприятия». Кроме того, до сих пор отсутствует общепринятая методика и методология оценки этой категории.

Основная цель настоящего исследования заключается в научном обосновании теоретических положений и выработке рекомендаций по совершенствованию процесса обеспечения инвестиционной привлекательности промышленного предприятия как ключевого фактора его устойчивого развития.

Инвестиционная привлекательность промышленного предприятия: факторы и особенности оценки

Инвестициям отводится важнейшая роль в производственном процессе на предприятии, поскольку именно благодаря им обеспечивается повышение организационного и технического уровня производства.

Инвесторы готовы вкладывать свободные средства в предприятие, однако, при этом, они предъявляют достаточно жесткие требования. Огромным значением при оценке инвестиционной привлекательности предприятия и принятии решения об инвестировании обладают такие факторы, как уровень конкурентоспособности, устойчивое финансовое положение, потенциальные риски.

Инвестиционную привлекательность следует представить в качестве экономической категории или сочетания разных существенных признаков, средств, а также возможностей, которые в своей совокупности обусловливают потенциальный платежеспособный

спрос на инвестиции в какой-то стране, регионе, отрасли, либо на предприятии. Все эти данные позволяют инвестору принять решение о целесообразности вложения финансовых средств.

Значимость такой оценки для инвесторов состоит в корректном анализе экономических и технических показателей деятельности финансируемого предприятия, а также в прогнозировании его эффективного развития для извлечения прибыли. Оценка инвестиционной привлекательности позволяет предприятию выявить наиболее слабые стороны в своей деятельности, а также выработать меры по их устранению. Благодаря оценке инвестиционной привлекательности предприятие может увеличить свои конкурентные преимущества.

Как правило, под инвестиционной привлекательностью предприятия понимается оценка целесообразности капиталовложений. Однако частные определения категории «инвестиционная привлекательность» имеют существенные различия. До сих пор не сформулировано единообразного определения термина «инвестиционная привлекательность». Различные подходы представлены в таблице 1.

На основании анализа определений, приведенных в таблице выше, считаем целесообразным под инвестиционной привлекательностью предприятия понимать специфическую систему характеристик видов его деятельности (управленческой, финансовой и производственной), а также внутренней инвестиционной среды.

Согласно статистическим данным за 2019 год инвестиции в основной капитал в разрезе видов экономической деятельности представлены следующим образом: 30% занимает топливно-энергетический комплекс; на транспорт приходится 15%. Меньше всего инвестиций – в сфере образования и здравоохранения: 3%. Обрабатывающие производства инвестируют 12% от всего объема инвестиций, недвижимость и строительство – 29% (рисунок 1).

Как мы уже отмечали, на инвестиционную привлекательность предприятия воздействуют различные факторы. Среди основных внутренних факторов: состояние оборудования; номенклатура производимой продукции; навыки управленцев; система управления; степень финансовой устойчивости; степень применения инновационных решений в технологии производства и оборудования.

К числу ключевых внешних факторов относятся: экономические особенности отрасли; потенциал местности, в которой функционирует предприятие; действующее законодательство в сфере инвестиций [10, С. 87]. Факторы внешнего порядка не зависят от результатов хозяйственной деятельности организации и чаще всего связаны с инвестиционным климатом региона, в котором функционирует бизнес.

В июне 2019 года на площадке Петербургского международного экономического форума прошла презентация результатов Национального рейтинга состояния инвестиционного климата субъектов Федерации. Согласно представленному рейтингу первое место по инвестиционной привлекательности заняла Москва, на втором месте – Республика Татарстан, на третьем – Тюменская область.

Отметим, что до сих пор не сформировано единообразного подхода к оценке и определению

Таблица 1.

Понятие «инвестиционная привлекательность» в трактовках разных авторов

Автор	Определение	Ключевые слова	Недостатки
Матвеев Т.Н.	Инвестиционная привлекательность – это комплексный показатель, который характеризует целесообразность вложений в конкретное предприятие	Комплексная оценка	Не учтен инновационный и экономический потенциал
Русак В.А. Русак Н.А.	Инвестиционная привлекательность – это целесообразность вложения свободных средств в предприятие	Целесообразность	Не учтен экономический потенциал
Валинурова Л.С.	Инвестиционная привлекательность рассматривается в качестве определенной совокупности возможностей, средств, признаков, критериев объективного характера. Всем этим определяется объем потенциального спроса на инвестиции	Спрос на инвестиции	Не учтен инновационный потенциал и конкурентная среда
Севрюгина Ю.В.	Инвестиционная привлекательность – это совокупность качественных и количественных факторов, которыми характеризуется платежеспособный спрос предприятия на инвестиции	Качеств. и количественная оценка. Спрос на инвестиции	Не учтены риски и конкурентная среда
Смирнова Н.В	Под инвестиционной привлекательностью понимается оценка объективных возможностей состояния предприятия, а также направлений инвестирования, формирующаяся при подготовке принятия решения инвестором	Комплексный подход. Потенциал.	Не учтена оценка риска и состояние конкуренции

Рисунок 1. Структура инвестиций в основной капитал в разрезе направлений экономической деятельности за 2018 год

целесообразного уровня инвестиционной привлекательности. Ключевые критерии инвестиционной привлекательности предприятия: территориальная, финансовая, кадровая привлекательность, привлекательность продукции и др. Основные аспекты продукции: уровень диверсификации, цена, качество. Кадровые аспекты привлекательности: качество, квалификация, способности руководства и персонала. Финансовые аспекты: платежеспособность, финансовая устойчивость, рентабельность, ликвидность, структура имущества [11, С. 52].

Представим наиболее популярные методики оценки инвестиционной привлекательности.

1. Метод дисконтированных денежных потоков (DCF – discounted cash flows) является инструментом оценки будущих денежных потоков. Иначе говоря, это попытка оценить привлекательность любых инвестиционных возможностей посредством того, какие денежные потоки они могут сгенерировать в будущем. Сущность метода основана на простом утверждении – текущая стоимость денег превышает их будущую стоимость [4].

Данное утверждение характеризуется такими объективными основаниями, как: инфляция, инвестиционные риски, возможность альтернативных вложений (к примеру, банковский депозит).

Главное преимущество метода состоит в том, что этот подход позволяет оценить бизнес с неравномерными, нередко отрицательными финансовыми результатами.

2. Метод оценки инвестиционной привлекательности предприятия на основе анализа внутренних и внешних факторов.

Преимущество этого метода состоит в том, что в нем учитываются и внутренние, и внешние факторы, оказывающие влияние на инвестиционную привлекательность предприятия. Другими словами, данным методом обеспечивается комплексный подход. Недостаток рассматриваемого метода – использование экспертных оценок на 1-м и 3-м этапе рассматриваемой методики. Это приводит к снижению точности полученных результатов, так как он зависит от субъективных оценок экспертов.

3. Семифакторная модель оценки инвестиционной привлекательности хозяйствующего субъекта. Данная модель в качестве основного показателя инвестиционной привлекательности предприятия включает рентабельность активов. Чем более высокой является рентабельность активов, тем более эффективной является деятельность предприятия. Соответственно, тем более привлекательным оно будет в качестве объекта инвестирования.

Рассматриваемая модель применяется с целью изучения воздействия показателей устойчивости на эффективность использования активов предприятия. Факторный анализ, используемый в указанной методике, осуществляется по методу цепной подстановки с использованием абсолютных разностей.

Этот метод отражает воздействие факторов на рентабельность активов предприятия, на его финансовое состояние и привлекательность как объекта инвестирования.

4. Интегральный метод оценки инвестиционной привлекательности предприятия.

Оценивая уровень инвестиционной привлекательности предприятия при помощи интегрального

метода, учитываются только относительные внутренние показатели хозяйственной деятельности организации. Проводимые расчеты сводятся к интегральному показателю инвестиционной привлекательности хозяйствующего субъекта.

Главным преимуществом интегрального метода является сведение расчетов к итоговому интегральному показателю. Основной недостаток этого метода заключается в использовании при расчетах только внутренних показателей предприятия. Внешние показатели также влияют на деятельность предприятия, однако в интегральном методе они не учитываются.

5. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности предприятия. Основные подходы данной методики представлены на рисунке 2.

Отметим, что многие из представленных подходов или не дают полного отражения инвестиционной привлекательности организации, или же результаты оценки будут обладать субъективным характером. Все это приводит к неточным оценкам. Чтобы получить более точный результат измерения инвестиционной привлекательности, целесообразно использовать несколько методов одновременно.

Формирование механизма повышения инвестиционной привлекательности и обеспечения устойчивого развития промышленных предприятий

Новая парадигма управления инвестициями обусловлена необходимостью удовлетворения требований современной действительности, а именно: интенсификации инвестиционных потоков в производство инновационной продукции и структурной модернизации элементов инвестиционной политики [12, С.118].

Необходимость и актуальность совершенствования инвестиционной политики в интересах модернизации российской экономики обусловлены следующими причинами:

- колоссальный износ основных средств производства, который неизбежно ведет к разрушению материально-технической базы экономики;
- низкий уровень реализации достижений научно-технического прогресса в различных отраслях народного хозяйства, что тормозит его развитие;
- отсутствие высококвалифицированных кадров, что приводит к низкой производительности труда по сравнению с развитыми экономиками мира;
- сокращение инвестиций в основной капитал, что является препятствием для восстановления и устойчивого роста экономики;
- технологический разрыв России с важнейшими мировыми странами, устранение которого служит отправной точкой для устойчивого роста и модернизации экономики;
- отток внутреннего капитала за рубеж (как правило, в оффшорные зоны) подрывает экономический потенциал России;

Рисунок 2. Подходы к комплексной оценке инвестиционной привлекательности предприятия

- введение экономических санкций со стороны ЕС и США против нашей страны в 2014 году, что особенно затрудняет заимствования на мировых финансовых рынках.

На макроэкономическом уровне инвестиционная политика определяется как неотъемлемая часть экономической политики, посредством которой государство может оказывать прямое влияние на объем и темп производства, ускорение научно-технического прогресса, темпы инфляции, трансформацию структуры общественного производства и др. [13, С. 92].

В современных условиях прослеживается недостаток именно в комплексной и единой системе инвестиционного планирования, способной учитывать специфику инвестиционного климата во всех регионах страны, охватывать все экономические сферы, а не только те, которые способны демонстрировать наилучшие результаты.

Как представляется, принципы эффективности единой инвестиционной политики должны основываться на следующих подходах.

Во-первых, должен быть создан благоприятный инвестиционный климат [14, С.366].

Во-вторых, необходимо определить наиболее приоритетные направления развития техники и науки.

В-третьих, необходимо сосредоточить инвестиции на стратегических ориентирах научно-технического развития.

В-четвертых, должны быть подобраны эффективные (с точки зрения рисков) инвестиционные проекты.

В-пятых, необходимо объективно оценить инвестиционный потенциал предприятий.

Для того чтобы трансформировать инвестиционные процессы и качественно вывести их на новый уровень, соответствующий стратегическим ориентирам развития промышленного сектора, необходимо:

1) Усилить согласованность в разработке целевых федеральных и региональных программ развития отрасли, комплексных инструментов с помощью стратегического и интерактивного планирования;

2) Создание эффективного портфеля государственных и муниципальных заказов, обеспечивающих безопасное распределение продукции, а также увеличение объемов производства разнообразных видов продукции с конкурентоспособными потребительскими свойствами;

3) Для мобилизации в кризисные периоды внешних инвестиционных ресурсов государство должно поддерживать их через государственные кредитные гарантии и субсидирование процентов по кредитам, выдаваемым на технологически продвинутые и инновационные проекты;

4) Для обеспечения уровней подготовки кадров; распределения и перераспределения инвестиционных ресурсов; формирования необходимых условий для обеспечения взаимодействия региональных органов власти с инвесторами необходимо использовать административный механизм приоритетного инвестирования, поддержки и реализации инновационных проектов, предоставления эффективных форм государственной поддержки (нефинансовой и финансовой).

Отметим, что модернизация отдельных предприятий не может рассматриваться отдельно, то есть в отрыве от политики модернизации отраслей и национальной экономики в целом. Современные стратегии корпоративной модернизации должны быть дополнены новыми сущностными признаками и рассматривать этот процесс следует как форму социальной, экологической и экономической деятельности, которая обеспечивает поддержание устойчивого развития компании, способствует более эффективному использованию всех ресурсов и отдает приоритет инновациям и цифровой трансформации [15, С.77].

В свою очередь, формирование эффективной инвестиционной политики промышленного предприятия в рамках модернизации экономики требует определения долгосрочных целей и приоритетов развития; разработки технологических, маркетинговых и финансовых прогнозов; активного внедрения инноваций.

По этим причинам может быть сделан вывод о том, что главная цель механизма повышения инвестиционной привлекательности промышленного предприятия состоит в обеспечении структурно и технологически развитого производственного комплекса, способного поставлять на рынок конкурентоспособную и инновационную продукцию, соответствующую требованиям международных стандартов. Кроме того, указанный механизм должен быть частью инвестиционной политики предприятия, учитывающей все средства инвестирования и методов мобилизации капитала.

Заключение

В настоящем исследовании систематизированы основные категории подходы, связанные с оценкой инвестиционной привлекательности промышленных предприятий для обеспечения его устойчивого развития.

Полученные данные в статье достаточно полно отражают понятие инвестиционной привлекательности предприятия, оценивая которую инвестор принимает обоснованное решение о необходимости и целесообразности инвестирования. Ключевые факторы, оказывающие влияние на инвестиционную привлекательность предприятия: особенности отрасли; финансовая устойчивость предприятия; действующее законодательство; факторы внешнего порядка (например, географическое положение поставщиков; рынок сбыта и пр.) и др.

В статье представлены рекомендации по формированию механизма повышения инвестиционной привлекательности и обеспечения устойчивого раз-

вития промышленного предприятия, которые могут быть применены для целей конкретной организации. Все это не только создает возможность в достижении цели устойчивого развития, но и позволяет предприятию оперативно реагировать на возникновение новых проблем и вызовов.

Список литературы

1. *Анкудинов А.Б., Сафина Л.А.* Инструменты стимулирования инновационной деятельности предприятий промышленности как элемент стоимостного управления // Известия УрГЭУ. 2011. № 5(37). С. 133-140.
2. *Конторович С.П.* Управление инвестиционной привлекательностью предприятия (системно-оценочный аспект) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://publish.cis 2000.ru/books/book.17/info/shtm
3. *Наговицына Э.В., Жукова Ю.С.* Проблемы оценки инвестиционной привлекательности предприятий // Успехи современной науки. 2017. № 2. Том. 3. С. 142-144.
4. *Орлова Л.Н.* Проблемы оценки инвестиционной привлекательности экономических субъектов на различных уровнях хозяйствования // Интернет-журнал «Науковедение». Выпуск 4 (23), июль – август 2014. Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: https://naukovedenie.ru/PDF/106EVN414.pdf
5. *Погасий С.С.* Оптимизация программы реальных инвестиций предприятия // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2013. № 3(3). С. 50-56.
6. *Шкодинский С.В.* Проблемы повышения инвестиционной привлекательности российских субъектов хозяйствования // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2005. Т. 3. № 23.
7. *Jordan B.D.* Fundamentals of investments: valuation and management / B.D. Jordan, T.W. Miller. – 5th ed. – New York: McGraw-Hill/Irwin, 2009. 677 p.
8. *Sharpe W.F.* Investors and markets: portfolio choices, asset prices, and investment advice / W.F. Sharpe. – Princeton: Princeton University Press, 2007. – 221 p.
9. *Steiner G.* Strategic factors in business success / G. Steiner. – New York: Financial Executives Research Foundation, 1969. 800 p.
10. *Иваницкий В.П., Привалова С.Г., Токарева И.В.* Современные проблемы управления инвестиционной деятельностью предприятий // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 1. С. 86-91.
11. *Анастасов М.С.* Факторы повышения эффективности управления, инвестирование совместных инновационных проектов // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2012. № 6. С. 51-54.
12. *Тарелкин А.А.* Разработка эффективной инвестиционной политики промышленных предприятий в условиях модернизации экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 24 (278). Вып.39. С. 117-122.
13. *Горбунова О.А.* Ключевые факторы привлечения прямых иностранных инвестиций // Oeconomia, Aerarium. 2018. № 4. С. 91-94.
14. *Пищулин О.В.* Инвестиционный климат и направления его улучшения // Вестник экономики транспорта и промышленности. 2012. № 38. С. 366-368.
15. *Лясников Н.В., Дудин М.Н.* Организация стратегической устойчивости в разрезе концепции развития инновационной системы стратегического корпоративного управления на предприятиях промышленности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 8. С. 76–79.

References

1. *Ankudinov A.B., Safina L.A.* Tools for stimulating innovative activity of industrial enterprises as an element of cost management // Izvestiya UrGEU. 2011. № 5 (37). p/ 133-140. (In Russ.).
2. *Kontorovich S.P.* Upravlenie investicionnoj privlekatel'nost'yu predpriyatiya (sistemno-ocenochnyj aspekt) // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa URL: http://publish.cis 2000.ru/books/book.17/info/shtm (In Russ.).
3. *Nagovicyna E.V., ZHukova YU.S.* Problemy ocenki investicionnoj privlekatel'nosti predpriyatij // Uspekhi sovremennoj nauki. 2017. № 2. Tom. 3. S. 142-144. (In Russ.).
4. *Orlova L.N.* Problemy ocenki investicionnoj privlekatel'nosti ekonomicheskih sub"ektov na razlichnyh urovnyah hozyajstvovaniya // Internet-zhurnal «Naukovedenie». Vypusk 4 (23), iyul' – avgust 2014. Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa URL: https://naukovedenie.ru/PDF/106EVN414.pdf. (In Russ.)
5. *Pogasij S.S.* Optimization of the company's real investment program // Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya. 2013. № 3(3). p. 50-56. (In Russ.).
6. *Shkodinskij S.V.* Problemy povysheniya investicionnoj privlekatel'nosti rossijskih sub"ektov hozyajstvovaniya // Ekonomika. Predprinimatel'stvo. Okruzhayushchaya sreda. 2005. T. 3. № 23. S. 34-41. (In Russ.).
7. *Jordan B.D.* Fundamentals of investments: valuation and management / B.D. Jordan, T.W. Miller. – 5th ed. – New York: McGraw-Hill/Irwin, 2009. – 677 p.
8. *Sharpe, W.F.* Investors and markets: portfolio choices, asset prices, and investment advice / W.F. Sharpe. – Princeton: Princeton University Press, 2007. – 221 p.
9. *Steiner G.* Strategic factors in business success / G. Steiner. – New York: Financial Executives Research Foundation, 1969. – 800 p.

10. *Ivanickij V.P., Privalova S.G., Tokareva I.V.* Modern problems of management of investment activity of enterprises // Izvestiya BGU. 2010; (1). (In Russ.).
11. *Anastasov M.S.* Factors for improving management efficiency, investment of joint innovative projects // Innovacionnaya ekonomika: informaciya, analitika, prognozy. 2012. № 6. p. 51-54. (In Russ.).
12. *Tarelkin A.A.* Development of effective investment policy of industrial enterprises in the conditions of economic modernization // Vestnik CHelGU. 2012. №24 (278). p. 117-122. (In Russ.).
13. *Gorbunova O.A.* Key factors for attracting foreign direct investment // Oeconomia, Aerarium. 2018. № 4. p. 91-94. (In Russ.).
14. *Pishchulin O.V.* Investment climate and ways to improve it // Vestnik ekonomiki transporta i promyshlennosti. 2012. № 38. p. 366-368. (In Russ.).
15. *Lyasnikov N.V., Dudin M.N.* The organization of strategic stability in the context of the concept of development of an innovative system of strategic corporate governance at industrial enterprises // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2009. №. 8. p. 76–79. (In Russ.).

УДК 349.415

Королев Дмитрий Валерьевич,
магистрант 2 курса, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва,
diamant2004@list.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ПРИРОДООХРАННЫХ ПРОКУРАТУР В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И БЕСПРЕПЯТСТВЕННЫЙ ДОСТУП К ВОДНЫМ ОБЪЕКТАМ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье анализируются положения водного законодательства, предусматривающие право граждан на свободный доступ к водным объектам общего пользования и их береговой линии для личных бытовых целей, и раскрывается практика прокурорского реагирования и судебной защиты по обеспечению нарушенного права беспрепятственного доступа к акватории рек, морей, озер и водохранилищ и прилегающей прибрежной полосе. Предлагаются рекомендации по внесению изменений и дополнений в Водный и Земельный кодексы РФ, направленные на формирование единообразного толкования и применения законодательных установлений по реализации права прохода к водным объектам неограниченного круга лиц.*
Ключевые слова: водные объекты, береговая полоса, свободный доступ, природоохранная прокуратура, право граждан, ограничение

Dmitrii V. Korolev,
2 master course, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin,
diamant2004@list.ru

IMPROVEMENT OF ACTIVITY SPECIALIZED ENVIRONMENTAL PROSECUTORIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A WAY OF PROTECTING RIGHTS CITIZENS FOR A FAVORABLE ENVIRONMENT AND UNLIMITED ACCESS TO WATER FACILITIES COMMON USE

Abstract. *The provisions of the water legislation providing for the right of citizens to free access to public water bodies and their coastlines for personal domestic purposes are analyzed, and the practice of prosecutorial response and judicial protection to ensure the violated right of unhindered access to the waters of rivers, seas, lakes and reservoirs and adjacent coastal strip. Recommendations are proposed on introducing amendments and additions to the Water and Land Codes of the Russian Federation, aimed at creating a uniform interpretation and application of legislative provisions on the implementation of the right of access to water bodies of an unlimited circle of people.*
Keywords: water bodies, coastal strip, free access, environmental prosecutor's office, citizens' right, restriction

В настоящее время отмечается тенденция увеличения количества обращений граждан в природоохранные прокуратуры по фактам частичного или полного ограничения свободного доступа к водным объектам в целях купания, загорания, отдыха, занятия любительской рыбной ловлей и для осуществления иных общедоступных видов пользования береговой линией и акваторией водного объекта. Причиной такой сформировавшейся правоприменительной тенденции стала противоречивость толкования положений ст. 6 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ) [1].

В некоторых субъектах федерации надзорные природоохранные ведомства, органы местного самоуправления, правоохранительные и судебные органы сумели обеспечить соблюдение положений ч. 2 ст. 6 ВК РФ, закрепляющие право каждого гражданина на свободный и бесплатный доступ к водным объектам

общего пользования для личных и бытовых нужд [2; 3; 4; 5; 6].

В других регионах присутствует практика взимания платы за право прохода к береговой линии через территорию обладателя земельного участка, расположенного на пути к водному объекту, либо полное отсутствие какой-либо возможности подхода к общественному пляжу моря, реки, озера, водохранилища и иного водного объекта. Толкование декларативного предписания ч. 2 ст. 6 ВК РФ о праве граждан на свободный и бесплатный доступ к водным объектам общего пользования позволяет говорить о возможности ограничения такового правомочия, поскольку редакция названной законодательной нормы прямо указывает на допустимость установления ограничительных по своему содержанию условий прохода к береговой полосе и акватории водного объекта, которые могут быть предусмотрены Водным кодексом или иными федеральными законами. Нужно подчеркнуть, что в данной норме указывается возможность установления определенных запретов и иных ограничительных мер по беспрепятственному доступу к водным объектам лишь законами федерального уровня [4, с. 35]. Вместе с тем ч. 3 ст. 6 ВК РФ закрепляет за органами местного самоуправления правомочия по принятию местных правил пользования водными объектами, в которых теоретически могут быть предусмотрены и определенные ограничительные меры, и запреты по доступу к акватории водного объекта, что подтверждается примерами из судебной практики. В этой связи автор считает важным дополнить редакцию ч. 3 ст. 6 ВК РФ указанием на осуществление использования гражданами водных объектов общего пользования для личных и бытовых нужд согласно правилам, устанавливаемым органами местного самоуправления в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 6 ВК РФ.

Следует отметить, что установление ограничений свободного прохода к береговой полосе объективно оправданно, поскольку водные объекты в силу своей высокой рекреационной ценности и хозяйственной значимости выступают объектами многочисленных видов предпринимательской деятельности, основанной либо на договоре водопользования (ст. 12 ВК РФ), либо на разрешении, выдаваемом исполнительными органами государственной власти или органами местного самоуправления исходя из принадлежности водных объектов к государственной или муниципальной формам собственности (ст. 21 ВК РФ).

Преобладающая часть споров связана с действиями собственников объектов частной жилой застройки либо садовых домов, расположенных на пути к водному объекту, которые перегораживают шлагбаумами либо глухими заборами имеющиеся проходы и проезды к береговой полосе водных объектов. Следует отметить, что действующая редакция Водного кодекса РФ не содержит понятия водного сервитута, что, безусловно, не способствует обеспечению надлежащей защиты прав граждан на свободный и бесплатный доступ к водным объектам, и в том числе по этой причине реализация нормы ч. 2 ст. 6 ВК РФ характеризуется высокой степенью противоречивости. Рассуждая о пробельности действующей нормативной базы, регулирующей рассматриваемую сферу правоотношений, следует отметить, что законодатель в регулировании данного вопроса предусмотрел ряд существенных мер, направленных на надлежащий уровень реализации прав граждан для беспрепятственного и бесплатного прохода к водным объектам.

В частности, согласно ч. 8 ст. 27 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ) [2] установлен запрет на приватизацию земельных участков в границах береговой полосы. Также законодательная гарантия, направленная на соблюдение прав граждан на доступ к береговой полосе водных объектов, обеспечивается применением института земельного сервитута. Специальная норма ЗК РФ РФ (п. 1 ч. 4 ст. 23) предусматривает возможность установления исполнительными органами государственной власти или органами местного самоуправления публичного земельного сервитута для прохода и проезда через земельный участок в целях обеспечения свободного доступа граждан к водному объекту общего пользования и его береговой полосе. Казалось бы, действующая нормативно-правовая база вполне достаточна для надлежащего регулирования рассматриваемых правоотношений. Тем не менее практика свидетельствует о том, что несмотря на перечисленный объем действующих законодательных установлений, отмечаются многочисленные факты нарушений соблюдения требований по свободному доступу граждан к водным объектам общего пользования и их береговой полосе [5, с. 145].

Анализируя содержание ст. 6 ВК РФ, следует отметить, что в целом позиция законодателя выстроена в рамках классического установления общего дозволения по реализации правомочий пользования общедоступными природными ресурсами и объектами с одновременным установлением возможности установления некоторых ограничений или запретов по использованию того или иного природного объекта или ресурса (в данном случае водных объектов и ресурсов). Одной из причин увеличения количества случаев нарушения прав граждан на беспрепятственный доступ к береговой полосе стала либерализация водного законодательства, которая позволила, во-первых, расширить перечень разрешенных видов предпринимательской деятельности в границах водоохранной зоны, во-вторых, снизились требования по осуществлению жилой застройки в прибрежной территории, и, в-третьих, существенно сократилась ширина самой водоохранной зоны, главное назна-

чение которой и заключается в снижении негативного загрязняющего воздействия на водный объект. Накопленная практика реализации приведенного перечня основных изменений в регулировании использования водоохранной зоны не позволяет, к сожалению, говорить о снижении негативного воздействия на водные объекты, что указывает на необходимость разработки новых дополнительных мер усиления правовой защиты публичных интересов в сфере водоохранных правоотношений, в которых защита общественных природно-ресурсных благ должна доминировать над частноправовыми интересами по причине незаменимой значимости воды как основы жизнеобеспечения всего населения страны.

Обращения граждан в территориальные подразделения природоохранной прокуратуры связаны также с запретом нахождения граждан в границах береговой полосы в целях осуществления любительской рыбной ловли на безвозмездной основе [3]. Следует отметить, что после достаточно длительного времени действия «непопулярной» запретительной нормы, вызвавшей негативную реакцию со стороны любителей характерной и широко-распространенной в нашей стране рыбной ловли, законодатель предложил компромиссный вариант, восстановив бесплатную любительскую рыбную ловлю с установлением ограничения величины суточного улова на каждого рыбака до пяти килограммов рыбных ресурсов. Законодатель указанным новым законом предусмотрел дополнительную обеспечительную меру по защите прав граждан на беспрепятственное использование береговой полосы водных объектов общего пользования для занятия любительским рыболовством, внеся соответствующие изменения в ч. 8 ст. 6 ВК РФ.

Если обратиться к зарубежному опыту регулирования доступности прохода неограниченного круга лиц к береговым полосам водных объектов, то он также неоднороден. В ряде стран (Тунис, Кипр и др.) береговые полосы и расположенные на них пляжи находятся только в публичной собственности и пользование ими доступно для неограниченного круга лиц, в других странах (например в Турции) пользование береговой полосой существенно ограничено и доступ разрешен только правообладателям прибрежной территории. Следует отметить, что в абсолютном большинстве морских стран мира установление глухих заборов непосредственно до уреза воды правообладателями водоохранной зоны запрещается. Для общественного доступа к морю, реке, озеру, водохранилищу, иным водным объектам градостроительными правилами предусмотрены муниципальные проходы и проезды либо, в случае отсутствия таковой возможности, национальным законодательством предусмотрено установление публичных сервитутов.

Автор считает целесообразным и необходимым в Российской Федерации для оптимизации нормативного регулирования права доступа граждан к водным объектам общего пользования в целях отдыха, купания, загорания, занятия любительской рыбной ловлей учитывать одновременно и сложившиеся многовековые национальные традиции российского населения по беспрепятственному доступу к водным объектам и береговой полосе и создавать надлежащие условия для осуществления предпринимательской деятельности по использованию водных объектов и ресурсов, что позволит обеспечить реализацию базового принципа водного законодательства, предусмотренного п. 1 ст. 3 ВК РФ, о значимости водных объектов в качестве основы жизни и деятельности человека и как важнейшей составной части окружающей природной среды, и как о природном ресурсе, используемом человеком для личных и бытовых нужд, осуществления хозяйственной и иной деятельности, и одновременно как об объекте права собственности и иных прав.

Список литературы

1. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Собрание законодательства РФ, 05.06.2006, № 23, ст. 2381
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 05.03.2020) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147
3. Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) "О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов" // Собрание законодательства РФ, 27.12.2004, № 52 (часть 1), ст. 5270
4. *Бурыкин А.Н.* Совершенствование деятельности специализированных природоохранных прокуратур в Российской Федерации, как способ защиты прав граждан на благоприятную окружающую среду // Молодой исследователь: вызовы и перспективы сборник статей по материалам XXXV международной научно-практической конференции. 2019. С. 35-38.
5. *Рыженков А.Я.* О принципе равного доступа физических и юридических лиц к приобретению в собственность водных объектов // Вестник Томского государственного университета: Право. 2016. № 4 (22). С. 144-154.
6. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 12.01.2018 г. № 33-77/2018
7. Решение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 24.05.2018 г. по делу № 1230/2018
8. Постановление Верховного суда Республики Татарстан от 15.05.2018 г. № П4А-337/2018
9. Постановление Верховного суда Республики Татарстан от 21.06.2018 г. № 4А-511/2018

10. Решение Московского городского суда от 08.08.2018 г. по делу № 7-9661/2018

References

1. The Water Code of the Russian Federation dated 03.06.2006 N 74-ФЗ (as amended on 02.08.2019) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation, 05.06.2006, No 23, Art. 2381
2. The Land Code of the Russian Federation of 10/25/2001 No 136-ФЗ (as amended on 12/27/2019, as amended on 03/05/2020) // Collected Legislation of the Russian Federation, 10/29/2001, No 44, Art. 4147
3. Federal Law of December 20, 2004 No 166-ФЗ (as amended on July 26, 2019) (as amended and supplemented, entered into force on 01/01/2020) "On Fisheries and the Conservation of Aquatic Biological Resources" // Collection of Legislation RF, December 27, 2004, No 52 (part 1), Art. 5270
4. *Burykin A.N.* Improving the activities of specialized environmental prosecutors in the Russian Federation as a way of protecting citizens' rights to a favorable environment // Young researcher: challenges and prospects collection of articles based on materials of the XXXV international scientific and practical conference. 2019.S. 35-38.
5. *Ryzhenkov A.Ya.* On the principle of equal access of individuals and legal entities to the acquisition of water bodies in ownership // Bulletin of Tomsk State University: Law. 2016. No. 4 (22). S. 144-154.
6. Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Karelia dated January 12, 2018 No. 33-77 / 2018
7. Decision of the Supreme Court of the Kabardino-Balkarian Republic of May 24, 2018 in case No. 1230/2018
8. The decision of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated 05.15.2018, No. P4A-337/2018
9. The decision of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated June 21, 2018 No. 4A-511/2018
10. Decision of the Moscow City Court of 08.08.2018 in case No. 7-9661 / 2018

Бажанов Станислав Васильевич,
доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств,
полковник юстиции в отставке, г. Москва
e-mail: svb-1956@mail.ru
Stanislav V. Bazhanov,
Doctor of Law, Professor, Academician Peter's Academy of Arts and Sciences,
retired colonel of justice, Moscow

Базылев Владимир Николаевич,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры Общегуманитарных дисциплин
и теории и истории государства и права, АНО ВО «Институт деловой карьеры», г. Москва,
профессор Московского государственного лингвистического университета, г. Москва,
главный эксперт Лаборатории экспертных исследований и ситуационного анализа «ЛЭКСАН»
e-mail: v-bazylev@inbox.ru
Vladimir N. Bazylev,
Doctor of Letters, Full Professor, Institute of business career, Moscow, Apl.Prof., Dr., Moscow State
Linguistic University, Moscow, Apl. Prof., Dr., Laboratory of expert research and situational analysis
«LEXAN» – chief expert

Богдановский Дмитрий Львович,
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры Естественнонаучных дисциплин,
информационных технологий и экологического права, АНО ВО «Институт деловой карьеры», г. Москва,
e-mail: dmlvbo@mail. ru
Dmitry L. Bogdanovskiy,
PhD in Technical Science, assistant Professor, Full Prof. of the Chair Natural Sciences,
information technology and environmental law, Institute of business career, Moscow,

Бойков Александр Игоревич,
старший преподаватель кафедры Менеджмента, НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», г. Москва
e-mail: imc-itu@mail.ru
Alexander I. Boykov,
Senior Lecturer, Department of Management, Institute of World Civilizations, Moscow,

Ветрова Ольга Алексеевна,
соискатель Академии управления МВД РФ,
инспектор отдела полиции МВД России по району Марьино, г. Москва
e-mail: vetrova.olga.alekseevna@yandex.ru
Olga A. Vetrova,
applicant of Departments of MIA Academy of the Russian Federation, Inspector of the Police Department
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Maryino district, Moscow

Горохова Полина Андреевна,
специалист по учебно-методической работе 1 категории,
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет), г. Санкт-Петербург
e-mail: polina348@yandex.ru
Polina A. Gorokhova,
specialist in educational and methodical work of the 1st category,
St. Petersburg State Technological Institute

Гостев Александр Николаевич,
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры Теории и методологии
государственного управления, Академия управления МВД РФ, г. Москва
e-mail: gostevan@yandex.ru

Alexander N. Gostev,
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Professor of the Department of Theory and Methodology of State Management,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow

Демченко Максим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации», г. Москва
e-mail: demchenkomv@mail.ru
Maxim V. Demchenko,
PhD in Law, Associate Professor, docent of the Department of Legal Regulation of Economic Operations,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Демченко Татьяна Сергеевна,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры Управления персоналом и кадровой политики,
Российский государственный социальный университет, г. Москва
e-mail: tstarshinova@mail.ru
Tatyana S. Demchenko,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Human Resources
and Human Resources Policy, Russian State Social University, Moscow

Королев Дмитрий Валерьевич,
магистрант 2 курса, Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва
e-mail: diamant2004@list.ru
Dmitrii V. Korolev,
2 master course, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

Левандовская Мария Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права, Московский
государственный юридический университет имени О.Е Кутафина (МГЮА), г. Москва
e-mail: marusenka0610@yandex.ru
Maria G. Levandovskaya,
candidate of Legal Sciences, Moscow State Law University named after O. Kutafin

Лисова Екатерина Валерьевна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Экономики, менеджмента и маркетинга,
Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ, г. Липецк
e-mail: lisovaekaterina78@gmail. com
Ekaterina V. Lisova,
PhD in Social Science, assistant Professor, Full Prof. of the Chair Economics,
Management and Marketing, Lipetsk branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

Малышева Татьяна Вячеславовна,
аспирант кафедры Теории и истории государства и права,
АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», г. Белгород
e-mail: paklinowa@yandex.ru
Tatyana V. Malysheva,
Graduate student of the Department of Theory and History of Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law

Миндлин Юрий Борисович,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Экономики, менеджмента и маркетинга, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени им. К.И. Скрябина, г. Москва
e-mail: mindliny@mail.ru
Yurii B. Mindlin,
PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skrjabin, Moscow

Назаров Андрей Геннадьевич,
кандидат политических наук, докторант, Институт проблем рынка Российской академии наук, г. Москва
e-mail: andrey.g.nazarov@gmail.com
Andrey G. Nazarov,
candidate of political sciences, doctoral candidate, Market Economy Institute of RAS

Никонов Павел Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовно-правовых дисциплин, ФГКОУ ВО «Иркутский юридический институт» (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск
e-mail: nikonov_pv@mail.ru
Pavel V. Nikonov,
candidate of law, associate Professor, associate Professor of the Department of criminal law disciplines, Federal state educational institution of higher education Irkutsk law Institute (branch) University of Prosecutor's office of the Russian Federation

Пантелеева Татьяна Александровна,
кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой Менеджмента, НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», г. Москва
e-mail: Tatata070707@mail.ru
Tatyana A. Panteleeva,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management, Institute of World Civilizations, Moscow

Петрова Ольга Викторовна,
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД РФ, г. Москва
e-mail: 5elfxf@mail.ru
Olga V. Petrova,
Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow

Сазин Сергей Тихонович,
кандидат юридических наук, профессор кафедры Государственно-правовых дисциплин, ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская Академия Следственного комитета Российской Федерации», г. Санкт-Петербург
e-mail: szsut.sazin@mail.ru
Sergey T. Sazin,
PhD in law, Professor of the Department of State and legal disciplines, «Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee Russian Federation», Saint Petersburg

Салихов Борис Варисович,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Теории регионоведения, Московский государственный лингвистический университет, город Москва
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Boris V. Salikhov,
Doctor of Economics, Professor, Professor of theory regional studies department,
of the Moscow state linguistic University, Moscow

Сероштан Александр Викторович,
старший офицер, Министерство обороны РФ, г. Москва
e-mail: alexandrseroshtan2017@gmail.com
Alexander V. Seroshtan,
Senior Officer, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Ткачёв Валентин Николаевич,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный работник образования города Москвы, профессор Департамента правового
регулирования экономической деятельности, ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации», г. Москва
e-mail: valentin_t71@mail.ru
Valentin N. Tkachev,
doctor of law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, honorary worker of education
of the city of Moscow, Professor, Department of legal regulation of economic activity,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Шкодинский Сергей Всеволодович,
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра отраслевой
экономики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов
Российской Федерации, заведующий кафедрой Экономической теории,
Московский государственный областной университет
e-mail: sh-serg@bk.ru
Sergey V. Shkodinsky,
doctor of economic sciences, professor, Senior Researcher, Center for Industrial Economics,
Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation,
Head of the Department of Economic Theory, Moscow Region State University, Moscow